

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ:
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
(НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО,
ВЫЗОВЫ НАСТОЯЩЕГО,
ПРИМЕР ИНОГО)**

Выпуск 5

Москва
2022

ББК 66.3+66.4

Ц38

Рекомендовано

Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор

А. Ю. Скаков, к.и.н., ФГБУН ИВ РАН

Заместитель ответственного редактора *Н. П. Космарская*

Помощник ответственного редактора *И. В. Скакова*

Рецензенты

В. О. Бобровников, В. М. Муханов

Ц38 **Центральная Евразия: евразийское пространство (наследие прошлого, вызовы настоящего, пример иного).** Вып.5 [Текст]: сб. ст. / Гл. ред. А. Ю. Скаков; Институт востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2022. — 208 с., ил.

ISBN 978-5-907543-94-2

Сборник статей "Центральная Евразия" подготовлен Центром изучения Урало-Поволжья Института востоковедения РАН. В настоящем выпуске рассматриваются проблемы наследия прошлого, различные аспекты истории Евразийского пространства, ряд статей посвящен исследованию влияния значимых исторических событий на современную внутриполитическую жизнь данного региона.

Ряд публикаций затрагивает различные аспекты современного развития стран Центральной Евразии.

Издание предназначено для специалистов-востоковедов, преподавателей вузов, аспирантов, студентов, а также всех, кто интересуется международными отношениями и мировой экономикой.

ББК 66.3+66.4

ISBN 978-5-907543-94-2

© Коллектив авторов, 2022

© ФГБУН ИВ РАН, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

XX ВЕК И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ КАК ОПЫТ И ФАКТОР НАСЛЕДИЯ

Грозин А. В.

Тема голода 1932–1933 гг. как фактор
внутриполитической жизни Республики Казахстан 5

Муханов В. М.

Британские сказки о меньшевистской Грузии
(Рецензия на книгу Эрика Ли «Грузинский эксперимент:
забытая революция 1918–1921 гг.») 38

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ: ВЫЗОВЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Ниязи А. Ш.

Водные ресурсы Узбекистана: проблемы и риски
в условиях меняющегося климата 60

Воробьев А. В.

Узбекистан «после Каримова»:
эволюция внешнеполитического курса 92

Хутуашвили Х. О.

Языковая политика в Грузии: предпосылки и вызовы 103

Гургулия Э. А.

Система жизнеобеспечения представителей
абхазской диаспоры в Сирии 115

Новиков В. В.

Абхазия-2020: выборы после выборов 125

ПОВОЛЖЬЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Патрушев В. С.

Дискуссионные проблемы происхождения волжских финнов 145

ТРАДИЦИЯ И ИСЛАМ: ИНОЙ ОПЫТ, ИНОЕ НАСЛЕДИЕ

Куценков П. А.

Традиционная и мусульманская архитектура догонов (мали) 188

XX ВЕК И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ КАК ОПЫТ И ФАКТОР НАСЛЕДИЯ

Грозин Андрей Валентинович

Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, Москва, Россия, andgrozin@yandex.ru

ТЕМА ГОЛОДА 1932–1933 ГГ. КАК ФАКТОР ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Аннотация: В статье рассматриваются основные аспекты влияния изучения и обсуждения темы голода 1932–1933 гг. в Казахстане на различные проблемы внутриполитической жизни республики. Влияние это является многоплановым, и тематика политики памяти как составной части идеологической политики Казахстана со стороны официальной власти находится в сложном взаимодействии с использованием сложных вопросов новейшей истории страны оппонентами политического руководства РК. В силу стремления руководства страны, различных гражданских активистов, медиа (в первую очередь, сетевыми), структурами НПО, казахстанских историков и публицистов максимально завуалировать политическую, конъюнктурную заинтересованность в использовании исторических тем для решения различных текущих политических задач, многие аспекты процесса, который можно назвать «войнами памяти», скрыт от научного исследования. Настоящий текст является попыткой рассмотреть не только эволюцию рассмотрения в Казахстане за годы независимости темы трагедии коллективизации, но и оценить ее влияние на внутриполитическую жизнь страны в ходе начавшегося весной 2019 г. процесса транзита высшей власти.

Ключевые слова: Казахстан, Россия, голод 1932–1933 гг., коллективизация, история, публицистика, «геноцидная версия», власть, внутренняя политика, элиты, национал-патриоты.

Для цитирования: Грозин А. В. Тема голода 1932–1933 гг. как фактор внутриполитической жизни Республики Казахстан // Центральная Евразия. № 1 (5). М., 2021.

THE THEME OF THE FAMINE OF 1932–1933 AS A FACTOR IN DOMESTIC POLITICAL LIFE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Abstract: The article discusses the main aspects of the impact of studying and discussing the famine of 1932–1933 in Kazakhstan on various aspects of the internal political life of the Republic. This influence is multifaceted and the theme of memory policy as an integral part of the country's ideological policy on the part of the official government is in complex interaction with the use of complex issues of the country's recent history by opponents of the country's political leadership. Due to the desire of the country's leadership, various civil society activists, media (primarily online), NGO structures, and Kazakhstani historians and publicists to disguise as much as possible the political and opportunistic interest in using historical themes to solve various current political problems, many aspects of the process, which can be called “memory wars”, are hidden from scientific research. This text is an attempt to consider not only the evolution of consideration of the collectivization tragedy in Kazakhstan over the years of independence, but also to assess its impact on the internal political life of the country during the process of transit of the Supreme power that began in the spring of 2019.

Keywords: Kazakhstan, Russia, famine of 1932–1933, collectivization, history, journalism, “genocide version”, power, internal politics, elites, national patriots.

For citation: Grozin, A.V. 2021. Tema goloda 1932–1933 gg. kak faktor vnutripoliticheskoy zhizni Respubliki Kazakhstan [The theme of the famine of 1932–1933 as a factor in domestic political life Republic of Kazakhstan]. In: *Tsentral'naya Evraziya* [Central Eurasian Studies], no. 1 (5). – (in Russ.).

Настоящая статья посвящена рассмотрению темы катастрофического голода 1932–1933 гг. в Казахской Автономной Советской Социалистической республике (Казахской АССР) на внутривнутриполитическую жизнь и борьбу в современной Республике Казахстан (РК). Основным предметом исследования является казахстанская русскоязычная историография и историческая публицистика, развитие и трансформации оценок влияния проблемы голода 30-х гг. XX в. в течение 1991–2019 гг. под влиянием идеологических перемен и иных внутривнутриполитических процессов.

Голод в Казахстане 1932-1933 гг. — часть общесоюзного голода, вызванного коллективизацией, увеличением центральными властями плана продовольственных заготовок, конфискацией скота и форсированной кампанией по переводу кочевников и полукочевников на оседлый образ жизни (седентаризация). Голод 1932-1933 гг. в Советском Союзе охватил огромные территории, которые помимо Украины и Казахстана включали Поволжье, Кубань, Северный Кавказ. Погибли миллионы людей.

Следует подчеркнуть, что казахстанская историография, изучающая проблематику советского периода истории республики, испытывает серьезное давление как со стороны старых советских представлений и стереотипов, так и в гораздо большей мере — со стороны современных процессов, которые обобщенно можно назвать «мифологизацией истории».

По нашему мнению, с точки зрения влияния на политическую жизнь в стране оценок событий трагедии коллективизации и голода в Казахстане, значительное влияние оказывают не научные работы по этой тематике, а разнообразная казахстанская историческая публицистика и материалы в медиасфере. Необходимость оценки публицистических работ, в том числе сетевых и печатной периодики, объясняется следующими причинами.

Во-первых, материалы, издававшиеся во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. и посвященные российско-казахским отношениям в советский период, представлены, в основном, публицистическими статьями политиков, журналистов, общественных деятелей и историков.

Во-вторых, публицистика в наиболее яркой форме демонстрирует общественно-политическую и научную атмосферу, остается фоном, на котором развивается историческая наука в Казахстане и, в частности, историография коллективизации в Казахской АССР. Сложность анализа этой группы источников объясняется повышенной эмоциональностью публицистических материалов. В данных работах часто отсутствует различимая грань между политической и научной публицистикой.

В-третьих, условный «историко-публицистический» массив текстов по новейшей истории Казахстана по масштабу значительно превосходит академические работы, посвященные этому периоду исторического развития республики. Историческая публицистика многократно превосходит научные исследования и степень своего влияния на массовое сознание и, как следствие, на внутривнутриполитическую ситуацию в РК.

Исходя из данных положений, и элиты и контр-элиты Казахстана учитывают чувствительность общественного сознания к вопросам изучения и трактовки исторической проблематики. Являясь составной частью политики памяти, историческая тематика за годы независимости в РК, по нашему мнению, прошла ряд этапов и в настоящее время находится в фокусе внимания как официальной власти, так и всех значимых политических акторов общественно-политических процессов в республике.

При этом под политикой памяти (исторической политикой) нами понимается широкий комплекс осознанных и систематических усилий государства и негосударственных структур по воздействию, контролю и регулированию понимания обществом его исторического прошлого.

Историческая политика выходит на передний план тогда, когда текущая социально-политическая ситуация порождает потребность в изменении отношения к отдельным элементам истории в связи с устареванием и несоответствием новым политическим и общественным запросам прежних стратегий обращения к прошлому. После распада СССР и краха коммунистической идеологии для Казахстана, как части постсоветского пространства, актуализировалась проблема трансформации прежнего «советского» типа исторической памяти с заменой его на новый. В Казахстане, как и в других республиках, образовавшихся на развалинах Советского Союза, началась поддержка и трансляция с помощью государственных ресурсов новых вариантов исторического знания, оцениваемых как отвечающие новым временам и новым запросам общества и политической трансформации с переходом от социализма к капитализму.

Историческая публицистика и историческая наука при этом являются одними из практик, посредством которых политика памяти представляет общественности различные образы прошлого. Конкретные исторические события при этом играют сугубо инструментальную роль исходной базы для реализации тех или иных общественно-политических проектов.

Начальные этапы рассмотрения тематики голода 30-х гг. прошлого века в Казахстане

По нашему мнению, процессы изучения и появления новых политических оценок голода 30-х гг. XX в. в Республике Казахстан делятся на три условных этапа.

Первый период, начавшийся еще в годы перестройки и продолжавшийся примерно до середины 90-х гг. прошлого века. На этом этапе государственные структуры РК, историки, ученые-обществоведы, литераторы, публицисты и общественные активисты в основном брали за основу и часто некритически воспроизводили на отечественной почве критерии оценок недавней истории, параметры проблем советского периода, появлявшиеся в союзных, а позднее и в российских законах, постановлениях и иных нормативных актах. Повторялось общее для всего позднесоветского и начального постсоветского периодов «стирание белых пятен» отечественной истории. В РК были приняты законодательные акты по реабилитации жертв массовых репрессий, пересмотрены десятки тысяч уголовных дел. В 1992 г. в стране принимается Закон «О реабилитации жертв массовых политических репрессий». Официально чтить память репрессированных в РК начали с 1997 г. Параллельно на первом этапе в Казахстане активно проводились научные мероприятия, писались статьи, шли массовые топонимические изменения.

Основными темами казахстанской истории суверенного периода существования РК стали: проблема присоединения Казахстана к России, национально-освободительная борьба казахского народа в первой половине XIX в., восстание 1916 г., деятельность отдельных представителей национальной интеллигенции в начале XX в., деятельность партии «Алаш» и правительства «Алаш-Орды», коллективизация в Казахстане, трагедия голода 1932-1933 гг., освоение целины.

При этом первоначальный этап процесса выработки новой исторической политики в РК характеризовался несистемным, эпизодическим контролем за всеми вышеуказанными процессами со стороны политической власти республики. Это объясняется, по нашему мнению, как общей разбалансированностью государственного аппарата накануне, в процессе и после распада СССР, снижением уровня администрирования и, в значительной мере, существованием иных, более значимых для новой власти приоритетов. Имеется в виду борьба за власть и ее удержание, конкуренция за доступ к различным ресурсам и иные сугубо практические задачи.

Второй этап выстраивания новой политики памяти в РК можно условно назвать «выборочно-бюрократическим». Он начался с 1995 г. и продолжался до середины первого десятилетия XXI в.

Этот период отличался от предыдущего тем, что постепенно укоренилась практика, при которой и в исторических исследованиях, и в значительной части исторической публицистики обязательным становится получение соответствующих разрешений от различных государственных структур (как формального, так, зачастую, и неформального характера). Постепенно та «вольница», которая наблюдалась в исторических и околоисторических работах начального периода существенно сжалась и сократилась.

Как представляется, власти республики, решив насущные задачи выстраивания новой политической системы и разделив сферы влияния между различными группами властной элиты, пришли к пониманию насущной необходимости контроля за ситуацией в гуманитарной сфере РК, прямо влияющей на общественные настроения.

Власти при этом исходили из распространенного мнения о том, что историческая наука должна объединять общество и тем самым укреплять национальную государственность. По мнению казахстанского «историка и активиста»¹ (характеристика с прозападного информационного ресурса Central Asian Analytical Network (CAAN) Марата Сембина (Сембинова), официальная власть «традиционно продолжает влиять на развитие исторической науки в Казахстане, считая ее одной из главных составляющих идеологического воздействия на население» (Сембинов 2003: 182). Отношение власти к национальной истории не только как к академической науке, но как к инструменту, призванному хранить социально-политическую стабильность, было отражено в программной статье Нурсултана Назарбаева «Хранить память, крепить согласие», написанной в 1998 г. В тексте четко указывалось: «Единство казахстанцев, основанное на бережном, я бы даже сказал — трепетном отношении к своему историческому прошлому, может и должно стать мощной созидательной силой, надежным средством решения сложнейших социально-экономических задач» (Назарбаев 1998: 2). Через обращение к национальной истории руководство Казахстана стремится осуществлять прямое идеологическое воздействие на население, рассматривая идеологию в качестве механизма сплочения и мобилизации социума для решения политических и экономических задач, механизма формирования и контроля приемлемого общественного поведения и, в конечном итоге, укрепления политической системы страны.

Понимание проблем, направлений и общих тенденций, применительно к исторической науке Республики Казахстан конца 90-х гг. прошлого века, Н. Назарбаев представил в своей книге «В потоке истории» в 1999 г. (Назарбаев 1999). Весь текст этих околоисторических очерков, ориентированных на формирование ядра идеологии суверенной Республики Казахстан (Грозин 2010: 117), пронизан мыслями первого президента о том, что историческое прошлое казахского народа является залогом великого будущего страны народа при условии сохранения единства и позитивной работы по строительству нового суверенного Казахстана. Научная ценность данного текста сомнительна, поскольку подчинена политическим интересам руководства РК.

¹ *Султанбаева З. Мурат Ауэзов и Марат Сембин — об истории антиядерного движения в Казахстане* // Central Asian Analytical Network (CAAN). 11.04.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://caa-network.org/archives/15763/> (дата обращения 18.02.2020).

В работе, в частности, были заданы рамки будущего изучения казахстанской исторической наукой и проблематики коллективизации и ее трагических последствий для республики. Например, Н. Назарбаев утверждал: «Массовая коллективизация и ликвидация баев как социальной группы привели к общенациональной катастрофе. Необходимо отдать должное умению тоталитарных вождей приводить в действие разрушительные тенденции. Еще весной 1919 г. Ленин задумался о том, каким образом можно подорвать экономическую силу баев в ауле и прямо напутствовал: «Очевидно, вам придется раньше или позже поставить вопрос о перераспределении скота».

Истоки трагедии конца 20-х — начала 30-х гг., нанесшей самый страшный удар казахам за все время существования нации, нельзя рассматривать, не учитывая того обстоятельства, что истоки трагедии закладывались именно расправой с крупными байскими хозяйствами. Пресловутый декрет о конфискации крупных хозяйств в августе 1928 г. привел к экспроприации 700 крупных хозяйств. Эти своеобразные страховые фонды казахских родов были просто изъяты из сложившейся и саморегулирующейся эколого-экономической системы. Были опустошены важнейшие экономические ниши, что вело к обрыву социальных и хозяйственных связей. Итогом было разрушение очень тонкого и веками наработанного способа жизнеобеспечения этноса. Были заложены зерна грядущей этнической катастрофы» (Назарбаев 1999: 245-246).

Оценки президентом национальной истории стали базовой основой для последующих исторических исследований в республике. Само существование «официального направления» исторической науки Республики Казахстан является наглядным свидетельством политической ангажированности казахстанской истории. В практическом плане контроль и поощрение научной активности осуществляется через систему государственного финансирования научной деятельности. Система эта начала складываться с середины 90-х гг. XX в. и в последующее десятилетие совершенствовалась и доводилась до законченного вида.

Параллельно с этим процессом несанкционированная государством интеллектуальная деятельность в республике не приветствовалась, и для любой серьезной научной работы основой стали государственные приоритеты, отношение и оценка властью различных фактов национальной истории. Различные радикальные, выбивающиеся из мейнстрима работы и исследователи, конечно, остались, но их положение оказалось либо маргинальным, либо лишенным практической государственной поддержки.

В то же время, в силу мощной инерции, различные экстремистские оценки, свойственные первому этапу развития национальной исторической науки и, особенно, исторической публицистике, сохранялись и во второй половине 90-х гг.

Самым известным из подобных «рудиментов» во второй половине 90-х гг. стала созданная в декабре 1997 г. Комиссии Сената Парламента РК по реабилитации жертв политических репрессий в Казахстане. Комиссия просуществовала всего год, ее экспертами и членами были историки, юристы, ученые и специалисты по отдельным предметам исследования. Особую роль при этом сыграл председатель комиссии, экс-инструктор ЦК Компартии Казахстана (1984-1990), кандидат юридических наук (диссертация «Равноправие наций в СССР: политико-правовые проблемы», защищена в 1990 г.) Сабыр Касымов.

В Постановлении Сената о создании Комиссии указывалось, что она создается для изучения и восстановления исторической справедливости в отношении участников борьбы за независимость и суверенитет Казахстана, а также в отношении соотечественников (их потомков), вынужденно покинувших территорию республики, других категорий жертв политических репрессий для последующей разработки соответствующих проектов законодательных актов. Комиссия в качестве базовой основы своей работы опиралась на Закон Республики Казахстан от 14 апреля 1993 г. «О реабилитации жертв массовых политических репрессий»¹.

Желая расширить и углубить нормы, указанные в Законе 1993 г., Комиссия объявила о масштабных планах: подготовить законопроекты «Об увековечении памяти борцов за свободу и независимость Казахстана», «О деколонизации», «О полной реабилитации жертв политических репрессий на территории Казахстана», «О реабилитации лиц (членов их семей), подвергшихся репрессиям и преследованиям за участие в движении, войсках и Правительстве «Алаш-Орды», «О статусе оралманов». Готовились для рассмотрения и принятия парламентом проекты постановлений «Об обстоятельствах присоединения Казахстана к России», «О роли казачества в истории Казахстана», «Об обстоятельствах и причинах массового изгнания соотечественников за пределы Казахстана», «О пересмотре названий местностей, населенных пунктов, носящих имена людей, дискредитирующих провозглашенные Казахстаном идеалы независимости и свободы», «О причинах и обстоятельствах голодомора» и др. Данная структура фактически претендовала не только на роль заместителя всей казахстанской исторической науки, способного «окончательно ответить на все вопросы» не только советского, но и имперского периода существования Казахстана, но и на полномочия власти республики в плане руководства исторической политикой и исторической идеологией республики.

Такое положение руководством страны было воспринято как нетерпимое, поскольку историческая идеология должна быть емкой и внутренне не слиш-

¹ Закон РК от 14 апреля 1993 г. «О реабилитации жертв массовых политических репрессий» (с изменениями и дополнениями от 19.01.2001 г.) // Zakon.kz. [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1001939#pos=3;-155/ (дата обращения 15.02.2020).

ком противоречивой. Прошлое же для идеологии — один из важных опорных элементов любой идеологической конструкции. И трактовки прошлого с ультрарадикальных и крайне националистических позиций создают угрозы общественной стабильности, воспринимаемой властями РК как опорное условие устойчивости политической системы.

В итоге, вся активность Комиссии не дала практических результатов и по окончании депутатских полномочий С. Касымова в конце 1998 г. её работа приостановилась. Как с горечью писал в 2009 г. сам Сабыр Ахмеджанович, «я дважды пытался пройти в депутаты парламента, чтобы завершить эту работу. А почему не реализуются ее планы, не принимаются перечисленные законы и постановления — тут причин много. Например, высшие структуры власти считают, что ставить такие масштабные задачи, принимать такие законы и постановления в политическом и идеологическом, а по некоторым аспектам и в экономическом плане преждевременно. Они полагают, что сегодня наше общество не готово к таким решениям. А общество, интеллигенция, общественные организации, ученые, за редким исключением, молчат. Народ безмолвствует. Нет сильного общественного интереса и давления, достаточных для преодоления консерватизма, бюрократических препон...»¹.

Параллельно с продолжавшимися во второй половине 90-х — начале «нулевых» годов нового века попытками превращения элементов новейшей истории Казахстана в элемент внутриполитического процесса, через создание структур, выносящих «окончательные» суждения по различным вопросам, шел процесс расширения и углубления внедрения данной тематики в общественное сознание. Достигалось это, в первую очередь, за счет исторической публицистики на казахском и русском языке. Рос объем материала по теме «казахского голодомора», увеличивалось число желающих высказаться по данной теме, гарантированно вызывающей острую эмоциональную реакцию общества.

Стоит отметить, что на протяжении всех лет независимого развития Казахстана, характерной особенностью любых дискуссий на околоисторические темы был, условно говоря, «литературно-публицистический» характер большого числа текстов, касающихся непростых моментов казахстанской истории (в том числе и голода 1932-1933 гг.). «Литературный» характер исследования темы трагедии коллективизации безусловно доминировал в республике в течение всех 90-х гг. прошлого века и остается заметным до настоящего времени.

По нашему мнению, такое положение вещей объясняется не только отсутствием глубокого и системного взгляда на историческую науку у большин-

¹ Касымов С. Мы предали память тех, кто боролся за свободу и независимость Казахстана // Зона KZ. 02.12.2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://zonakz.net/2009/12/02/мы-предали-память-тех-кто-боролся-за-св/> (дата обращения 08.03.2020).

ства борцов за «патриотическую историю», но и исторически сложившимися ментальными особенностями значительной части интеллектуальной элиты казахского этноса. Такими особенностями является пристрастие к определенной «поэтизации», «олитературиванию» исследуемых вопросов и желанию оправдать мнимые или реальные исторические поражения непреодолимым влиянием обстоятельств или внешних сил, а также доминированием в казахском обществе почтительного отношения к людям умственного труда (как к реальным, так и к мнимым). За гуманитарной интеллигенцией в РК прочно закрепился широко используемый в казахском обществе и элитах термин «зиялықауым» (дословно: «ученая среда»; «интеллигентное общество»).

Подавляющая часть казахской гуманитарной интеллигенции, провозгласив себя «голосом нации», превратилась в социальную группу «профессиональных патриотов» и, исходя из данного положения вещей, а также довольно суровой «внутривидовой борьбы», им приходится транслировать радикалистские и эмоционально окрашенные тезисы. Как отмечал директор Радио Азаттык (Радио Свобода) Едиге Магауин, «Казахские интеллектуалы утверждают, что казахи пострадали во время голода намного больше других этнических групп Казахстана, что в других центральноазиатских республиках трагедии в таких опустошающих размерах не было. Казахские интеллектуалы настаивают, что Голод только лишь провалом советской политики коллективизации не объяснить. Многие из них воспринимают Голод как акт геноцида»¹.

Исходя из данного восприятия за годы независимости в РК о трагедии коллективизации было написано около десятка литературно-исторических и художественных произведений (наиболее крупным и известным из них остается трилогия экс-сотрудника Казахской редакции Радио «Свободная Европа» / Радио «Свобода» Смагула Елубая «Одинокая юрта» (Елубай 2009), переведенная на русский, турецкий и испанский языки), десятки рассказов и множество статей, изданы собрания воспоминаний. При этом очевидным является тот факт, что за все годы независимости о предвоенном периоде развития Казахстана литературных произведений уровня романа Мухтара Ауэзова «Путь Абая» создано не было.

Отметим, что казахские писатели в течение всех этапов развития исторической науки РК были и остаются наиболее активной частью «зиялықауым», требующей некоей политической оценки в духе украинского подхода к теме голода 30-х гг. прошлого века.

Следует указать, что самым масштабным и внутренне непротиворечивым историко-публицистическим произведением о трагедии коллективизации

¹ Магауин Е. Трагедия, которую Казахстан не должен забыть // Радио Азаттык. 09.12.2008. [Электронный ресурс]. URL: http://rus.azattyq.org/content/Edige_Magauin/1357638.html/ (дата обращения 19.02.2020).

в Казахстане была книга поэта и прозаика Валерия Михайлова «Хроника Великого джута», впервые изданная сразу после отмены цензуры в СССР в 1990 г. Она стала (и продолжает оставаться) базовой основой для всех последующих околосторических работ на тему казахстанского голода 1932-1933 гг. При этом сам В. Михайлов отрицал «геноцидную» версию трагедии коллективизации. Свое отношение к данному подходу писатель сформулировал в интервью Радио Азаттык. На вопрос, почему в Казахстане, в отличие от Украины, где «президент Виктор Ющенко раскручивает тему Голодомора», власти Казахстана, по мнению интервьюера стараются избегать темы голода 30-х гг. прошлого века, Михайлов отвечал: «Президент Украины обвиняет в Голодоморе сегодняшнюю Россию ... Но ведь нет сегодня той власти, которая была тогда, в начале 30-х. К кому претензии? Ведь все народы пострадали от Советской власти, а больше всех — сами русские. Если сравнивать масштабы бедствия, то отнюдь не украинцы понесли самые большие потери, а казахи. Но казахстанская власть, зная это, не политиканствует. Политиканство — игра на народной беде. Необходимо всестороннее, глубокое, в русле мировых процессов, исследование этой трагедии. И это — дело не только власти, политиков, но и философов, историков, деятелей культуры, всей общественности»¹.

В целом, до середины «нулевых» годов XXI в. научные исследования советского периода казахстанской истории выстраивались в рамках, устанавливавшихся властями страны, и постепенно отходили от радикализма первых перестроечных и постперестроечных лет, стремились сохранять принципы научности и не «скатываться» в мифологизаторство. Историческая же публицистика оставалась сферой самых разнообразных точек зрения на прошлое страны, но постепенно и, очевидно, во многом стихийно наиболее доминирующими становились наиболее эмоционально окрашенные мнения и тезисы: национал-патриотическая тематика, оставаясь привлекательной для значительной части казахской интеллигенции предполагала достаточно жесткие рамки оценок «колониального прошлого». Руководство страны при этом не демонстрировало явного стремления каким-то образом влиять на настроения части интеллигенции, формально не входящей в структуры официальной властной элиты.

Историография трагедии коллективизации в Казахстане последних лет

Начало третьего периода изучения темы голода 30-х гг. XX в. в РК можно отнести ко второй половине «нулевых» годов нового века. Этот условный

¹ Рыскожа Б. Валерий Михайлов: «Во время голода в Казахстане погибло 40 процентов населения» // Радио Азаттык. 09.12.2008. [Электронный ресурс]. URL: http://rus.azattyq.org/content/Valery_Mikhailov/1357347.html/ (дата обращения 13.03.2020).

период длится до настоящего времени и характеризуется следующими, отличными от прежних этапов, особенностями.

При сохранении ранее сложившейся тенденции властного контроля над основными направлениями изучения истории страны, сама власть более активно демонстрирует стремление руководить всем комплексом исторической политики (через активизацию различных государственных программ, наиболее масштабной из которых стала программа «духовной модернизации» общества «Руханижангыру»¹, включающая разнообразные направления: от перевода казахского языка на латинскую графику, до проектов «Сакральная география Казахстана», или «100 новых учебников на казахском языке»)².

По моему мнению, актуализация темы формирования проактивной политики памяти в РК последних трех — четырех лет стала закономерным итогом понимания руководством Казахстана того, что в меняющихся внутри- и внешнеполитических условиях историческая политика должна находиться под особым контролем. Иначе возникают риски превращения общественного исторического сознания в зону контроля радикальных национал-патриотических сил разного идеологического направления.

При этом сам факт «отрыва» казахстанского голода от общесоюзного, попытка его сепарации, приватизации для нужд нового казахстанского государства, ведет к противопоставлению голода в Казахстане и голода в России, к утверждению о различном характере этих двух голодов³, что само по себе антиисторично: голод начала 30-х гг. XX в. был не только на Украине и в Казахстане, голодали и на Урале, и в Сибири, и в Поволжье. По оценкам казахстанского историка Нуртая Мустафаева, «в самой России в те же годы погибли свыше 3-х миллионов человек. Случившееся было обусловлено форсированными темпами коллективизации. В Казахстане последствия усугубились тем, что она проводилась не только в оседлых, земледельческих, но и в кочевых хозяйствах. Это было решение политического руководства СССР. Причем не только и не столько лично Сталина: до 1937-1938 гг. решения в ЦК ВКП(б) принимались коллегиально. Не следует забывать, что в Казахском крае и его округах, как в партийных, так и в исполнительных органах, преобладали руководители-казахи. Из этого многотысячного кор-

¹ Назарбаев Н. Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. 12.04.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-vzglyad-v-budushchee-modernizaciya-obshchestvennogo-soznaniya/ (дата обращения 16.02.2020).

² Отправной точкой и базой программы стала статья Н. Назарбаева «Болашаққа бағдар: рухани жанғыру» («Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания») от 12 апреля 2017 г.

³ Ищенко Р. «Голодомор» как инструмент геополитики // Русская Евразия. 21.01.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://rusevr.asia/golodomor-kak-instrument-geopolitiki/> (дата обращения 01.03.2020).

пуга управленцев лишь несколько человек выразили несогласие с форсированными темпами коллективизации»¹. По оценке директора ИАЦ «Институт Евразийской политики» Максима Крамаренко, если провести подсчеты потерь от голода русского народа в эти годы, то они будут такие же масштабные, как на Украине или в Казахстане².

Следует понимать, что национал-патриоты в РК многими экспертами оцениваются в качестве одного из неформальных, но включенных в политическую систему страны элементов. Разделяя это мнение, хотелось бы все же указать на то, что по мере развития и внутренних трансформаций казахстанского политического режима, место и роль в нем различных групп националистического характера постоянно менялись. Если на начальных этапах казахстанской суверенной государственности националисты были весьма слабы, управляемы и, безусловно, зависимы от политической власти, четко играли по тем правилам, которые спускались им кураторами «сверху», то по мере приближения страны к периоду транзита высшей власти различные кланы казахстанской элиты все активнее начали формировать и поддерживать «свои» группы национал-патриотов. Националисты (и их влияние на значительную часть общества РК) постепенно стали одним из ресурсов перманентной казахстанской внутриэлитной борьбы.

У этого процесс оказались и объективные предпосылки: за последнее десятилетие титульная нация постепенно стала абсолютно доминирующей частью населения Республики Казахстан. Еще в 2009 г. один из наиболее известных идеологов казахского национализма экс-работник Казахстанского института стратегических исследований при президенте и экс-заведующий сектором администрации президента Казахстана, а сейчас «видный общественник» Айдос Саримов (в последние годы — Айдос Сарым) заявлял в интервью агентству «Регнум»: «Мы постепенно пришли к моменту, когда казахская или казахстанская элита становится все более националистической. Это — объективный процесс, это условие выживания нации и государства. И сегодня любой трезвый человек понимает, что нынешние идеологемы — «130 национальностей в стране», то есть тот хребет, на котором держится идея многонационального Казахстана — эта конструкция завтра не выдержит проверку демографией... Взгляните на того же Назарбаева. Который сначала говорит одно. Потом, казахам — он говорит совершенно другое! Эти недомолвки у нас в стране имеют гораздо большее значение,

¹ *Татия К.* Отношение к советскому прошлому в Казахстане: от крайности к крайности // Русские в Казахстане. 16.01.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://russianskz.info/history/10256-otnoshenie-k-sovetskomu-proshlomu-v-kazhastane-ot-kraynosti-k-kraynosti.html/> (дата обращения 15.03.2020).

² *Мартынов П.* Плохое кино по-украински: голод в Казахстане пытаются преподнести как геноцид // Накануне.ру. 28.01.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nakanune.ru/articles/114810/> (дата обращения 15.02.2020).

нежели идеологически выверенные развороты в официальной прессе. И еще есть история. Тот же голодомор в Казахстане. Есть темы, которые нынешние власти стараются не поднимать. Но для следующих поколений политиков — эти темы станут вполне себе политическими рычагами»¹.

В недавнем объемном докладе Chatham House «Kazakhstan: Tested by Transition» отдельная глава (автор — Аннет Бор) посвящена отношениям Казахстана с другими странами Центральной Азии. Как считает автор, «...в последние годы руководство Казахстана стало более четко рассматривать себя как неотъемлемую часть региона Центральной Азии. Совокупность следующих факторов обусловила сдвиг идентичности государства и ощутимую и растущую тенденцию к расширению сотрудничества с центрально-азиатскими соседями, а именно: ... Подъем этнической казахской идентичности в ущерб ранее господствовавшей гражданской идентичности Казахстана. Это стало результатом демографических и образовательных сдвигов и растущего этнонационалистического нарратива». И, далее: «Хотя постсоветский переходный период в Казахстане нельзя считать завершенным, пока бывший президент Назарбаев полностью не уйдет со сцены, страна, тем не менее, вступила в новую эру, которая характеризуется растущим ощущением «казахскости». Рост этнического казахского самосознания является результатом двух основных событий: изменение демографии, благоприятствующее росту численности титульной нации Казахстана, и рост этнонационалистического нарратива. Как это сформулировала Марлен Ларуэль, общий нетто-результат этих демографических, образовательных и культурных сдвигов заключается в том, что «все казахстанское идет на спад, и все казахское идет в рост». Эта «казахскость» неизбежно создает напряженность между, с одной стороны, националистическими и казахоцентричными слоями общества и, с другой стороны, урбанизированными слоями, которые стремятся к более тесным связям с глобализированным миром»².

Имеет место глубокий многолетний конфликт: национал-патриотическая интеллигенция высказывает тревогу по поводу возможности «растворения национальной идентичности» в новой урбанистически-модернистской среде и ряд казахстанских исследователей указывает на то, что «растущая волна национал-патриотизма направлена именно против «европеизированного» (несмотря на особенности его советского бытия) городского пространства. Важной целью наиболее радикальной части национал-патриотов является

¹ Эксперт: «В Казахстане власть становится более националистической» // ИА REGNUM. 15.07.2009. [Электронный ресурс]. URL: www.regnum.ru/news/1185130.html/ (дата обращения 13.03.2020).

² Kazakhstan: Tested by Transition // Chatam House. 27.11.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://reader.chathamhouse.org/kazakhstan-tested-transition/#/> (дата обращения 13.03.2020).

разрушение той базы, на которой функционирует значительная часть этого пространства, — русского языка» (Алексеев 2015: 45).

Стоит добавить, что этнические русские в настоящее время составляют менее одной пятой всего населения Казахстана (19,96% на 1 января 2019 г.). Русские остаются большинством в двух регионах Казахстана (Северо-Казахстанская и Костанайская области), занимают значительную долю (более 25% населения) еще в пяти регионах страны — Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Карагандинской и Акмолинской областях, а также в Алматы. При этом и в Северо-Казахстанской, и в Костанайской областях доля казахов продолжает увеличиваться, доля остальных этносов — сокращаться. Доля этнических казахов в населении РК в 90-е гг. XX в. превысила 50%, достигла 70,23% к началу 2019 г. и, согласно прогнозам, в предстоящее десятилетие казахи составят 80% населения РК¹.

Видя все это, власть стремится «централизовать» и «возглавить» историческую политику, для исключения формирования в перспективе оппозиционных к себе общественных настроений и групп населения.

При этом все годы независимости руководство страны без особого желания касалось темы трагедии коллективизации в советском Казахстане. Объясняется это не какой-то мифической «исторической глухотой» или «боязнью реакции Кремля», а простым пониманием того, что активное озвучивание тематики голода 1932-1933 гг. по «украинскому типу» способно создать множество внутриаполитических рисков: раскол общества и правящего класса, рост социального напряжения, проблемы исторической ответственности (определенная часть современной элиты РК связана кровнородственными связями с советской казахстанской элитой), укрепление контр-элитных групп, претендующих на власть, очередной всплеск эмиграции из страны неказахского населения и т.д. Тема «казахского голодомора» (по-казахски «ашаршылыка») является потенциально крайне взрывоопасной, подрывающей складывающуюся более четверти века политическую систему. Исходя из данного понимания, представители казахстанской политической элиты предпочитают не поднимать в своих официальных заявлениях тему трагедии 30-х гг. прошлого века. На сегодняшнее время нет ни одного высказывания представителя официальной власти Казахстана в поддержку «геноцидной» версии голода.

Очевидно, в ближайшие годы казахстанская элита будет продолжать придерживаться этого подхода, оставляя тему трагедии коллективизации гуманитарной интеллигенции и национал-патриотам из числа гражданских активистов.

¹ Этническая карта Казахстана: казахов больше, европейцев меньше, третий мононациональный регион. Доля казахов продолжает расти быстрыми темпами, растут также доли узбеков и уйгуров // Власть. 03.04.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://vlast.kz/obsshestvo/32977-etniceskaa-karta-kazahstana-kazahov-bolse-evropejcev-mense-tretij-mononacionalnyj-region.html/> (дата обращения 10.02.2020).

Можно отметить, тем не менее, что в последние три — четыре года проявила себя новая тенденция: если ранее обвинения в адрес Москвы в спланированной и целенаправленной политике уничтожения казахского населения через организацию массового голода были достаточно редки и оставались уделом маргиналов от исторической публицистики РК, то к настоящему времени ситуация выгладит иначе.

Во-первых, тема «геноцида» стала более распространенной среди национал-патриотов. Частое повторение, некритическое воспроизведение в разных текстах одних и тех же тезисов, постепенно делают их, в определенной мере, «общеупотребимыми».

Во-вторых, «геноцидная версия», с 2014 г. активно «разгоняется» некоторыми политическими деятелями, а также кругом общественных активистов, связанных с международными донорами. При этом чрезвычайно заметны параллели с темой т.н. «голодомора» на Украине. Голод 1932-1933 гг., помимо желаний власти не будировать данную тему, становится фактором текущего внутривластного процесса в стране.

Русскоязычная историография темы трагедии коллективизации в последние годы стала несколько меньше в объеме, в сравнении с тем, что наблюдалось в прежние годы. Не появилось, за редким исключением, и новых в качественном плане исследований. Одновременно произошло заметное увеличение числа публикаций в национал-патриотическом сегменте казахстанской околониальной публицистики и на русском, и на казахском языках. Формальным поводом для этого стало то, что в 2017 г. исполнилось 85 лет голоду 1932-1933 гг. Ранее, 30 января 2010 г. исполнилось 80 лет постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», а также выходу 2 марта 1930 г. в газете «Правда» статьи Иосифа Сталина «Головокружение от успехов».

При этом за пределами внимания национал-патриотов РК остается вопрос о том, каковы были главные причины массового голода 1932-1933 гг. Ответы на этот вопрос укладываются в достаточно узкую линейку: от изначально «людоодедской» политики Сталина, до «людоодедских» же действий руководства на местах (при этом под «руководством» понимается преимущественно лично Филипп Исавич Голощекин). Одновременно, появляются попытки более широкого осмысления причин трагедии казахстанской коллективизации. Например, автор второго (после книги В. Михайлова) масштабного исследования проблемы («Ашаршылык: история великого голода 1932–1933 годов»¹), российский писатель Дмитрий Верхотуров считает, что «непосредственная причина голода среди кочевых казахов состоит в том, что была проведена безрассудно спешная программа перевода

¹ *Верхотуров Д. Ашаршылык: история великого голода 1932-1933 годов* // ЛитМир. 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=592397&p=1/> (дата обращения 03.03.2020).

кочевников на оседлость. В принципе, такая программа была реализуемой, и казахи и сами постепенно переходили к оседлости. Но она требовала, как минимум, нескольких лет, строительных работ, и, особенно, оборудования скотных дворов, колодцев и водопроводов, организации заготовки сена и кормов и некоторых других мероприятий. Но тогда это оседание было проведено в считанные недели.

Кочевникам указывали «точку оседания», расставляли там юрты рядами, скот делили на части: одну часть в колхозную ферму, другую часть на мясозаготовки. И все. Есть ли на «точке оседания» вода и корма для скота, могут ли кочевники хотя бы прокормиться и сохранить скот — все это мало волновало уполномоченных. Скот пал от безводья и бескормицы, начался голод, а из степи просто так не убежишь. Вот в двух словах механика великого голода, равного которому не было за все время существования кочевого хозяйства в степи». Далее Верхотуров указывает на то, что все шаги, предпринимаемые в ходе коллективизации, «оседание кочевников, создание огромных живсовхозов, масштабная запашка под зерновые — все это можно было сделать. Даже более того, и сегодня Казахстан живет сельским хозяйством вполне себе голощекинского образца, ядро которого составляют крупные агропредприятия, те же зерносовхозы, по сути. Просто это надо было делать постепенно и сообразуясь с наличными хозяйственными ресурсами»¹. Ясно, что такого рода объяснения и оценки никак не устраивают сторонников «геноцидной версии» казахстанской истории.

По нашему мнению, все же, наиболее значительное влияние на активность сторонников теории «геноцида» имели не внутренние, а внешние, характерные для постсоветского пространства процессы и события. На Украине еще в 2007 г. был принят закон о Голодоморе, квалифицировавший аналогичные казахстанским события в украинской истории как «геноцид украинского народа» и вводивший за его отрицание уголовную ответственность. Свое влияние на «радикал-историков» оказали конфликт на Южном Кавказе в 2008 г., обсуждение в 2015-2016 гг. в соседней Киргизии Жогорку Кенешем (парламентом) и, затем, провозглашение «Дня памяти 1916 года», присоединение Крыма к России и общеукраинский кризис, начавшийся после «майдана» и т.д.

Как и в ряде других постсоветских республик «войны памяти» в РК еще в конце «нулевых» годов приобрели ярко выраженный идеологический характер. Достаточно ясно эта тенденция была выражена еще в 2007 г. национал-политологом Айдосом Сарымом, упрекавшем казахстанских коммунистов в отсутствии желания «покаяться и принести извинения народу, обществу» за жертвы, понесенные республикой за годы голода и репрессий. «Могу с вы-

¹ Дмитрий Верхотуров: «Национал-патриоты Казахстана хотят «исправить историю» // StanRadar.com. 25.09.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://stanradar.com/news/full/31189-dmitrij-verhoturov-natsional-patrioty-kazahstana-hotjat-ispravit-istoriju.html/> (дата обращения 03.02.2020).

сокой долей уверенности поспорить, что наша власть также не будет вспоминать о годовщине упомянутых выше трагических событий. Очень уж многое в облики сегодняшней власти говорит о том, что она мало в чем изменилась и, по сути, по своим родовым и прочим качествам, остается все той же ненавистой номенклатурой... Кто сегодня говорит о деколонизации и детоталитаризации массового общественного сознания? Очень небольшая прослойка интеллигенции во главе с покойным Болатханом Тайжаном и оппозиционные партии. А должна бы говорить и власть. Не просто говорить, а реально действовать, принимая даже соответствующие законы, как это сделали многие страны Центральной и Восточной Европы» (Датов 2007: 3).

Оппозиционные политики, публицисты и «фольк-историки» в течение последних лет заявляют, что Казахстану необходимы законы о «десоветизации» и люстрации для полноценного «обретения памяти». Декоммунизация с последующим поражением в правах для бывших членов КПСС и ВЛКСМ, ставших новой казахстанской властью и бизнес-элитой, естественно, ни в каком варианте неприемлема. Просто потому, что потенциально этот процесс, будучи запущенным, затронет практически всю исполнительную и законодательную власть Казахстана.

Мысли о необходимости, как минимум, запрета коммунистической идеологии и компартии, на разные лады до настоящего времени повторяет вся казахстанская оппозиция: от прозападных либералов до ортодоксальных традиционалистов, имеющая перед глазами новейший украинский опыт резкой активизации работы социальных лифтов после запуска процессов десоветизации и дерусификации в стране.

Именно исходя из данного положения казахстанская оппозиция активно использует «исторические» проблемы. При этом часто повторяется утверждение о том, что руководство страны старается «замолчать» тему трагедии коллективизации из-за якобы имеющейся боязни реакции со стороны Российской Федерации. Украинский журналист С. Сухобок, специализирующийся на теме «голодомора», так обозначил данный тезис: «Причина того, что в Казахстане нет государственной поддержки исследований местного Голодомора, совершенно очевидна — откровенная пророссийская ориентация властной элиты, которая прекрасно понимает, что восстановление исторической справедливости и возрождение национальной памяти будет воспринято той же Россией крайне неадекватно и конфронтационно»¹. При этом все подобные спорные заявления совершенно не затрудняют себя какими-то доказательства-

¹ Сухобок С. Казахский диагноз Голодомора. Украинский термин «Голодомор», как более полно и точно отражающий суть явления, практически вытеснил из казахского обихода коренное понятие «Ашаршылык», интернационализировав общую для двух народов трагедию. // Comments. ua. 17.02.2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandexwebcache.net/yandbtm?lang=ru&fmode=inject&tm=1619/> (дата обращения 27.04.2021).

ми: говорится, что Кремль, «как известно» (любимое утверждение авторов, пишущих о «геноциде»), негативно воспринимает любую критику сталинской внутренней политики. В концентрированном виде данную точку зрения ранее демонстрировал гражданин США, экс-директор отделения Радио «Свободная Европа» в Киеве, журналист Александр Народецкий, начавший много и активно писать в 2009-2010 гг. на тему «казахского голодомора» в оппозиционных СМИ республики. Тогда же он, по утверждению казахстанских СМИ начал активно работать на рассорившегося с бывшим тестем Нурсултаном Назарбаевым, бежавшего из Казахстана и объявившего себя оппозиционером Рахата Алиева¹. Именно «кризис Алиева» стал первой яркой демонстрацией использования тематики новейшей казахстанской истории во внутриэлитной борьбе в стране.

По мнению Народецкого, «Кремль совершенно не заинтересован в раскрытии преступлений сталинизма, ибо выбрана другая тактика, согласно которой российское руководство пытается представить советскую историю как исключительно историю славы, побед и успехов... Более того, уже во времена полной независимости Казахстана тема причин и последствий Голода в Стране Великой Степи превратилась в одно из самых загадочных и, вместе с тем, парадоксальных табу. Это табу исходит не только от власти, которой приписывают объяснение, что она оглядывается на Москву... Судя по той нише, в которой предпочитает отсиживаться казахская власть, увиливая от решения деликатных вопросов, связанных с возможным гневом России»².

В соответствии с логикой внутриполитической борьбы, тему голода 1932-1933 гг. используют для политических атак на действующую казахстанскую власть и лично первого президента Казахстана: «Правда о казахстанском голодоморе лежит в неприступных подвалах архивов КНБ. Не исключено, что и в архиве самого президента есть достаточное количество свидетельств о вершителях голода и о жертвах. И, судя по всему, при жизни президента казахстанцам не дожидаться никаких шагов власти по разоблачению этого преступления советского режима. А может быть, потому, что преступления продолжаются?.. Самым, может быть, последовательным в мире (после российских идеологов) противником поминовения жертв голодомора — Нурсултаном Абишевичем Назарбаевым. Он остается главным стражником умолчания об одной из самых

¹ На Мальте арестован партнер Рахата Алиева. Гражданин США Александр Народецкий допрошен полицией островного государства // Forbes Kazakhstan. 08.05.2014. [Электронный ресурс]. URL: https://forbes.kz/process/probing/na_malte_arestovan_partner_rahata_alieva/ (дата обращения 03.01.2020).

² Народецкий А. Голодомор в Украине предан суду. Может, это когда-нибудь аукнется в Казахстане // Радио Азаттык / Радио Свобода. 28.01.2010. [Электронный ресурс]. URL: https://rus.azattyq.org/a/ukraine_golodomor_famine/1939787.html/ (дата обращения 27.04.2021).

больших трагедий в истории казахского этноса. Какая-то сила или страх удерживают его от памяти о невинно убиенных родственниках и соплеменниках»¹.

Интересно, что бывший «золотым пером» Р. Алиева Народецкий, после вызывающей различные конспирологические версии смерти Рахата Мухтаровича в камере тюрьмы Вены в 2015 г., утратил всякий интерес к казахстанской новейшей истории, полностью исчез из медиа-пространства, социальных сетей, а почти все его тексты, ранее публиковавшиеся в казахстанских оппозиционных сетевых СМИ, стали недоступны.

Имеет место и фактор согласования активности казахстанских критиков советского периода со сходными процессами на пространстве бывшего СССР. Как только бывший украинский президент В. Ющенко внес в гуманитарное пространство своей страны проблему обсуждения «голодомора», аналогичные процессы сразу начали воспроизводиться и в казахстанской исторической публицистике национал-патриотического толка. Следующий «всплеск» темы «ашаршылыка» в Казахстане наблюдался, соответственно, в 2014-2015 гг., когда тема «голодомора», как, якобы, геноцида, устроенного Москвой, стала на Украине канонической.

Власти РК в преддверии столетия начала трагедии коллективизации в Казахстане попытались оставить за собой возможность базовой трактовки этого события.

Критически настроенные к казахстанским реалиям комментаторы указывают на то, что степень властного контроля за любыми «историческими» сюжетами в республике чрезвычайно высока и ни о какой «самодетельности» в областях, касающихся конструирования политики памяти, в РК речи идти не может. Суммарно этот вывод в ряде публикаций в 2019 г. выразила эксперт сайта «Ритм Евразии» Ольга Богданович, много пишущая на темы, касающиеся гуманитарных аспектов этнонациональной политики стран Центральной Азии. По ее мнению, «сегодня уже никто не сомневается в том, что тема «голодомора» в Казахстане — своего рода неформальный идеологический проект, ставший одним из фрагментов официальной государственной кампании по декоммунизации и дерусификации страны, обещающий принести куда больше плодов, нежели демонтаж памятников деятелям советской эпохи, переименование географических объектов, латинизация и курс на американизацию образовательной системы. И даже близкая дружба нынешних руководителей Казахстана и РФ, мешавшая, по мнению американского историка Сары Кэмерон, все эти годы включить казахскую трагедию под названием «голодомор» в «ядро национальной памяти казахов» и вынести ее на международную

¹ Народецкий А. Казахстан ломает трагедию // Информационно-аналитический портал Республика. 30.11.2010. [Электронный ресурс]. URL: https://respublika-kz.blogspot.com/2010/11/blog-post_2711.html#more/ (дата обращения 03.01.2011).

повестку, сегодня, как видно, не помеха». Далее публицист указывает на то, что «официальный старт широкомасштабной «голодоморной эпопее», увы, дал лично Нурсултан Назарбаев во время открытия 31 мая 2012 г. в Астане (ныне Нур-Султан) монумента жертвам голода в Казахстане в 1932-1933 гг. Назвав причиной трагических страниц в истории казахов «жестokie эксперименты» большевистской системы и призвав хранить в памяти эту «непреодолимую, незабываемую боль», искушенный в политических делах Елбасы, безусловно, просчитал последствия своих слов, прозвучавших как команда «фас» для прорыва историков и экспертов, жаждущих вбить клин в его же детище — евразийскую интеграцию. Но даже ею приходится жертвовать, когда на кону территориальная целостность страны, оказывающаяся под угрозой от одной лишь мысли о присутствии в ней русского духа»¹.

Параллельно с появлениями в англоязычных СМИ темы трагедии коллективизации в Казахстане шла внутриполитическая «накачка» темы голода: 30 января 2019 г. в кинотеатре «Арман» прошла премьера якобы документального фильма оппозиционера национал-патриотического толка Жанболата Мамай «Зулмат» (интересно, что, снимая фильм, Мамай параллельно отбывал условное наказание за отмывание денег БТА-банка, что никак не мешало ему путешествовать со своей съемочной группой на Украину и посещать архив президента РК) о том, как «советский режим» с помощью голода осуществлял «геноцид казахского народа», «из национального большинства превратившегося в меньшинство на своей собственной земле». По информации сторонников Мамай, на премьере собрались сотни людей, а ленту демонстрировали еще несколько сеансов: целенаправленно создавалось впечатление наличия аншлага, и при этом фильм был запущен в ютуб и социальные сети, тиражировался и распространялся на всех уровнях. По мнению проживающего в эмиграции казахского общественного активиста Айнура Курманова «цель данного фильма направлена на возбуждение антирусских настроений. Вместе с Россией, являющейся правопреемником СССР, русский народ также объявляется коллективным и историческим виновником геноцида казахского, украинского и других народов...»².

МИД России даже откликнулся на демонстрацию «документального фильма» отдельным заявлением, в котором заявил, что рассмотрение общей для

¹ Богданович О. Американскими нитками по украинским лекалам. Как Казахстан «шьет» свою историю «голодомора» // Ритм Евразии. 04.04.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ritmurasia.org/news-2019-04-04-amerikanskimi-nitkami-po-ukrainskim-lekalam.-kak-kazahstan-shet-svoju-istoriju-golodomora-41973/> (дата обращения 24.03.2020).

² Курманов А. Новый фильм о «голодоморе» казахов объяснил нам все // ИА Newsfrontinfo. 04.02.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://news-front.info/2019/02/04/ajnur-kurmanov-novyyj-film-o-golodomore-kazahov-obyasnil-nam-vsyo/> (дата обращения 20.03.2020).

народов СССР трагедии как целенаправленного «истребления» отдельных групп по расовым, национальным или религиозным мотивам лишено оснований и является умышленной провокацией. «Трагические ошибки, приведшие к голоду, были признаны уже в 1933 г. Тогда же советское правительство организовало масштабную продовольственную помощь пострадавшим регионам, включая Центральную Азию»¹, — пояснялось в сообщении. В самом Казахстане вокруг фильма в СМИ Казахстана разгорелась дискуссия, которая, впрочем, была быстро свернута.

Последний (накануне начавшегося весной 2019 г. транзита высшей власти в стране) всплеск внутренних дискуссий о «голодоморе» в Казахстане во многом объяснялся, по нашему мнению, именно ожиданием начала серьезных внутривластных изменений. Сами же внутриказахстанские причины очередного обращения к теме голода 30-х гг. XX в. остались неизменными. Писатель Д. Верхотуров² в интервью сайту StanRadar.com кратко описал их так: «Причин обращения к теме голода, конечно, много. Это и некоторая загадочность, которая окружает эту тему. Это и стремление оттенить современность чем-нибудь мрачным и ужасным из прошлого. Это и стремление получить политические аргументы.

На наш взгляд, обращение к голоду носит утилитарный и политизированный характер. Это не стремление казахстанского общества узнать правду, какой бы она ни была, и не стремление изжить эту сильную травму, которая все еще ощущается, особенно в казахоговорящей среде.

StanRadar.com: *Какие цели преследуют казахские политики и активисты, раскачивая данную тему?*

— Если речь идет о людях, вроде Азимбая Гали или Айдоса Сарыма, то больше всего жжет их душу тот непреложный исторический факт, что современный Казахстан — как государство и в современных границах — создал Сталин... Сталин стоит у истоков современной казахстанской государственности, и национал-патриотам это очень не по нраву... Для этого им как раз и нужен голод — главное средство для такого «исправления истории». Почему и зачем? Насколько я понимаю, им охота в Европу и они собираются дать Казахстану «европейский вектор»... Для этого им нужно, желательно одним ударом, решить две задачи. Во-первых, отбросить сталинское наследие. Во-вторых, выставить себя жертвами сталинской политики, чтобы не отли-

¹ Дегтярев А. МИД отреагировал на появление легенды о «голодоморе» еще в одном регионе // Взгляд. 22.02.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://yandex.ru/turbo/vz.ru/s/news/2019/2/22/965598.html/> (дата обращения 20.03.2020).

² Книга Дмитрия Верхотурова «Ашаршылык: история великого голода» доступна по ссылке: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/dmitriy-verhoturov/asharshylyk-istoriya-velikogo-goloda/> (дата обращения 20.02.2020).

чаться от Польши или Чехии. Ну и, конечно, чтобы предъявить политические и денежные претензии России, ибо европейская ориентация для Казахстана предусматривает отход от пророссийской политики»¹.

Также, по нашему мнению, одной из причин периодического обострения дискуссий о сложных темах советского периода казахстанской истории является внешний фактор: свой вклад в политические спекуляции вокруг темы массового голода начала 1930-х гг. вносят западные и прозападные структуры, которые всеми способами стремятся отдалить постсоветские страны от России. Подобной деятельностью с середины 1940-х гг. постоянно и системно занимаются исследовательские структуры при западных вузах, представительства различных фондов и общественных организаций, информационные и аналитические ресурсы.

С другой стороны, в самом Казахстане имеется и внутриэлитный запрос на периодическое возбуждение общества вокруг различных исторических событий. В условиях наличия крупных хронических социально-экономических проблем и неспособности их решить с помощью реальной модернизации, элита пытается удерживать власть и собственность. Делает она это за счет более активного использования националистической и антироссийской риторики, стимулируя псевдопатриотические и изоляционистские настроения.

В самом Казахстане имеет широкое хождение давняя версия о том, что действия национал-патриотов в области «стирания белых пятен истории» не являются их личной инициативой и выражением гражданской позиции. Как аккуратно отмечают некоторые казахстанские эксперты, «те или иные телодвижения на партийном и политическом поле страны, тем более такие громкие проекты, как создание новой политической силы, не могут происходить без влияния определенных элитных группировок. Наблюдаемые тенденции есть отражение настроений антироссийского характера в некоторых группировках во властной элите»². С учетом глубокой взаимопереплетенности на личностном уровне элит и, условных, «контр-элит» республики, данная версия имеет право на существование, но в силу герметичности сферы принятия ключевых государственных решений (в том числе, связанных с процессом идеологического строительства в РК) ни подтвердить, ни опровергнуть ее пока не представляется возможным.

¹ Дмитрий Верхотуров: «Национал-патриоты Казахстана хотят «исправить историю» // StanRadar.com. 25.09.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://stanradar.com/news/full/31189-dmitrij-verhoturov-natsional-patrioty-kazahstana-hotjat-ispravit-istoriju.html/> (дата обращения 24.01.2020).

² Казанцева О. Чужие среди своих, или Национальные особенности эмиграции по-казахстански // IQ.expert. 13.07.2018. [Электронный ресурс]. URL: http://iq.expert/aktsenty/ekspertnye-otsenki/?ELEMENT_ID=564/ (дата обращения 10.03.2020).

Транзит высшей власти и политика памяти в Казахстане

В течение всех лет существования независимого казахстанского государства персонифицированная Нурсултаном Назарбаевым президентская власть была, бесспорно, сильна и концентрировала в руках главы страны все реальные рычаги управления политикой, экономикой и идеологией РК (Борисова 2005: 17). Вместе с тем, с каждым годом все заметнее становилась тенденция к последовательному сужению круга доверенных лиц главы государства. Система власти становилась все более герметичной и менее реагирующей на многочисленные социальные импульсы — руководство, практически, превратилось в неких «олимпийских небожителей».

Обращение президента Н. Назарбаева к народу страны с объявлением о решении сложить полномочия главы государства с 20 марта 2019 г. стало одновременно и ожидаемым, и неожиданным.

Предсказуемость и высокая ожидаемость этого шага объясняются тем, что уже ряд лет и в самом Казахстане, и в мировом экспертном сообществе тема предстоящего транзита высшей власти в стране являлась одной из центральных — все обсуждения внутриполитической или внешнеполитической проблематики РК выходили на вопросы о том, как, когда и с какими результатами президентский пост в республике достанется кому-то, кто сменит Назарбаева. Тематика, связанная с транзитом власти, стала самым востребованным видом аналитики, в общественном сознании прочно укрепилось ожидание этого будущего события («Сумеречная зона»... 2013: 9-10).

Неожиданность же была полной: 21 февраля в РК произошла давно ожидаемая смена кабинета министров, 27 февраля прошел очередной съезд ведущей партии «НурОтан» и ничто не предвещало событий 19 марта. Никто из казахстанских или зарубежных аналитиков накануне обнародования обращения Н. Назарбаева к народу не предсказывал ничего подобного.

Одной из основных особенностей современного политического режима РК является отмечаемая рядом российских, западных и центральноазиатских аналитиков ситуация имманентно существующей расколотости казахских элит, сложившейся, как минимум, с позднесоветского периода. В силу этого, несмотря на большие формальные полномочия президента, политическая система страны всегда сохраняла элементы полицентризма власти (в той же «идеологической работе» в РК на разных периодах развития суверенной республики отмечалось сильное влияние таких крупных политиков, как Алтынбек Сарсенбаев, Марат Тажин, Мухтар Кул-Мухаммед и ряда других) (Борисова 2005: 47). Фрагментация казахской элиты, ее расколотость на неформальные

группы, ведущие постоянное противоборство друг с другом, существовали и отмечались аналитиками в течение всех лет независимости. Еще в процессе начального выстраивания новой суверенной государственности, по оценке казахстанского политолога и философа Нурлана Амрекулова, «клан (в отличие от партий, профессиональных общностей т.д.) вновь стал господствующей формой группирования элит» (Амрекулов 1998: 71-72).

Указанная ситуация, во-первых, требовала от главы страны выполнения функции верховного арбитра, способного беспристрастно сдерживать любые межгрупповые споры элиты, не доводя ситуацию до жесткого взаимного противостояния. Во-вторых, для выполнения вышеуказанной роли, глава государства должен пользоваться непререкаемым внутриэлитным и общественным авторитетом, абсолютной легитимностью. И, в-третьих, все функциональные проявления существующего режима (в том числе и в безусловном доминировании в идеологической сфере) в основном были связаны не с насилием и прямым давлением, а с методами имитационной демократии и финансово-экономического стимулирования.

Некоторые казахстанские эксперты отмечали ряд особенностей идущего в 2020 г. транзита, способных в близкой перспективе прямо влиять на состояние идеологической сферы РК и историческую политику государства как ее составной части.

Происшедшие кадровые изменения несколько прояснили планы Н. Назарбаева и его модель транзита власти. Касым-Жомарт Токаев, в этой модели, занимая пост президента, является в этот период времени неким «заместителем» Лидера нации (статусом «Лидер нации — Елбасы» Нурсултан Назарбаев официально был наделен еще в 2010 г.) (Чеботарев 2015: 381-385), который фактически просто пересел в другое кресло, находясь «за спиной» нового президента. Таким образом, в стране могла сформироваться уникальная конфигурация суперпрезидентской вертикали власти.

Еще до своей формальной отставки Н. Назарбаев стал главой Совета безопасности (СБ) Казахстана. Статус главы СБ давал первому президенту рычаги управления государственной машиной, а статус вечного лидера «партии власти» «НурОтан» («Свет Отечества») — контроль над парламентом¹. В результате транзит высшей власти в Казахстане выглядел так, как будто Н. Назарбаев решил по каким-то личным причинам завести заместителя.

Поэтому заявление Назарбаева об уходе с поста, сделанное им 19 марта 2019 г., выглядело эффектно, но к настоящему времени еще мало что измени-

¹ Кто сегодня руководит Казахстаном // KazakhSTAN 2.0. 01.04.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://kz.expert.ru/materials/analitika/1370_kto_segodnya_rukovodit_kazahstanom/ (дата обращения 10.03.2020).

ло во властных раскладах страны. Собственно, и сам Нурсултан Абишевич прямо сказал: «До конца своих дней буду с вами, буду служить, заботы народа остаются моими заботами»¹.

Текущие процессы в высшей власти РК характеризовались политологами страны неоднозначно. В Казахстане выстраивалась качественно новая система политической власти. Если раньше вертикаль начиналась с президента как главы государства (Хлюпин 1998: 4-5), являвшегося «альфой» и «омегой» политической системы Казахстана, то теперь это начало олицетворял собой Первый президент с опорой на Совет безопасности РК. Но эта система держалась исключительно на неформальных опорах: авторитете Нурсултана Назарбаева, обеспечиваемом лично им внутриэлитном балансе, согласии основных групп элиты на такую роль. Уязвимость данного положения вещей заключалась в том, что Конституцией республики она не установлена, хотя и поддерживалась официальными институтами власти. В любом случае такая конфигурация власти носила временный характер, что и показали дальнейшие события.

С осени 2019 г. набирал популярность тезис о том, что, вне зависимости от желаний и сценариев Елбасы, с каждым прожитым на президентском посту днем Касым-Жомарт Токаев будет становиться все более самостоятельной и самодостаточной фигурой. И происходить это будет в силу естественного течения политического процесса: новый лидер укрепляется в системе власти, его команда постепенно расширяется, приобретенные вторым президентом знания и умения в области государственного управления становятся все более значимыми для внутриэлитных и общественных отношений, большинство населения привыкает к новому лидеру и т. д.

Представляется, что именно эта версия выглядит в настоящее время наиболее правдоподобно и реалистично: течение внутривластной ситуации естественным образом сделало фигуру нового президента РК самой влиятельной и значимой в жизни республики.

Естественно ожидать, что и сфера идеологического строительства, испытывающая в последние годы многочисленные деформирующие влияния в силу затянувшегося «предтранзитного» ожидания общества и взаимной борьбы групп элит, по мере укрепления нового первого лица страны (и де-юре, и де-факто) будет приобретать большую внутреннюю стабильность.

Как отмечал казахстанский политолог Максим Казначеев, «идея перехода на латинскую графику принадлежит Елбасы Нурсултану Назарбаеву и части его ближайшего окружения, замкнутых на Турцию и США. Сейчас происходят кадровые перестановки, и некоторых идеологов из Акорды уже

¹ Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев ушел в отставку // Тут Бай Медиа. 19.03.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.tut.by/world/630472.html/> (дата обращения 03.02.2020).

убрали. Нынешний президент не является столь однозначным сторонником этой идеи. Судя по его действиям, он очень сильно не спешит в языковом вопросе. Вплоть до того, что базовые сроки перехода на латинскую графику могут постепенно по техническим причинам сдвигать вправо. Потом еще правее, и еще»¹.

Отметим, что в РК перестроилась система лиц, персонально курировавших казахстанскую «идеологию» в течение, как минимум, последнего десятилетия.

С должности первого заместителя руководителя Администрации был перемещен на позицию государственного секретаря, а затем и посла РК в Чехии, Марат Тажин. С его фигурой многие казахстанские эксперты связывают не только выработку последних «историко-идеологических» концепций, озвучивавшихся Н. Назарбаевым незадолго до отставки («Руханижангыру» и др.), но и инициативу перевода казахского языка с кириллической на латинскую графику. Часто звучали и высказывания о том, что именно Марат Мухамбетказыевич неофициально курировал все основные процессы, происходящие в крайне динамичном конгломерате лиц и групп, которых обобщенно в республике называют «национал-патриотами». Так это или нет, в силу герметичности внутриэлитных отношений в РК, сказать сложно, но, фактически, отдаление Тажина от текущего властного функционала по времени совпало с двумя разнонаправленными процессами. С одной стороны, спадом активности наиболее радикальной части националистически настроенной части казахской интеллигенции и общественных активистов (неудача с широко анонсированным проектом очередного строительства «национальной партии»). С другой стороны, имеет место рост активности групп, которые условно можно обозначить как прозападно настроенные национал-либералы.

И первые, и вторые в РК часто «взаимоперетекают», что можно хорошо видеть на примере биографий активистов данных групп. Одновременно и национал-демократы, и национал-патриоты одинаково используют «геноцидную версию», делая одни и те же выводы: необходимость коррекции внешнеполитического курса страны, кардинальной персональной перестройки казахстанской власти, ее «омоложения», развивая прозападные симпатии и, мягко говоря, нелюбовь к России и русским.

Официально стартовавший весной 2019 г. процесс транзита высшей власти в Казахстане, по оценкам некоторых экспертов актуализировал и тему советского периода в истории республики и, особо, тематику трагедии коллективизации. Еще осенью 2018 г. кандидат исторических наук, доцент

¹ Быть ли латинизации в Казахстане? Что значит новая языковая программа до 2025 года? // StanRadar.com. 15.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://stanradar.com/news/full/37882-bytli-latinizatsii-v-kazahstane-chto-znachit-novaja-jazykovaja-programma-do-2025-goda.html/> (дата обращения 18.02.2020).

Кыргызско-Российского Славянского университета Павел Дятленко отмечал, что «активизация темы массового голода начала 1930-х гг. в первую очередь связана с особенностями текущей внутривнутриполитической ситуации в Казахстане. И в меньшей степени с очередной годовщиной данной трагедии... У последовательной раскрутки темы есть конкретные политические цели. Во-первых, в Казахстане идет политический транзит, что влияет на действия разных групп политической элиты. Среди них есть и сторонники однозначной ориентации на Запад, и сторонники националистического или религиозного пути развития Казахстана. Представители названных групп не заинтересованы в сохранении стратегических отношений с Россией»¹.

Как указывает историк, автор многотомной энциклопедии «Кто есть кто в Казахстане» Данияр Ашимбаев: «С каждым годом все большее значение имеет демографический аспект: число казахов растет, растет запрос на «казахскость» или «казахизацию» истории. Прежние методики, основанные на советской модели, во многом утратили силу, и власть вынуждена реагировать.

Включение национального, националистического, национал-популистского трендов в структуру государственной идеологии, периодически практикуемое Астаной, в какой-то степени снижает возможные риски разжигания межэтнических конфликтов и не дает этим настроениям кристаллизироваться, что называется, на улице. Хотя при этом нельзя исключать чисто бюджетно-аппаратных маневров и политической игры части госаппарата, который формирует повестку дня под возможные сценарии транзита власти»².

При этом очевидно, что ни первому, ни второму президенту не нужна общественная радикализация и, шире говоря, экзальтация групп населения по поводу той или иной трактовки исторических событий. «Ново-старая» казахстанская власть в последние месяцы демонстрирует стремление уйти от обсуждения потенциально конфликтных исторических сюжетов, обращая большее внимание общества на более нейтральные темы, способные объединять, а не раскалывать общество.

К ним относится рост интереса казахстанской науки и журналистики к теме Золотой Орды (в том числе, как первого значительного «евразийского интеграционного проекта») и к юбилею (в 2020 г.) самого известного казах-

¹ История на службе политики: Для чего в Казахстане раскачивают тему «голодомора»? // StanRadar.com. 04.10.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://stanradar.com/news/full/31314-istorija-na-sluzhbe-politiki-dlja-chego-v-kazahstane-raskachivajut-temu-golodomora.html/> (дата обращения 24.02.2020).

² «Семь граней Великой степи». Назарбаев предложил пересмотреть роль казахов в истории // Eurasia.expert. 03.12.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/sem-graney-velikoy-stepi-nazarbaev-predlozhit-peresmotret-rol-kazakhov-v-istorii/> (дата обращения 15.02.2020).

станского просветителя, писателя и философа Абая Кунанбаева (известного, кроме прочего, многократно публично высказываемыми пророссийскими симпатиями). Согласно утвержденному плану мероприятий в рамках этих значимых тем, определенную долю значительного бюджета планируется потратить на информационно-разъяснительную работу посредством интернета и социальных сетей, а также на социальный заказ по широкому кругу вопросов, связанных с тематикой модернизации общественного сознания. Значительное место при этом отводится и исторической политике.

Понятно, что для части контр-элит подобная «перефокусировка» «исторического зрения» является неприемлемой: с одной стороны существует внутренний и внешний запрос на контент иного плана. С другой, стабильный и плановый процесс транзита, подкрепляемый относительным общественным спокойствием не даст реализовать многочисленные личные стратегии и надежды: социальные лифты не откроются, как это, например, произошло на Украине в 2014-2015 гг.

Поэтому, по нашему мнению, наблюдаемая в течение 2019-2021 гг. пауза в подогревании общественного интереса к сложным темам советского периода развития Казахстана может завершиться в случае появления незапланированных в ходе транзита высшей власти в РК сбоев и серьезных внутриэлитных противоречий.

Касым-Жомарт Токаев, исходя из логики государственного руководства, показал элитам, что решения теперь принимает он сам, а судьба министров, акимов (губернаторов) и части олигархов в его руках. Развертывание Токаевым собственной команды уже в краткосрочной перспективе способно придать существенную динамику политическому процессу за счет постепенного формирования нового центра силы и политического влияния¹. Это, в свою очередь, впоследствии может стимулировать в близкой перспективе, как минимум, конкуренцию кланов, активизацию казахстанских СМИ и «войну компроматов» («Сумеречная зона»... 2013: 126-129).

Заключение

Представляется, что для Казахстана, как и для всех постсоветских республик, остается актуальной необходимость и на научном уровне, и в широком общественном сознании больше внимания уделять проблеме критики мифотворчества в истории, которая совсем не так безобидна, как может казаться на первый взгляд.

¹ *Татия К.* Смена власти в Казахстане: куда идет страна // Информационное агентство News Front. 08.04.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://news-front.info/2019/04/08/smena-vlasti-v-kazahstane-kuda-idet-strana/> (дата обращения 10.02.2020).

Отказ от понимания реальной исторической действительности не только обедняет процесс образования молодежи, не дает возможности адекватно воспринимать и использовать исторический опыт, но и формирует устойчивые негативные стереотипы в восприятии окружающего мира, что, при определенных политических условиях, способно привести к опасным результатам. Без всякого преувеличения можно сказать, что сегодняшние столкновения исторических мифов ведут к завтрашним войнам.

Попытки политизировать вопрос о жертвах коллективизации по «украинскому образцу» в Казахстане продолжатся. Как и в 90-е, во всех государственно одобренных исторических исследованиях о Казахстане 1920–1930-х гг. XX в. из одной работы в другую, из статьи в статью, продолжают «кочевать» данные о людских потерях Казахской АССР в годы коллективизации и сталинских репрессий. В жертвах, понесенных республикой, обвиняются — в русскоязычной государственной прессе — намеками и полунамеками, в казахскоязычной открыто — «русские колонизаторы», проводившие «геноцид» в отношении казахов. При этом не говорится о том, что ни репрессии, ни коллективизация в Казахстане, как и на всем пространстве СССР «не разбирали национальностей».

Еще более жесткие позиции в последние годы по проблеме «советизации» Казахстана и голода начала 30-х гг. XX в. занимают публицисты из числа ультрапатриотов. Представляется, что обильная ультрапатриотическая риторика, которой «историки-публицисты» неизменно сопровождают свои суждения, часто движима мотивами, далекими от переживаний о «судьбах нации». Манипулируя ценностями традиционалистской казахской культуры, квази-патриоты легко получают легитимный и респектабельный способ обустройства своих практических интересов. Как ранее отмечал историк Жулдузбек Абылхожин, «посредством данной апелляции можно обеспечить такой «прорыв» к ресурсам, который не потребует от их вождельных соискателей каких-то высоких профессиональных или морально-нравственных качеств» (Масанов 2007: 289).

Власти РК, в свою очередь, в последнее время очевидно начинают понимать опасность превращения исторической трагедии в инструмент геополитического противостояния различных мировых центров силы и элемент внутриэлитной борьбы.

В заключение хотелось бы привести мнение политолога Ростислава Ищенко, с которым, как нам представляется, сложно не согласиться: «Страшное бедствие голода начала 30-х стало уделом огромной части населения СССР. Нашей общей бедой, когда смерть не выбирала, кто украинец, кто русский, кто казах. Поэтому и память о нем у нас должна быть общая, а не разделенная по национальным углам, согласно тем или иным директивам американского Сената,

который резолюции свои принимает тогда и такие, какие выгодны прежде всего самим США и американскому бизнесу, но никак не казахам, украинцам или русским. И мы не должны позволить нас заморочить и посорить»¹.

История — одно из наиболее значимых средств «мобилизации чувства коллективной идентичности, которое способно в равной степени выступать орудием как интеграции и созидания, так и раскола общества (особенно, полиэтнического казахстанского)» (Грозин 2010: 107). Казахстану, как представляется, нужна полноценная работа по созданию образа прошлого, который, не противореча фактам, обеспечивал бы объективное восприятие национальной истории, служа задачам социальной модернизации и способствуя укреплению межконфессионального и межнационального согласия.

Источники и материалы

Датов С. Казахстан: Полемика недели. Айдоc Саримов: «Сегодняшняя компартия — это «Нур-Отан»» // Тасжарган. 05.04.2007. С. 3.

Елубай С. Одинокaя юрта: Трилогия. Пер. с казахск. Астана: Аударма, 2009. — 552 с.

Назарбаев Н. Хранить память, крепить согласие // Мысль. 1998. № 3. С. 2.

Научная литература

Алексеевко А. Этнодемографические эволюции и проблема формирования суверенного социокультурного пространства Республики Казахстан // Социальный портрет современного казахстанского общества. Астана — Алматы: Ин-т мировой экономики и политики (ИМЭП) при Фонде Первого Президента РК — Лидера нации, 2015. С. 25–50.

Амрекулов Н. Размышления о главном. Пути к устойчивому развитию. Алматы, 1998. — 312 с.

Борисова Е. Казахстан: президент и внешняя политика. М.: Наталис, 2005. — 175 с.

Грозин А. Мифологизаторство в современной историографии Казахстана: политологический аспект проблемы // Вестник МГТУ № 2. История и политология. М., 2010. С. 106–120.

Масанов Н., Абылхожин Ж., Ерофеева И. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы, 2007. — 291 с.

Назарбаев Н. В потоке истории. Алматы: Атамұра, 1999. — 296 с.

¹ *Ищенко Р.* «Голодомор» как инструмент геополитики // Информационное агенство News Front. 21.01.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://news-front.info/2019/01/21/golodomor-kak-geopoliticheskij-instrument-rostislav-ishhenko/> (дата обращения 20.03.2020).

Сембинов М. Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советских и постсоветских государствах / Под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М.: Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 176–191.

Люпин В. «Большая семья» Нурсултана Назарбаева. Политическая элита современного Казахстана. М.: Ин-т актуальных политических исследований, 1998. — 112 с.

Чеботарев А. Политическая мысль суверенного Казахстана. Астана — Алматы, 2015. — 494 с.

«Сумеречная зона» или «ловушки» переходного периода. Алматы, 2013. — 264 с.

References

Alekseyenko, A. 2015. Etnodemograficheskie evolyutsii i problema formirovaniya suverennogo sotsiokulturnogo prostranstva Respubliki Kazakhstan [Ethnodemographic evolutions and the problem of forming a sovereign socio-cultural space of the Republic of Kazakhstan]. In: *Sotsialnyy portret sovremennogo kazakhstanskogo obshchestva [Social portrait of modern Kazakh society]*. Astana — Almaty: Institute of world economy and politics (IMEP) under the Foundation of the first President of Kazakhstan — the Leader of the nation. P. 25–50.

Amrekulov, N. 1998. Razmishleniya o glavnom. Puti k ustoychivomu razvitiyu [Reflections on the main thing. The path to sustainable development]. Almaty. — 312 p.

Borisova, E. 2005. Kazakhstan: president i vneshnyaya politika [Kazakhstan: President and foreign policy]. Moscow: Natalis. — 175 p.

Chebotarev, A. 2015. Politicheskaya mysl' suverennogo Kazakhstana [Political thought of sovereign Kazakhstan]. Astana — Almaty. — 494 p.

Grozin, A. 2010. Mifologizatorstvo v sovremennoy istoriografii Kazakhstana: politologicheskiiy aspekt problem [Mythologization in the modern historiography of Kazakhstan: the political aspect of the problem]. In: *Vestnik MGGU № 2. Istoriya i politologiya [Vestnik MGSU № 2. History and political science]*. Moscow. P. 106–120.

Khlyupin, V. 1998. «Bolshaya sem'ya» Nursultana Nazarbaeva [“Big family” of Nursultan Nazarbayev. Political elite of modern Kazakhstan]. Moscow: Institute of actual political research. — 112 p.

Masanov, N., Abylkhodzhi, Zh., Erofeeva, I. 2007. Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istoriografii Kazakhstana [Scientific knowledge and myth-making in modern historiography of Kazakhstan]. Almaty. — 291 p.

Nazarbayev, N. 1999. V potoke istorii [In the flow of history]. Almaty: Atamura. — 296 p.

Sembinov, M. 2003. Stanovlenie natsionalnoy istorii Kazakhstana [Formation of the national history of Kazakhstan] In: *Natsionalnie istorii v sovetskikh i postsovet-skikh gosudarstvakh* [*National histories in the Soviet and post-Soviet States*] / ed. by K. Aymermacher, G. Bordyugov. Moscow: Friedrich Naumann Foundation, AIRO-XX. P. 176–191.

“Sumerechnaya zona” ili “lovushki” perekhodnogo perioda [“Twilight zone” or “traps” of the transition period]. Almaty, 2013. — 264 p.

Муханов Вадим Михайлович

Институт мировой экономики и международных отношений РАН,
Сектор Кавказа Центра постсоветских исследований, Москва, Россия,
vadim_muhanov@inbox.ru

БРИТАНСКИЕ СКАЗКИ О МЕНЬШЕВИСТСКОЙ ГРУЗИИ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЭРИКА ЛИ «ГРУЗИНСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ: ЗАБЫТАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918–1921 ГГ.»)

Аннотация: Статья представляет собой развернутую рецензию на русский перевод книги британского журналиста Эрика Ли «Грузинский эксперимент. Забытая революция 1918–1921 гг.», опубликованный в России в 2020 г. Рассматриваются новизна, источниковая и историографическая база работы, заявленная проблематика, палитра представленных тем и их раскрытие. Выявляются фактические ошибки и сомнительные тезисы автора, а также те события истории Грузии и всего Закавказья, которые в книге описаны не просто неточно, но и серьезно искажены. Перечисляются основные работы и документальные сборники по тематике Грузинской республики, забытые автором, либо сознательно им проигнорированные, как противоречащие его концепции успешного строительства «демократического социализма» в Грузии того времени. Вывод рецензии однозначен: перед нами халтурная работа, написанная на дилетантском уровне.

Ключевые слова: Эрик Ли, книга, Грузинская республика, Кавказ, революция, меньшевики, большевики.

Для цитирования: Муханов В. М. Британские сказки о меньшевистской Грузии (Рецензия на книгу Эрика Ли «Грузинский эксперимент: забытая революция 1918–1921 гг.») // Центральная Евразия. № 1 (5). М., 2021.

Vadim M. Mukhanov

Institute of World Economy and International Relations, Caucasus Sector of the Center for Post-Soviet Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, vadim_muhanov@inbox.ru

BRITISH TALES OF MENSHEVIK GEORGIA (REVIEW OF ERIC LEE'S BOOK “GEORGIAN EXPERIMENT: THE FORGOTTEN REVOLUTION OF 1918–1921”)

Abstract: The article is a detailed review of the Russian translation of the book by British journalist Eric Lee “Georgian Experiment. The Forgotten Revolution of 1918–1921”, published in Russia in 2020. The novelty, source and historiographic base of the work, the stated problems, the palette of topics presented and their disclosure are considered. Factual errors and dubious theses of the author are revealed, as well as those events in the history of Georgia and the entire Transcaucasia, which are described in the book not only inaccurately, but also seriously distorted. The author lists the main works and documentary collections on the subject of the Georgian Republic, forgotten by the author, or deliberately ignored by him, as contradicting his concept of the successful construction of “democratic socialism” in Georgia at that time. The conclusion of the review is unequivocal: we have before us a hacky work written at an amateurish level.

Keywords: Eric Lee, book, Republic of Georgia, Caucasus, revolution, Mensheviks, Bolsheviks.

For citation: Mukhanov, V. M. 2021. Britanskiye skazki o men'shevistskoy Gruzii (*Retseziya na knigu Erika Li «Gruzinskiy eks-periment: zabytaya revolyutsiya 1918–1921 gg.»*) [British tales of Menshevik Georgia (*Review of Eric Lee's book “Georgian Experiment: the forgotten revolution of 1918–1921”*)]. In: *Tsentrāl'naya Evraziya [Central Eurasian Studies]*, no. 1 (5). – (in Russ.).

В начале 2020 г. в Москве прошла презентация русского перевода книги британского журналиста Эрика Ли «Грузинский эксперимент. Забытая революция. 1918-1921 гг.» (Ли 2019), опубликованного петербургским издательством «Нестор-История» при финансовой помощи Фонда им. Фридриха Эберта. Первое издание вышло на английском языке в Лондоне в 2017 г. (Lee 2017), и затем было переведено еще и на грузинский. В центре внимания — история Грузинской демократической республики 1918-1921 гг.

Прежде чем анализировать само произведение, стоит обратить внимание на колоритную фигуру автора, попытаться понять, почему он решил остановиться на данной теме, есть ли у него соответствующая профессиональная и языковая подготовка и т.д.

Помогла познакомиться с героем — автором и его окружением как раз презентация книги, проведенная в Москве в январе 2020 г.¹ И здесь сразу бросается в глаза вопиющая неподготовленность автора, его непрофессионализм и явная ангажированность.

Во-первых, человек, берущийся за столь непростую тему и сложную эпоху, должен обладать языковой подготовкой, дабы облегчить себе работу с многочисленными источниками, как на основном языке бывшей империи — русском (который и доминировал в регионе!), так и на родном для Грузии языке — грузинском. Это позволит как проанализировать и использовать источники, так и отследить российскую и грузинскую историографию темы, которые и являются законодателями моды в этой проблематике. К сожалению, автор сам в ходе презентации признается, что не владеет ни русским, ни грузинским языками, и работал только с переводной литературой, либо с теми материалами, которые ему присылали из Грузии.

Во-вторых, выплывает проблема источниковедческого поиска и работы с источниками. У журналиста Ли очень узкая источниковая база по понятной уже причине. Он не имеет профессиональных навыков историка и не работал в российских, грузинских или европейских архивах по причине как отсутствия подобного опыта, так и языкового барьера. Банально, человек, пришедший выявлять документы в архив, должен ознакомиться с его путеводителем и описями, затем заказать нужные дела и прочитать их на языке.

Поэтому он не делит источники на традиционные подвиды, не может их сравнивать и практически не анализирует (в основном, он оперирует немногочисленными опубликованными источниками). Понятно, что в сложившейся ситуации невозможно рассчитывать на сравнительный анализ документов и материалов эпохи, оценку степени их достоверности и ангажированности.

¹ Презентация книги Эрика Ли «Грузинский эксперимент: забытая революция 1918-1921 гг.» // Youtube. 16.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=iWzRLHhHLa4/> (дата обращения 15.11.2021).

В одной куче у Эрика Ли и законодательные акты республики, и делопроизводственные документы, и важные источники личного происхождения, и выступления различных политических деятелей как Грузии, так и сопредельных стран. Таким образом, интересная и крайне важная статистика для сравнения и анализа положения в Грузии, так и для выстраивания столь необходимой динамики развития в различных сферах и отраслях жизнедеятельности молодой республики, которая базируется на разноплановой документальной основе, оказывается полностью недоступной британскому журналисту.

В-третьих, книга Ли базируется и на весьма слабой, можно даже сказать, ущербной историографии. Причина здесь лежит на поверхности и уже отмечалась выше. Автор никогда ранее не занимался подобной проблематикой, не знаком с историографическими работами, не читал профессиональные работы, как книги, так и статьи. Упускает из виду и документальные сборники как по указанной тематике, так и по смежным темам.

В-четвертых, налицо явная ангажированность автора, который начал работать над темой с жестким идеологическим подходом, исходя из того, что большевики во всем неправы, а правы те, кто с ним боролся, т.е. грузинские меньшевики. Автору надо было привести положительный пример «демократического социализма», и он, недолго думая, ткнул в Грузию и социал-демократов там во главе, как альтернативу большевизму. Попросту ткнул, потому что никакого погружения в тему не получилось, не помог даже русский научный редактор.

В-пятых, Эрик Ли полностью игнорирует региональную специфику, т.к. не знаком с обширной кавказской историей, а также с темой, которая является для него стержневой и некой точкой отталкивания — это история российской политики в регионе, и история его длительного и непростого присоединения к Российской империи, в первую очередь, процесс включения различных закавказских земель, которые в XX в. и составили единое целое под названием «Грузия». Этот политоним, актуальный для последних двух столетий (XX и XXI вв.), он активно использует и применительно к XIX столетию, настаивая на том, что Россия присоединила Грузию, говоря о ней как о чем-то цельном. Ретивый автор, упростив себе жизнь, свел всю событийную канву к манифестам начала XIX в., напрочь забывая о том, что собирание разношерстных земель Восточной и Западной Грузии, растянулось практически на весь XIX в. и совпало с процессом возникновения и развития грузинского национального сознания, попросту говоря, оно шло вместе с появлением первых национальных общественных деятелей типа Ильи Чавчавадзе, Григория Орбелиани, Дмитрия Кипиани, Нико Николадзе, которые чувствовали себя комфортно в рядах имперской администрации на Кавказе и местной элиты, что позволяло им заниматься созданием первых сочинений по вопросам национальной идентичности и самобытности грузин.

Английский журналист анализирует грузинских политиков во главе с Ноем Жордания, пришедших к власти, только с партийно-идеологических позиций, забывая об их этнической принадлежности, региональных особенностях формирования личностей и т.д. Он напрочь отмахивается от всплеска грузинского национализма, который случился в эти годы, и забывает о том, что в грузинской политике участвовали не только социал-демократы, но значительную роль в ней играли и национал-демократы во главе с авторитетным Нико Николадзе.

Эрик Ли совершенно игнорирует тему националистического диктата в тогдашней Грузии, и того обстоятельства, что в республике достаточно быстро стали доминировать не социально-демократические, а национальные идеологии и принципы существования. Кстати, именно на эту тенденцию обращает внимание другой британский автор — видный русист и профессиональный историк Фрэнсис Кинг, который в одной из своих статей подчеркивает, что «трагедия грузинских социал-демократов в том, что в 1918 г., вопреки своим ожиданиям и идеологическим убеждениям, они оказались лидерами не социальной, а национальной революции...» (Кинг 2020: 79).

Если забыть о неоднозначной фигуре автора и перейти непосредственно к содержанию книги, то впечатление портится окончательно. На отдельных страницах мы натываемся на вопиющие, просто детские ошибки, на других сталкиваемся с грубыми опечатками и неправильным написанием географических названий, и в связи с этим возникает вопрос к качеству корректуры, и главное, научной редактуры русского издания. Вероятно, редактор Алексей Гусев, весьма далекий от кавказской проблематики, либо не понял, что он прочитал, либо просто поленился проверять...

В работе Эрика Ли мы видим отсутствие исторической ретроспективы, а краткая предыстория составлена халтурно и написана на дилетантском уровне, можно сказать, на уровне краткого путеводителя для туристов (вероятно, отсюда британский журналист и черпал данные, будучи в Грузии как раз в качестве обыкновенного туриста).

Заведомо конъюнктурная позиция автора видна уже по первым страницам, где дается хронология основных событий, в которой мы обнаруживаем целый набор штампов и фактических ошибок. К примеру, (на с. 3) Э. Ли пишет «Грузия подписывает Георгиевский трактат, по которому над страной устанавливается российский протекторат», забывая о том, что никакой Грузии тогда не существовало, а указанный документ подписало только Картли-Кахетинское царство. Буквально в следующем предложении мы узнаем, что вслед за трактатом «Россия начинает аннексию Грузии», опять-таки забывая

о том, что единого государственного образования не было, а было лоскутное одеяло мелких феодальных образований в Закавказье, многие из которых давно с интересом и надеждой смотрели на северную империю. Включение в Российскую империю означало и спасение, и успех в борьбе с соседними мусульманскими державами, и конечно не вызывало неприятия населения, и, соответственно, масштабных антироссийских выступлений как на Северном Кавказе. Автор полностью пропускает весь длительный процесс присоединения и, одновременно, собирания грузинских земель, который растянулся почти на столетие, начиная от Манифеста императора Александра I о присоединении Картли-Кахетии и образования Грузинской губернии.

На с. 4 узнаем еще одну интересную деталь, что в 1917 г. «формируется грузинская Народная Гвардия, которая, совершив смелый рейд, захватывает Тифлисский арсенал». Во-первых, вспоминаем, что Грузинская демократическая республика (далее — ГДР) объявила о независимости только в конце мая 1918 г., и до этого существовали различные общекавказские форматы, поэтому никакой грузинской гвардии тогда еще не было и в помине. Закавказский комиссариат поддержал создание революционной милиции — гвардии, отряд которой и захватил слабо охраняемый арсенал. Его гарнизон и не сильно сопротивлялся, т.к. гвардия шла тогда под красным знаменем революции. Грузинская гвардия появилась только после объявления независимости в мае 1918 г., точнее, в ходе немецкой оккупации республики, когда германский представитель потребовал убрать красный флаг с здания Гвардии, и тогда последняя стала грузинской с собственным флагом.

Показательно, что хроника выходит далеко за рамки исследуемого периода ГДР. Автор начинает отсчет хронологии с конца XVIII столетия, а заканчивает 2013 г., т.е. выборами, на которых потерпел окончательное поражение одиозный президент Грузии Михаил Саакашвили. Логично объяснить подобные хронологические рамки хроники, предваряющей саму книгу, автор не захотел, а, вероятнее, просто не смог (как и не спасла его помощь научного редактора).

Вызывает недоумение и структура работы: из общего объема в 250 с. тема ГДР раскрывается чуть более чем на половине страниц (первые 60 страниц рассказывают о ситуации до 1918 г. и еще 30 страниц — после 1921 г., т.е. почти 100 с. — вне истории самой Грузинской республики, под которую автор отвел всего 150 с.). Мы сталкиваемся с большим превью, историей социал-демократии, биографией Ноя Жордания и т.п. Представлено много тем по общей проблематике социал-демократического движения, и мало по проблематике самой республики.

Прочитав отдельный пролог, плюс отдельную главу по отцу-основателю Грузинской республики, плюс еще главу по политической репетиции в виде Гурийской республики, появляется надежда, что, начав издавека и педантично

ведя читателя к 1917 г., автор также въедливо и подробно остановится на основных вопросах существования самой Грузинской республики. Однако, пролистав следующие разделы издания Ли, создается устойчивое впечатление: либо автор быстро выдохся, либо просто не собрал достаточный материал для нормального освещения проблематики ГДР. Тем более, что главный тезис — об успехе социал-демократического правления в Грузии — уже был озвучен и неоднократно повторен.

Основные постулаты и оценки автор дает уже в предисловии к русскому изданию, а весь текст книги является только детальным подтверждением кратких тезисов об успехе социал-демократического правления в Грузии. Согласно Ли, грузинские социал-демократы «смогли создать прочную политическую демократию с многопартийной системой и свободными выборами (причем женщины получали право голоса). Они успешно провели широкомасштабную аграрную реформу, которая состояла не в коллективизации сельского хозяйства, как впоследствии в Советском Союзе, а вела к формированию в деревне среднего класса. В городах они создали систему социальной защиты и социального партнерства, которая предвосхитила «государство всеобщего благоденствия», возникшее в Западной Европе после Второй Мировой войны. Их эксперимент показал, что социализм возможен — и не только «с человеческим лицом», но и с человеческим сердцем» (с. 11-12).

Читаем на с. 55: «В Грузии имелись националисты, но у них не было своей партии». Крайне ошибочное утверждение, т.к. второй партией являлась как раз Национал-демократическая партия Грузии, одним из известных лидеров которой был Нико Николадзе, имевший большой авторитет среди всего политического класса тогдашней Грузии.

На следующей странице (с. 56) целый набор «важной» информации от автора: «Задолго до образования независимого государства в Грузии начала формироваться своя армия. 5 сентября 1917 г. в Тифлисе была создана Народная гвардия (поначалу называвшаяся Рабочей или Красной гвардией). В лице этих вооруженных городских рабочих, горячо преданных партии, социал-демократы располагали серьезной силой... В годы независимости Грузии, переименованная в Национальную гвардию, она подчинялась не министру обороны, а непосредственно парламенту, в котором доминировали меньшевики». Сразу несколько ошибок, говорящих об уровне подготовки автора и научного редактора.

Во-первых, регулярная армия в Грузии была, она стала формироваться после объявления о независимости, и существовала автономно от гвардии. Во-вторых, в ряды последней входили далеко не только представители пролетариата, уровень преданности которых был весьма разным, вплоть до крайне низкого, т.е. панического состояния, когда гвардейцы сталкивались с достойным противником, и зачастую бежали, покидая свои позиции. Так бывало

и в 1918, и в 1920, и тем более, в 1921 гг. В-третьих, Грузия унаследовала во многом управленческую структуру от старых властей, поэтому за оборону страны и армию отвечал военный министр, тогда как министр обороны — это из разряда современных заимствований. И, в-четвертых, гвардия долгое время называлась Закавказской Красной гвардией, потом после получения независимости ее переименовали в Народную. Национальной Гвардией она никогда не была (опять-таки британский журналист опирался на сюжеты из США).

Причем наличие гвардии было не только плюсом, как пишет Ли, но и серьезным минусом. Грузинские меньшевики, боясь за свою власть, вместо ставки на полноценную регулярную армию практически весь период существования республики вкладывались в вооружение и усиление своей собственной охраны — гвардии, другими словами, карательных отрядов, которые при значительно большем финансировании и довольствии состава (в отличие от частей регулярной армии во главе с кадровым генералом Георгием Квинитадзе), не смогли защитить ГДР от внешнего врага. Причем от любого врага, использовавшего именно регулярную армию, а не добровольцев и партизан: гвардейцы терпели поражения как в ходе армяно-грузинской войны 1918 г., так и при столкновениях с Деникиным, так и в ходе боев с Красной армией, абхазскими и осетинскими отрядами в 1921 г. Грузинские народогвардейцы так и остались простыми карателями режима Жордания, поэтому могли в крови подавлять такие восстания, как в Южной Осетии, но с опытным и дисциплинированным противником они раз за разом пасовали...

Кстати, об этой печальной тенденции весьма подробно (на конкретных примерах) пишет в своих воспоминаниях сам главнокомандующий грузинскими вооруженными силами в советско-грузинской войне генерал Георгий Квинитадзе (Квинитадзе 1985), однако их, вероятно, наш британский автор если и читал, то крайне небрежно.

На с. 59 Ли безапелляционно пишет: «Хотя никакой реальной власти в регионе у Петрограда уже не было, а образованное в столице большевистское правительство не признавалось, понадобилось еще несколько месяцев, чтобы местные политические лидеры пришли к выводу о том, что настало время для отделения Закавказья от России... К середине апреля 1918 г. в трех закавказских странах осознали, что рассчитывать на воссоединение с Россией в обозримой перспективе не приходится...» (с. 59). Заметим, что отказ от единства с Россией (Советской) произошел гораздо ранее — можно вспомнить такие региональные органы власти, как Закавказский комиссариат, сменивший его Закавказский Сейм, и известный всем отказ последнего от признания Брестского мира в марте 1918 г. Важно подчеркнуть, что Закавказье уже несколько месяцев находилось в самостоятельном плавании, ни о каком единстве с Россией не говорили, по крайней мере, с начала 1918 г.

Сомнителен и тезис Ли об инициативе учреждения федерации (с. 60). Конечно, азербайджанские лидеры могли поддержать идею создания Закавказской республики, провозглашенной для формального статуса на переговорах с Турцией (отметим, и по ее давлению), но фактическими инициаторами и исполнителями были, в первую очередь, грузинские и армянские политики. Автор скупо пишет о самом распаде Закавказской республики (с. 60), попросту забывая или сознательно игнорируя его причины и виновников. В частности, обходит тот факт, что Грузинский нацсовет задолго до мая обсуждал вопрос о независимости, и многие его члены требовали начать разработку собственной конституции (а не работать в общекавказской конституционной комиссии!), и крайне показательный сюжет с сепаратными и тайными переговорами с немцами, на которые из Тифлиса в Батум специально приезжал даже Ной Жордания. Все эти общеизвестные сегодня факты позволяют называть грузинских социал-демократов одними из главных, если не главными, виновниками развала Закавказской федерации. Возможно, с высоких трибун они и декларировали идею закавказского единства, но на деле тянули одеяло на себя, идя на поводу у местных националистов.

Именно низким уровнем знания доступных источников можно объяснить заметные провалы по тематике истории создания Грузинской республики в книге Ли. Целый ряд важнейших событий, закулисных переговоров, который и позволяет выстроить реальную картину создания и существования ГДР, у него в книге просто отсутствует (что и подводит к логичной мысли, что он сознательно или по ошибке любителя ведет читателя по другому, «сказочному» пути). К примеру, важнейший момент, точнее говоря, судьбоносный и поворотный для всей истории Грузии, связан с сепаратными и тайными переговорами грузинских политиков с немецкой делегацией во главе с генералом Отто фон Лоссовым в ходе Батумской конференции 1918 г. во второй половине мая, т.е. как раз перед объявлением независимости Грузии (Муханов 2019: 292-295).

Заметим, что в работе Ли тема переговоров с немцами идет только после объявления независимости и перетекает, как итог, в заключение соглашений с Германией и рассказ о визите грузинской делегации во главе с Чхенкели в Берлин (см. с. 68-79). При этом о предшествующем этапе, предварительном и одновременно ключевом, автор скромно умалчивает. Возможно, более качественная работа с источниками и детальное ознакомление хотя бы с важнейшими из них, например, с крайне ценной работой Зураба Авалова (Авалов 1982), который посвятил этим майским дням не одну главу, позволила бы британскому журналисту нарисовать близкую к реальности картину тех непростых дней, предшествовавших 26 мая 1918 г.

Таким образом, именно грузинские меньшевики торпедировали закавказское единство перед лицом внешней опасности и бросились в объятия нем-

цев, спасаясь от турецкой экспансии. Как раз Авалов и писал в своей книге о том, что они рассчитывали на Германию, как на «намордник» для Турции (Авалов 1982: 55). Грузинский дипломат в своих воспоминаниях был предельно откровенен, объясняя эту комбинацию: «Мы организуем независимость. Германия будет держать за фалды турок; за это поживится у нас кое-чем» (Авалов 1982: 61).

Сомнителен и тезис Ли о том, что «еще до провозглашения независимости Закавказский комиссариат начал переговоры с немцами одновременно с попытками договориться с Турцией об окончании военных действий на Кавказском фронте» (с. 70). При этом о сепаратных переговорах, которые, действительно, шли между грузинскими представителями и немцами, азербайджанскими делегатами и турками он не пишет ни слова.

Более того, Эрик Ли пропускает и сюжет о том, кто с трибуны Сейма выступил за роспуск и фактически инициировал распад федерации в мае. Британский автор скромно и лаконично написал, что «26 мая 1918 г., менее чем через пять недель после своего основания, Закавказская республика прекратила существование. Утром этого дня в 11.00 Закавказский сейм (парламент федерации) проголосовал за самороспуск» (с. 60). Далее он пишет, что грузинская политическая элита на экстренном заседании Нацсовета Грузии должна была реагировать на роспуск, забывая о том, что именно она являлась его инициатором, и, следовательно, была готова к нему, жаждая получить власть. Акт о независимости Грузии, подчеркнем, был заранее подготовлен и зачитан на этом заседании Жордания. Ли восторгается этим пространством документом, забывая о том, что он имел мало общего с реальной политикой меньшевиков и являлся всего лишь яркой декларацией.

Автор признает очевидную вещь, что Грузия «нуждалась, помимо Народной гвардии, в регулярной армии, которая вскоре и была сформирована», но при этом оказывается не в состоянии проанализировать проблему обороноспособности страны, формирования вооруженных сил и те преграды, которые ставили сами меньшевики. И в освещении этого аспекта истории Грузинской республики автору катастрофически не хватает сведений из разнообразных источников, т.к. он их не знает, или ему никто их не показывал. Ли ссылается на разногласия между командующим грузинскими вооруженными силами генералом Георгием Квинитадзе и социал-демократической верхушкой во главе с Жордания, т.к. справедливо считает, что главенствующий у последних подход к указанной проблеме делает невозможным «надлежащем образом подготовить страну к обороне», но при этом ссылается на переписку с дочерью генерала (с. 67).

Очевидно, что гораздо более продуктивным было бы использование той богатой информации, которая содержится в воспоминаниях Квинитадзе, из-

данных в 1980-х гг. на русском языке, а не отсылка на малоинформативное письмо дочери, далекой как от рассматриваемой эпохи, так и от тех профессиональных сведений, которыми владел ее отец. Последний посвятил детальной критике правительственной политики в области военного строительства не одну главу (это десятки страниц текста, которые серьезно бы помогли Эрику Ли при анализе!) (Квинитадзе 1985).

Ли выделяет отдельную главу отношениям с Германией (с. 68-79), и можно было надеяться, что здесь он сможет разобраться с проблематикой важного направления. Однако все та же «ахилессова пята» профсоюзного активиста не позволяет ему приблизиться к объективной картине контактов с Берлином и немецкой оккупации Грузии во второй половине 1918 г. — ущербность источниковой и историографической базы.

Сомнительны или даже ошибочны многие тезисы и оценки Ли, лишний раз подтверждающие дилетантский характер книги. К примеру, сомнителен тезис со ссылкой на Жордания, что в Грузии «в самом начале войны» «господствовали германофильские настроения», чем недалекий автор и пытается объяснить крен в сторону Германии и симпатии к немцам (с. 68). Очевидно, что Жордания дипломатично озвучивал подобные вещи перед самими немцами во время их прихода и оккупации республики, а крен в сторону Германии был тактическим шагом в ходе защиты молодой республики от турецкого нашествия.

Эрик Ли также умалчивает и о том важном моменте, что все было фактически решено как задолго до первых неформальных контактов грузин с Отто фон Лоссовым, так и, тем более, до официальных переговоров с последним А. Чхенкели, ставшего в конце мая главой внешнеполитического ведомства новоиспеченной республики. Он ничего не говорит о том, что союзники по блоку — Германия и Турция — к маю 1918 г. уже договорились о разделе сфер влияния в Закавказье, согласно которому Грузия становилась немецкой зоной, а Азербайджан и Армения — турецкой. Последующие соглашения с суевлившими перед внешней угрозой грузинами стали во многом формальностью.

Более того, поражение блока в войне с Антантой сделали ставку грузинской элиты битой и сильно усложнили им жизнь, а, главное, международные контакты в дальнейшем. На них, как и на азербайджанцев, еще долго посматривали в Лондоне и Париже с недоверием и настороженностью, и только к 1920 г. отношения стали теплеть.

Эрик Ли вскользь упоминает те значительные преференции экономического характера, которые получала Германия с приходом на грузинскую территорию (вывоз природных ресурсов, в первую очередь, марганца и угля, сельскохозяйственной и готовой продукции — пшеницы и хлеба, контроль

над портами и железными дорогами). Также показательно и зафиксированное право свободного обращения немецкой марки в стране. Всем этим немецкая администрация постоянно пользовалась вплоть до эвакуации в конце 1918 г. Вывоз продукции шел так активно (а хлеба — еще и по завышенным ценам!), что это тормозило заготовки республиканских властей, создавая угрозу голода, плюс, моментально настраивая и население, и местные власти против немцев.

Конфликты и острые ситуации стали возникать по мере появления немецких представителей и военных отрядов в разных частях Грузии. Немцы, заинтересованные в бесперебойной работе шахт, даже участвовали в подавлении как рабочих, так и крестьянских выступлений, что достаточно быстро вызвало антигерманские настроения. Пошли грабежи и банальное мародерство со стороны немецких солдат, вслед за этим летели жалобы в Тифлис. Однако дальше наступала тишина, т. к. Жордания и компания просто боялись портить отношения с оккупационной администрацией. Представители Германии присутствовали и во всех ключевых министерствах, в частности, взяли под контроль все железнодорожные перевозки (Муханов 2019: 110). Например, как уже говорилось выше, немцы потребовали убрать красный флаг со штаб-квартиры Красной гвардии, что было моментально выполнено, а гвардия с тех пор стала именоваться исключительно как Народная.

Очевидно, что немецкая оккупация принесла Грузии серьезный экономический ущерб, но об этом Эрик Ли молчит, как и о возмущенном оккупацией населении. Поэтому только иронию, если не откровенную усмешку, может вызывать его заключительный тезис в главе о Германии: «Когда немцы покидали Грузию, они не воспринимались грузинами как ненавистные оккупанты. Большинство населения относилось к ним с уважением, тем более что сменившие их британцы повели себя не лучшим образом» (с. 79).

Отдельную главу Ли посвятил такой интересной и малоизученной теме, как война с Арменией 1918 г. Однако и здесь крайне ограниченный в источниках автор приводит весьма однобокую картину, сделав виновной стороной Армению.

Несмотря на признание того, что грузинское руководство проводило в тот период антиармянскую политику, выражавшуюся в реализации ряда репрессивных мер к этому этносу («с армянами обращались как с военнопленными, а однажды даже провели «маршем позора» по улицам») (с. 84-85), Эрик Ли все равно считает ответственной за территориальный конфликт и последовавшую затем войну — армянскую сторону. Читаем на с. 90: «Ясно, что армяно-грузинскую войну 1918 г. спровоцировали агрессивные действия Армении, а накануне грузинские социал-демократы искренне пытались усадить своих товарищей — дашнаков за стол переговоров. То, что они поначалу отказы-

вались верить в причастность к военным действиям на границе армянского правительства, также говорит в их пользу» (с. 90). Подобное утверждение можно оценить, как сомнительное, если не ошибочное.

Отметим, что именно грузинская сторона неоднократно демонстрировала как раз обратное — нежелание искать компромисс с соседями по «закавказской коммуналке» в вопросе территориального разграничения. Тифлис в этот период реализовывал не единую линию поведения, о которой пишет Ли, а как раз политику «двойных» или даже «тройных» стандартов, меняя предлагаемый принцип разграничения в зависимости от своей выгоды и от силы своей позиции.

На армянском направлении принцип этнической принадлежности, который декларировался грузинскими политиками в первой половине 1918 г., после объявления независимости был незамедлительно заменен на приверженность старым имперским границам, в данном случае, губернскому разграничению Закавказья, дабы оставить все спорные районы (Ахалкалакский и Борчалинский уезды) за собой, несмотря на тотальное доминирование там армянского населения.

С другой стороны, в ходе переговоров с Добровольческой армией России в лице А. Деникина и М. Алексева представитель Грузии Е. Гегечкори, защищая захват территорий аж до Туапсе, во главу угла ставил именно этнический принцип, апеллируя к вымышленному факту о якобы 22% грузинского населения в Сочинском округе. В этом случае грузинская сторона напроочь отказывалась уважать старые имперские границы, как предлагалось в то же время Армении.

С третьей стороны, грузины, видя отсутствие достойного и опасного противника, вообще решали территориальный вопрос самым простейшим способом — с позиции силы, как это было сделано в отношении Абхазии. Ее взяли под контроль под шумок защиты еще единого Закавказья от большевиков, а дальше отряды, ставшие авангардом грузинских вооруженных сил под командованием генерала Г. Мазниева, захватили всю территорию бывшего Сухумского округа и начали диктовать там грузинские законы, несмотря на многочисленные протесты местной элиты и Абхазского Народного Совета. Последний вообще был разогнан, ряд особо сильно критиковавших грузинские порядки абхазов арестован, а новый состав собрали уже под полным контролем Тифлиса. В отношении Абхазии ни этнический принцип, ни принцип соблюдения старых имперских границ грузинскому правительству были не интересны.

Поэтому публичная склонность грузин к переговорам с армянами и поиску компромисса представляется весьма наигранной. Созванная ими мирная конференция в Тифлисе, вызывающая восторг Ли, при ближайшем рассмотрении становится попыткой диктата и одностороннего давления на Эривань. Во-пер-

вых, с армянской стороны, действительно, никто предварительно не обсуждал ни время, ни место переговорной площадки. Во-вторых, вместо двухсторонней мирной конференции между Грузией и Арменией собирается многосторонняя, куда добавляется Азербайджан, уже находившийся в конфликте с Арменией, и Горская республика, искавшая сближения с Тифлисом и Баку.

Дополнительный аргумент Эрика Ли в пользу миролюбия грузин о том, что Грузия и Азербайджан смогли избежать войны и конфликта из-за спорных территорий, объясняется просто: высокой заинтересованностью сторон во взаимовыгодных отношениях (с одной стороны, все современники фиксировали огромную энергозависимость Грузии от соседа, а Азербайджан, в свою очередь, был заинтересован в открытом пути через Грузию для транспортировки своей нефти). Поэтому Грузия, быстро превратившись в должника Азербайджана, была вынуждена признать права последнего на Закатальский округ, на который то же первоначально претендовала.

Вся предыстория, да и ход армяно-грузинской войны демонстрируют как раз неизменность армянской позиции, тогда как грузинские политики активно маневрировали и меняли свою позицию в зависимости от текущей конъюнктуры. Более того, Э. Ли почему-то забывает, что именно Грузия оказалась вооруженной значительно лучше других закавказских республик, обладала большими по численности вооруженными силами и поэтому имела завышенные амбиции по вопросу своего территориального роста. Она не скрывала желания под шумок Гражданской войны в России захватить максимум территорий, что и подтверждает карта Грузинской республики, отправленная в Париж вместе с официальной делегацией в начале 1919 г., где, к примеру, граница на Черноморском побережье оказалась в районе Туапсе.

Об ошибочности тезиса о «миролюбии грузин» позволяет говорить и тот факт, что именно они, в отличие от соседей, воевали больше всех и практически на всех возможных направлениях. Только в 1918 г., т.е. за первый год своего относительного свободного существования, грузины успели повоевать с красными и белыми, армянами и турками. Практически ко всем окружающим их соседям у них были территориальные претензии, причем в весьма раздутых масштабах, далеких от реальности. Они претендовали на российское и абхазское черноморское побережье, на ряд армянских районов (Джавахетия, Борчало, Лори), на Закатальский округ и т.д. Всего, по подсчетам генерала Квинитадзе, Грузия за три года своего существования организовывала и участвовала в восьми военных кампаниях. «Наши правители — «адепты мира» — в продолжение 3-х лет вели войны и внутри, и вне. Мы воевали с осетинами, с ахалцихским населением, с аджарцами, а также с Арменией, деникинцами, турками и два раза с русскими», — писал впоследствии грузинский главнокомандующий (Квинитадзе 1985: 9).

Действительно, практически все время существования республики грузины с кем-то либо воевали, либо находились в вооруженном конфликте. Напомним, что с мая 1918 г. тянулось фактическое гражданское противостояние в Абхазии, захваченной грузинскими военными частями. Именно тогда и произошли первые боестолкновения с малочисленными отрядами Красной армии на Черноморском побережье, позволившие временно занять всю прибрежную линию вплоть до Туапсе. Конец 1918 и начало 1919 гг. прошли под знаком противостояния с русской Добровольческой армией, вылившегося в так называемый Сочинский вооруженный конфликт. Одновременно конец 1918 г. принес грузино-армянскую войну за спорные территории, населенные в основном армянским населением. В 1919 г. прошли боестолкновения с ахалцхскими повстанцами и силами т.н. Карсской республики, в 1920-м г. — военные действия против отрядов аджарцев перед занятием Батумской области, против частей Красной армии и азербайджанских войск, а также военная операция в Южной Осетии, по всем признакам напоминавшая карательную экспедицию. Наконец, начало 1921 г. принесло прямое столкновение с Красной армией, ставшее финальной точкой существования грузинских вооруженных сил (куда относится как регулярная армия, так и Народная гвардия).

А всплеск грузинского национализма в те годы, от которого пострадали не только армяне, но и русские, абхазы, осетины, аджарцы и др., только подтверждает мысль о значительной вине именно грузинской стороны в развязывании региональных конфликтов и даже маленькой войны, будь то Сочинский конфликт с Деникиным или война с бывшим союзником по борьбе с турками.

Весьма критичен британский автор книги оказался к британской оккупации Грузии, ее реалиям и последствиям. Вероятно, здесь сказалась левацкая политическая ориентация Ли и его профсоюзная активность, базировавшаяся на традиционной критике правительства Ее Величества. Этой важной теме посвящена отдельная глава с говорящим названием — «Под британским контролем». Он справедливо замечает, что «британцы относились к грузинам с подозрением» (с. 91), т.к. в Лондоне хорошо помнили о бывшей прогерманской ориентации политиков из Тифлиса.

Эрик Ли также подмечает, что отношения между грузинской политической элитой и британскими оккупационными властями и высшими представителями командования «не заладились с самого начала», затем «становились все хуже», и по всем аспектам напоминали скрытый конфликт (с. 91, 93). Оно и понятно, т.к. оккупационные власти и британские генералы диктовали свои условия, и вообще о реальной независимости в период оккупации говорить не приходится. Жесткий диктат англичан Жордания и его команде приходилось терпеть и сносить практически молча, делая хорошую мину при плохой игре (в основном, для своего населения).

Рассказ о первой встрече с британским представителем в изложении Ли (с. 91-92) напоминает пересказ грузинского застольного тоста, но весьма далек от реальных взаимоотношений грузинского руководства с эмиссарами Лондона. Чего только стоит заключительная часть рассказа, где в ответ на извинения английского полковника о его первоначальной грубости «Жордания похлопал полковника по плечу и сказал, что обо всем забыл» (с. 92). Британские представители вели себя как хозяева и диктовали свои правила игры, тогда как Жордания приходилось только поддакивать и соглашаться. Жалкие его потуги возразить пресекались быстро и жестко, а похлопать по плечу могли позволить себе лишь победители...

Хорошим подспорьем для исследователя мог бы стать документальный сборник со стенограммами встреч британских эмиссаров с Жордания и его министрами («Демократическое правительство» Грузии и английское командование 1928). Но его Ли благоразумно упустил или забыл, иначе картина стала бы еще более неприглядной.

Диктат британцев был везде, в некоторых местах — тотальный (как в Аджарии). Батум и его окрестности, где стоял постоянный британский гарнизон, жил по английским законам под управлением английского генерал-губернатора (вплоть до середины лета 1920 г!). В остальной части страны британцы делали, что хотели. Количество жалоб и обращений в Тифлис за помощью от их произвола насчитывало десятки и сотни, но ответной реакции не было. Жордания и его министры в реальности не могли ни похлопать по плечу британского полковника или генерала, ни возразить им или отказаться от их распоряжений (фактически приказов).

Ли постоянно преувеличивает самостоятельность грузинского правительства и лично Жордания в принятии решений и преуменьшает зависимость положения в республике от оккупационных властей. Понятное желание, иначе от его сказки об успешной и независимой Грузии под управлением социал-демократов ничего не останется.

Несколько глав Эрик Ли посвятил внутренним преобразованиям (как он считает, реформам, проведенным грузинскими социал-демократами) — аграрной реформе (в главе с громким названием «Аграрная революция в Грузии»), созданию профсоюзов и развитию кооперативов. Восхваление кооперативов и их «успехов» Эриком Ли вообще не знает никаких ограничителей: отказываясь от анализа реальной крайне тяжелой ситуации в социально-экономической сфере, не желая ознакомиться со статистикой, гипертрофированным ростом инфляции, гигантским в сотни раз падением национальной валюты, крайне низким уровнем доходов населения, он все равно пишет, что «в результате в Грузии происходило медленное преобразование экономики, основанной на производстве ради прибыли, в систему, напоминающую оуэновский идеал кооперативного сотрудничества» (с. 143).

Также сказкой выглядит утверждение Э. Ли о том, что правительство Жордания, аргументируя это тяжелым положением в стране, договорилось с профсоюзами о прекращении забастовок. Игнорируя многочисленные документальные свидетельства и отклики, базируясь только на весьма сомнительной работе Каутского, автор без тени смущения пишет, что «в результате тесных связей между организованными рабочими и правящей партией призыв правительства был услышан, профсоюзы проявили готовность к сотрудничеству. В лице грузинских профсоюзных деятелей, с которыми Каутский встречался в 1920 г., он увидел лояльное и ответственное профсоюзное движение, готовое приложить все усилия для вывода экономики страны из кризиса. Забастовки, таким образом, не стояли на повестке дня» (с. 127).

Это явно больше похоже на агитку, чем на рассмотрение действительного положения дел, когда в виду тяжелейшего экономического кризиса и дикой инфляции рабочие, служащие, учителя попеременно бастовали из-за крайне низких условий оплаты труда. Вал забастовок накрыл Грузию именно в период правления меньшевиков, и их стало и качественно, и количественно больше, чем до 1918 г. Стремительное обесценивание нацвалюты и такой же стремительный рост цен на все товары первой необходимости (продукты питания) практически не оставлял выбора, как рабочим, так и служащим. Тем более, что никаких серьезных уступок со стороны правительства не было, у него банально не хватало денег (дефицит бюджета рос!).

Так же наивно звучат рассказы Ли о том, что профсоюзы стали базой или «костяком» нового гражданского общества, которое строили власти ГДР. Зачастую профсоюзы выступали против политики Жордания, и по ходу его правления регулярно выступали с антиправительственными лозунгами и требованиями (по мере того, как экономическая ситуация в республике ухудшалась). Мы знаем показательные примеры, когда даже в лояльных ранее профсоюзах на выборах вместо меньшевиков массово поддерживали большевиков (Муханов 2019: 176).

Признаем, что и в главе, посвященной рассмотрению внутривластной и социально-экономической ситуации в республике, Эрик Ли вновь начинает фантазировать, забывая о фактах и жестких данных статистики. И у него получается очередная агитка, не имеющая ничего общего с академическим познанием непростой истории существования, точнее говоря, выживания ГДР в сложный поствоенный период. Приведем примеры чистой рекламы от Эрика Ли.

1) «Грузинская демократическая республика строила сильное гражданское общество, и его костяк составляли профсоюзы. Они завоевали право на забастовку, но все реже им пользовались, т. к. правительство послушно выполняло профсоюзные требования» (с. 131).

2) «Такие новаторские институты, как Тарифная палата, гарантировали удовлетворение базовых нужд рабочих, даже несмотря на колоссальные экономические трудности, которые испытывает страна. Подобная модель отношений между рабочими, профсоюзами и другими общественными институтами предвосхитила изменения, которые спустя десятилетия произошли в Западной Европе» (с. 132).

Совершенно провальной и по количеству ошибок и ложных оценок (и совершенно любительских параллелей) представляется 10-я глава книги Ли, куда он попытался вместить весь национальный вопрос, который, бесспорно, остро стоял в республике по причине всплеска грузинского национализма и постоянной дискриминации ряда нацменьшинств в границах ГДР.

Смешно становится с самого начала раздела: Эрик Ли начинает главу с пафосной фразы, что «грузинские социал-демократы считали необходимым соблюдение прав этнических меньшинств» и ссылается на соответствующую главу конституции Грузии 1921 г. (129-ю), а для усиления эффекта добавляет, что еще аж 8 статей указанного документа подкрепляли «полноправный статус этнических и языковых меньшинств» (с. 144). Однако в одной из следующих глав уточняет, что данная конституция никогда не действовала на территории ГДР, т.к. была принята в последние дни ее существования.

Ли все сводит к разжиганию розни внешними силами, объясняя конфликты, как он пишет, «вмешательством в их взаимоотношения сторонних держав (и особенно России), охотно эксплуатировавших межэтнические конфликты для утверждения своего влияния в регионе» (с. 145). Более того, он считает возможным провести параллель между событиями тех трех лет — 1918-1921 гг. и современным независимым этапом существования Грузии, считая главной причиной грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов вмешательство внешних сил (заметим, что это чистый перепев с грузинских кухонь, где винят всех, кроме себя): «Бросается в глаза параллель между периодом 1918-1921 гг., когда мы можем различить руку российских большевиков в некоторых межэтнических конфликтах, преследовавших Грузию, и сегодняшней ситуацией» (с. 145).

Ли впихнул в эту главу аж 4 этнические группы — абхазов, осетин, аджарцев и евреев (забыв при этом об армянах, которые попали под серьезные репрессии в ходе и после войны декабря 1918 г., а также закавказских татар, русских и др.). Остановимся на взаимоотношениях с абхазами и осетинами, как на наиболее характерных (причем и там он умудрился продемонстрировать большое количество ошибок и просто ляпов).

Рассказ Ли о том, что «в марте 1918 г. русские большевистские войска дошли до Сухума... вынудив абхазов обратиться за помощью к Грузии... Грузия послала войска, и большевики отступили обратно на север», практи-

чески полностью не соответствует действительности. Сухум два раза брали местные революционеры во главе с Нестором Лакобой и Ефремом Эшбой, которые и вышли оттуда Абхазский Народный Совет. Последний обращался за помощью не к Грузии, которой весной 1918 г. еще не существовало, а к правительству Закавказской республики и Сейму. На помощь были отправлены части Закавказской Красной Гвардии, разбившие абхазских большевиков и рассеявшие их силы. После же объявления независимости Грузии отряды автоматически превратились в части Грузинской Красной Гвардии (затем и Народной) и установили контроль над всей территорией Абхазии. Далее они под командованием генерала Г. Мазниева, практически без сопротивления, дошли до Туапсе. Затем столкнулись с Добровольческой армией Деникина, которая отбросила их обратно в район Сочи. Дальше грузины отходить отказались, что и привело к известному Сочинскому конфликту. Главной же причиной того, что грузинское политическое руководство уперлось на этом рубеже, представляется их желание не подпустить Деникина к Абхазии, т. к. оно отлично понимало всю шаткость своего контроля там.

Ли признает, что «автономный статус Абхазии был приостановлен, сепаратисты взяты под стражу», забывая, правда, сказать, когда это случилось. Справедливости ради следует подчеркнуть, что грузины после взятия под контроль территории Абхазии в 1918 г. не дали согласия ни на один проект автономного статуса Абхазии и отказывались рассматривать любые предложения из Сухума, а абхазских политиков, периодически выступавших с критикой грузинского диктата в Абхазии, так же периодически арестовывали и сажали. Можно вспомнить только, сколько раз менялся состав Абхазского совета.

Удивительно, но Эрик Ли приводит и альтернативную версию истории грузино-абхазских отношений, ссылаясь на сайт МИД Абхазии, где говорится, что «в мае 1918 г. новообразованная Грузинская Демократическая Республика оккупировала и аннексировала Абхазию...», при этом иронизируя над этим утверждением, т. к., по его мнению, современная Абхазия оккупирована российскими войсками и ее версии не могут восприниматься всерьез. Хотя никаких аргументов в пользу своей версии и против «абхазской» он тоже привести не в состоянии.

Аналогичную беспомощную картину мы видим и в разделе, посвященном осетинам. Здесь Ли также видит русский след, конечно же, след русских большевиков, поэтому приходит к выводу, что «конфликт — включавший восстания в 1918, 1919 и 1920 гг. — носил в основном классовый характер, хотя и с этнической окраской». Итог очевиден: «Классовая борьба обернулась этнической враждой» (с. 152).

Даже в упомянутой автором книге воспоминаний Валико Джугели (Джугели 1920), этого маниакально жестокого революционного фанатика, достаточно

выпукло показана этническая ненависть уже в том заявлении, что осетины — предатели революции и рабы «старого режима» и русских большевиков, а мы, дескать, правильные борцы за революцию, поэтому будем их наказывать, убивать и сжигать их жилища. Британский автор переводит все это в формат подавления восстания и резко занижает численность пострадавших. Дескать, грузины наказали только сепаратистов, и это правильно...

Подводя предварительный итог, следует сказать, что слабое знание автором истории региона и этнополитических процессов, проистекавших там, сыграло с ним злую шутку, заставив просто повторять старые лозунги, которые постепенно уходят из экспертной среды, оставаясь популярными только среди грузинских националистов и радикалов (дескать, во всем виновата Россия, а мы только и хотим жить мирно и дружно с соседями).

Поразительно и то, как различные куски книги Ли не связаны друг с другом. Создается даже впечатление, что их писали разные люди или существовали отдельные статьи, созданные в разные годы, которые попытались склеить воедино. К примеру, посвятив несколько глав успешным, по оценке Ли, реформам грузинских социал-демократов и общему подъему экономики республики, в одной из следующих глав мы сталкиваемся с диаметрально противоположной оценкой, с признанием того, что «экономика переживала кризис» и правительство «балансирувало на грани катастрофы» (с. 169).

В связи со всем вышеперечисленным Эрик Ли приходит к однозначному выводу об успешности грузинского демократического эксперимента и о том, что главная угроза Грузии была и остается на севере. Именно давлением внешнего фактора он объясняет падение социал-демократического строя в республике: «Источник гораздо большей опасности для Грузии находился по ту сторону ее северной границы» (с. 185).

По большому счету, это и есть главный вывод автора, который является и резюме, и главной целью написания книги. «Хотя грузинский эксперимент не закончился мирно, его нельзя считать неудачным. Пока социал-демократы находились у власти, Грузия была свободной страной с подотчетным народу правительством и сильным гражданским обществом, включавшим независимые профсоюзы и развитое кооперативное движение. И не внутренний кризис, а вторжение иностранной армии положило ему конец» (с. 246). В принципе, прочитав этот кусок, заключающий в себе главную мысль Ли и его оценку ГДР, можно всю книгу не читать, т.к. в ней идут рассуждения именно в этом ключе, без всяких вариаций.

Невзирая на широкую источниковую базу (львиная доля которой представляет собой опубликованные издания и общедоступна), полностью отказав-

шись от выявления интересных документов в архивах России и Грузии (также открытых и доступных для любого исследователя), Эрик Ли всю фактологию в книге подогнал под вышеуказанную аргументацию и подтверждение основного тезиса об успешности «грузинского эксперимента».

Книга Эрика Ли изобилует фактическими ошибками, иногда грубыми, неточностями и передергиваниями, и выпукло показывает незнание автором рассматриваемой страны, региона, его специфики и реалий эпохи. Заметим, что столь огромное количество ошибок, неправильных названий собственных и географических, детские ляпы в терминологии, все это сразу портит позитивное отношение, подавляя всякий интерес к книге. Неприятие возникает, когда ты регулярно читаешь о «Национальной гвардии» в Грузии вместо «Народной», о «Национальном конгрессе» вместо «Национального совета» и т.д.

Очевидно, книга показывает желание британского профсоюзного деятеля найти в новейшей истории приемлемую для себя картину социал-демократического рая, которую он не видел ни в Советской России, ни в Европе, ни на других континентах. Грузия подошла, вот он за нее и ухватился.

Книга Ли похожа на сказочный лубок для расслабленной публики, далекой от академического знания, и напоминает спешно приготовленную пиццу для незапланированных гостей, т.е. все, что было под рукой в холодильнике, бросается на противень и готовится. Именно такая стойкая ассоциация возникает при знакомстве с опусом британского профсоюзного активиста Эрика Ли.

Перед нами чистая публицистика, крайне поверхностная, однобокая и халтурно склеенная, да и еще написанная под заказ, или под юбилей. Показательно, что и представители академической науки в самой Великобритании весьма скептически встретили выход работы Ли: ни рецензий, ни серьезных обсуждений не было. Чего же ожидать от русского перевода книги, да еще и с научным редактором Алексеем Гусевым, выпускником кафедры истории КПСС истфака МГУ, весьма далеким как от темы грузинских меньшевиков, так и, тем более, от Грузии...

Источники и материалы

Авалов З. Д. Независимость Грузии в международной политике 1918-1921 гг. New York: Chalidze publ., 1982. — 312 с.

Джугели В. Тяжелый крест (записки народогвардейца). Тифлис: Книгоизд-во Ал. Арабидзе, 1920. — 283 с.

«Демократическое правительство» Грузии и английское командование / Подготовлено к печати С. Е. Сефом. Тифлис: Заккнига, 1928. — 94 с.

Квинитадзе Г. И. Мои воспоминания в годы независимости Грузии, 1917-1921. Paris, YMCA-Press, 1985. — 471 с.

Научная литература

Кинг Ф. Националисты поневоле? Социал-демократия и национальная независимость Грузии в 1918-1921 гг. // Кавказский сборник. Т. 12 (44). М.: Аспект-Пресс, 2020. С. 77-102.

Ли Э. Грузинский эксперимент: забытая революция 1918-1921 гг. / Пер. с англ. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. — 249 с.

Муханов В. М. «Социализм виноградарей», или История Первой Грузинской республики, 1917-1921. М.: Кучково поле, 2019. — 927 с.

Lee E. The Experiment: Georgia's Forgotten Revolution 1918-1921. London: Zed books, 2017. — 259 p.

References

Lee, E. 2017. The Experiment: Georgia's Forgotten Revolution 1918-1921. London: Zed books. — 259 p.

Lee, E. 2019. Gruzinskii eksperiment: zabytaya revolyutsiya 1918-1921 gg. [Georgian Experiment: The Forgotten Revolution of 1918-1921]. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoria. — 249 p.

King, F. 2020. Natsionalisty ponevole? Sotsial-demokratiya i natsional'naya nezavisimost' Gruzii v 1918-1921 gg. [Improbable nationalists? Social democracy and national independence in Georgia in 1918-1921]. In: *Kavkazskii Sbornik [Caucasus Anthology]*, vol. 12 / ed. by V. Degoev. Moscow: Aspect Press. P. 77-102.

Mukhanov, V. 2019. "Sotsializm vinogradarei", ili Istoriya Pervoi Gruzinskoi respubliki, 1917-1921 ["Socialism of winegrowers", or History of the First Georgian Republic, 1917-1921]. Moscow: Kuchkovo pole. — 927 p.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ И КАВКАЗ: ВЫЗОВЫ СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ

Ниязи Азиз Шавкатович

Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, Москва, Россия, aziz.niyazi@mail.ru

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ УЗБЕКИСТАНА: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ КЛИМАТА

Аннотация: В условиях быстро меняющегося глобального климата Центральная Азия становится одним из наиболее уязвимых регионов мира, где возникают риски острой нехватки воды. Местные социально-экономические системы сильно зависят от наличия необходимых водных ресурсов. Водная проблема крайне актуальна для Узбекистана, самой густонаселенной страны региона. Республика уже сейчас испытывает водный стресс. Власти страны всерьез озабочены прогнозируемым сокращением водных ресурсов, которое при нынешних расточительных технологиях водопотребления на фоне климатических изменений и демографического давления, способно нанести существенный урон поступательному социально-экономическому развитию. Узбекистан первым в регионе приступил к реформе водного хозяйства с учетом разнообразного набора адаптационных мер к последствиям изменения климата. На основе анализа предпринимаемых и планируемых до 2030 г. мероприятий по водосбережению автор приходит к выводу, что страна обладает реальными возможностями добиться в намеченные сроки поставленных целей по совершенствованию управления водными ресурсами и их рациональному использованию. Водосберегающие технологии в различных отраслях экономики, прежде всего, в орошаемом земледелии, помогут адаптироваться к грядущим климатическим изменениям. Тем не менее, собственные усилия республики не решат проблему ее водной и, соответственно, продовольственной безопасности. Учитывая факторы неопределенности, связанные с изменчивостью климата и решением вопросов трансграничного водопользования, сейчас сложно дать ответ насколько Узбекистану удастся решить проблему водообеспеченности в будущем. Без выработки общей водной политики центральноазиатские государства ждут серьезные испытания, возможно вплоть до тяжелых социальных потрясений, серьезных внутренних и межгосударственных конфликтов.

Ключевые слова: Центральная Азия, водная реформа Узбекистана, изменение климата, адаптация, трансграничное вододелиение, орошение, ирригация, государственно-частное партнерство, водно-энергетические ресурсы.

Для цитирования: Ниязи А.Ш. Водные ресурсы Узбекистана: проблемы и риски в условиях меняющегося климата // Центральная Евразия. № 1 (5). М., 2021.

Aziz Sh. Niyazi

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Center for Central Eurasian Studies, Moscow, Russia, aziz.niyazi@mail.ru

UZBEKISTAN'S WATER RESOURCES: CHALLENGES AND RISKS IN A CHANGING CLIMATE

Abstract: In a rapidly changing global climate, Central Asia is becoming one of the most vulnerable regions in the world, where there are risks of acute water shortages. Local socio-economic systems are highly dependent on the availability of the necessary water resources. The water problem is extremely urgent for Uzbekistan, the most densely populated country in the region. The republic is already experiencing water stress. The country's authorities are seriously concerned about the projected reduction in water resources, which, given the current wasteful technologies of water consumption against the background of climate change and demographic pressure, can cause significant damage to progressive socio-economic development. Uzbekistan was the first in the region to embark on a water sector reform taking into account a diverse set of adaptation measures to the effects of climate change. Based on the analysis of the water conservation measures undertaken and planned until 2030, the author concludes that the country has real opportunities to achieve the goals set for improving water resources management and their rational use within the scheduled period. Water-saving technologies in various sectors of the economy, primarily in irrigated agriculture, will help to adapt to the coming climate change. Nevertheless, the republic's own efforts will not solve the problem of its water and, accordingly, food security. Considering the uncertainties associated with climate variability and the solution of transboundary water use issues, it is now difficult to give an answer to how much Uzbekistan will be able to solve the problem of water availability in the future. Without developing a common water policy, the Central Asian states will face serious trials, possibly up to severe social upheavals, serious internal and interstate conflicts.

Keywords: Central Asia, Uzbekistan's water reform, climate change, adaptation, transboundary water allocation, irrigation, public-private partnership, water and energy resources.

For citation: Niyazi, A.Sh. 2021. Vodnye resursy Uzbekistana: problemy i riski v usloviyakh menyayushchegosya klimata [Uzbekistan's water resources: challenges and risks in a changing climate]. In: *Tsentral'naya Evraziya* [Central Eurasian Studies], no. 1 (5).

Современное изменение климата связано в первую очередь с потеплением климатической системы Земли под воздействием человеческой деятельности. Это признанный мировой наукой факт, причем атмосферные и океанические температуры неуклонно повышаются. С доиндустриального периода¹ до наших дней среднегодовой глобальный показатель потепления увеличился на 1,1 °С. Начиная с 1980-х гг. каждое из последующих десятилетий было более теплым, чем любое предыдущее десятилетие с 1850 г. Средние температуры за пятилетний (2015-2019 гг.) и десятилетний (2010-2019 гг.) периоды стали самыми высокими за всю историю наблюдений. Усредненная приземная температура начала расти со скоростью 0,2 °С за десятилетие (The Global Climate 2020: 6-7). Ожидается, что такая тенденция сохранится из-за рекордно высоких уровней, удерживающих тепло в атмосфере парниковых газов (ПГ)². Последствия глобального потепления

¹ В климатологии для упрощения исходной отметки доиндустриальной глобальной температуры обычно используется опорный период 1850-1900 гг.

² Основные парниковые газы — двуокись углерода (углекислый газ), метан и оксид азота попадают в атмосферу и без влияния деятельности человека, но антропогенное воздействие сильно увеличивает их объем и производимый парниковый эффект. Они накапливаются в атмосфере и даже если полностью прекратить их выбросы температура на планете будет повышаться еще десятилетиями. CO₂ — самый долгоживущий газ, вырабатывается в основном при сжигании нефти, угля и газа. В атмосфере он сохраняется на протяжении столетий, а в океанах еще дольше. В исследовании Всемирной метеорологической организации 2019 г. отмечается, что в 2018 г. концентрация двуокиси углерода достигла новых максимальных значений: по сравнению с доиндустриальным уровнем она выросла на 147%. Концентрация метана также оказалась самой высокой за время наблюдений — она увеличилась на 259% от доиндустриального уровня. Примерно 60% этого газа попадает в атмосферу в результате человеческой деятельности — животноводства, использования ископаемых видов топлива, захоронения отходов, сжигания биомассы, выращивания риса. Концентрация закиси азота в атмосфере в 2018 г. составила 123% по отношению к доиндустриальному уровню. 40% этого газа поступает из антропогенных источников — использования удобрений и различного промышленного производства, сжигания биомассы. С 1990 г. в результате влияния долгоживущих парниковых газов суммарное радиационное воздействие, вызывающее потепление климата, увеличилось на 43%. На долю CO₂ приходится около 80% этого прироста. Предварительные данные ВМО указывают на то, что в 2019 г. концентрация парниковых газов продолжала расти. (См: WMO Statement on the State of the Global Climate in 2019 // WMO № 1248. World Meteorological Organization, 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://library.wmo.int/index.php?lvl=notice_display&id=21700#X2ml-igxbX5/ (дата обращения 24.09.2020); Парниковые газы продолжают накапливаться в атмосфере — новый рекорд // Новости ООН. 25.11.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2019/11/1367791/> (дата обращения 24.09.2020)).

хорошо заметны по ускоренному отступлению ледников, многолетней мерзлоты и морских льдов, повышению уровня Мирового океана, изменению количества и характера осадков, увеличению пустынь, росту во всем мире числа и интенсивности экстремальных погодных явлений. Если не предпринять решительных мер по сокращению выбросов парниковых газов климатические изменения к концу XXI в. и вполне возможно еще раньше — к его середине способны вызвать длительные, а в отдельных регионах необратимые разрушительные последствия для систем человеческого жизнеобеспечения. К таким выводам приходит Межправительственная группа экспертов по изменению климата (см.: IPCC 2014).

Центральная Азия относится к группе территорий с высокой потенциальной уязвимостью к последствиям меняющегося климата. Регион расположен в центре евразийского материка, вдали от влажных океанических течений, вследствие чего в нем преобладает аридный климат. Для стран ЦА характерен комплекс общих взаимосвязанных социально-экологических проблем — усиливающееся антропогенное воздействие на окружающую среду, высокий демографический рост при сокращении природных ресурсов, в первую очередь водно-земельных, процессы опустынивания, эрозии и засоления почв, использование устаревших грязных технологий в промышленности и мелиорации, истощение и загрязнение транснациональных водных артерий, ускоренное таяние горных ледников.

Антропогенное воздействие на хрупкие экосистемы региона, сопровождающееся их деградацией, усугубляется под воздействием глобальных климатических изменений. За столетие к началу 2000-х гг. температура воздуха в приземной поверхности в разных районах Центральной Азии увеличилась в диапазоне 1-2 °С. В большей части региона увеличение температуры было более выраженным в зимний период, чем в летний (IPCC 2007: 475). Потепление летом и зимой заметно ускорилось с 1972/73 г. За тридцать лет (1973-2003) температура воздуха в Центральной Азии в целом повысилась на 0,5 °С по сравнению с предыдущими тридцатью годами (1942-1972). Наибольший уровень роста летней температуры в период с 1973 по 2003 гг. произошел в пустынных районах Арало-Каспийской низменности и на территориях выше 2000 м над уровнем моря — 0,72 °С (Aizen: 2009). В течение последнего десятилетия наиболее интенсивное повышение температуры в регионе наблюдалось весной, особенно во внутренних районах Центральной Азии между озером Балхаш и Аральским морем. Летние температуры росли в Каспийском регионе, а также по всему Туркменистану и Узбекистану. Летнее потепление отмечалось в Киргизии, Таджикистане и восточных районах Казахстана, но оно было незначительным. Повышение осенних температур наблюдалась по всей Центральной Азии.

Уже сейчас изменение климата в ЦА сопровождается увеличением числа и интенсивности аномальных погодных явлений и стихийных бедствий,

включая засухи и волны жары, затяжные ливни, наводнения, сели. В южных и центральных районах увеличилось количество дней с температурой, превышающей 40 °С. Хотя ситуация далека от критической, в регионе накапливаются опасные социально-экологические сдвиги, возникают новые и сохраняются старые точки напряженности как внутри стран, так и в межгосударственных отношениях из-за растущего дефицита природных ресурсов. В Центральной Азии задача по адаптации к климатическим рискам и снятию конфликтогенного потенциала связана в первую очередь с бережным отношением к водным ресурсам, дефицит которых и без того постоянно растет под воздействием все более увеличивающейся антропогенной нагрузки.

Водная проблема крайне актуальна для Узбекистана. В ранжировании стран, испытывающих водный стресс, проводимом Институтом мировых ресурсов (Вашингтон), Узбекистан находится в группе государств с высоким уровнем базовой водной нагрузки, когда в среднем ежегодно на нужды сельского хозяйства, бытового потребления и промышленности расходуется более 40% имеющихся запасов воды. Отдельные районы республики испытывают чрезвычайно высокий водный стресс. В Самаркандской, Навоийской, Джизакской, Бухарской, Кашкадарьинской и Ферганской областях забирается более 80% воды от всех доступных запасов¹. Такой напряженный баланс между потреблением и наличием имеющихся водных ресурсов создает угрозу их острой нехватки в будущем.

Водные ресурсы Узбекистана складываются из поверхностного стока трансграничных рек Сырдарьи и Амударьи — 55%, малых рек — 33%, подземных вод — 10% и коллекторно-дренажного стока — 2%. Все водотоки и водоемы страны относятся к бассейну Аральского моря. В бассейне Сырдарьи формируется 38 км³ стока, в бассейне Амударьи — 79 км³. Естественный режим стока рек бассейнов Амударьи и Сырдарьи нарушен вследствие создания водохранилищ, забора воды на орошение и сброса коллекторно-дренажных вод. Основным потребителем доступных водных ресурсов в Узбекистане является орошаемое земледелие, на долю которого в отдельные годы приходится 90-91% общего водопотребления. В настоящее время требования на воду для орошения не удовлетворяются в полной мере. В то же время прогнозируемое повышение температуры с последующим увеличением испарения усилит потребность сельскохозяйственного сектора в водных ресурсах. Оросительные нормы для большинства культур (хлопчатника, люцерны, овощей, древесных насаждений) должны увеличиться к 2030 г. на 5,8-7,3%,

¹ Из 164 стран по уровню водного стресса Узбекистан занимает 25 место. В ранжировании по 5 бальной шкале он набирает в целом 3,82 балла. В сельском хозяйстве — 3,82 балла, коммунальном потреблении — 3,62 балла, в промышленности — 3,86 баллов. (Электронный онлайн ресурс Института мировых ресурсов: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wri.org/publications/aqueduct/country-rankings/?indicator=bws/> (дата обращения 06.09.2020)).

к 2050 г. на 9,7-15,0%¹. Ресурсы подземных вод в основном используются для хозяйственно-питьевого и производственно-технического назначения. Небольшая их часть расходуется для орошения.

Узбекистан самая густонаселенная страна Центральной Азии, и потребность в воде в коммунальном хозяйстве будет возрастать в связи с высоким уровнем естественного прироста населения и урбанизации. Численность населения республики увеличивается в среднем на 650-700 тыс. человек в год. В 2020 г. она достигла 34 млн человек. Ожидается, что в 2030 г. в Узбекистане будет проживать не менее 39 млн человек². Потребность в качественной воде к этому времени увеличится на 18-20% — с 2,3 млрд м³ до 2,7-3,0 млрд м³. Увеличение водозабора также связано с планируемым развитием промышленности и энергетики. Общее годовое водопотребление этих отраслей возрастет к 2030 г. в 1,8 раза — с 1,9 млрд м³ до 3,5 млрд м³ (Третье национальное сообщение Республики Узбекистан 2016: 5, 111).

При этом прогнозные сценарии, основанные на различных климатических моделях глобального потепления³, показывают, что в перспективе увеличения

¹ Здесь и далее если ссылки по текущей статистике и расчетам на будущее отсутствуют, это означает, что данные приводятся на основе государственных документов Республики Узбекистан: Концепция развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 гг. // Национальная база данных законодательства при Министерстве Юстиции Республики Узбекистан. 11.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/4892946/> (дата обращения 11.09.2020); Концепция охраны окружающей среды Республики Узбекистан на период до 2030 г. // Президент Республики Узбекистан. 30.10.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://president.uz/ru/lists/view/2987/> (дата обращения 18.10.2020); Стратегия развития сельского хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 гг. // Информационно-поисковые и экспертные системы все законодательство Узбекистана. [Электронный ресурс]. URL: https://nrm.uz/contentf?doc=603844_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana/ (дата обращения 05.11.2020).

² Данные Государственного комитета Республики Узбекистан по статистике. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/demography/> (дата обращения 11.09.2020).

³ Гидрометеорологические службы государств Центральной Азии, в том числе Узбекистана, при прогнозировании влияния климатических изменений на окружающую среду и общество, до недавнего времени использовали три — четыре сценария, базирующихся на траектории изменения концентрации парниковых газов под воздействием разных вариантов мирового развития. Они определяются демографическими, экономическими и технологическими факторами, от которых, в свою очередь, зависят интенсивность использования ископаемого топлива и, соответственно, уровни выбросов в атмосферу ПГ и аэрозолей. Самый мягкий сценарий отражает стабилизацию концентрации CO₂ к концу XXI в. на уровне 450 ppm (частей на миллион) при условии принятия самых жестких мер по ограничению эмиссии ПГ. Тогда возможно удержать глобальное потепление в пределах 2 °C относительно доиндустриального периода. Умеренный сценарий предполагает стабилизацию CO₂ на уровне 750 ppm, что приведет к повышению глобальной температуры к 2100 г. на 3 °C. Согласно экстремальному сценарию, предполагающему продолжение интенсивного сжигания ископаемого органического топлива, к 2100 г. концентрация CO₂ приблизится к 990 ppm, а повышение глобальных температур может достигнуть 4,9 °C. Сейчас климатическое моделирование усовершенствуется с учетом мировых технических возможностей и новых данных, свидетельствующих о недооцененных последствиях антропогенного воздействия на изменение климата. В 2018 г. концентрация углекислого газа в атмосфере достигла новых максимальных значений — 407,8 частей на миллион.

водных ресурсов внутренних и трансграничных рек центральноазиатского региона не предвидится. Напротив, повышение температуры и изменения в характере осадков будут вести к изменениям в гидрологическом режиме и сокращению водных ресурсов. В первую очередь это связано с уменьшением снежных и ледниковых запасов в горах, питающих реки Центральной Азии.

Для водных ресурсов Узбекистана огромное значение имеет горное оледенение всего бассейна Аральского моря. В пределах территории страны его площадь невелика. Самые большие районы, покрытые ледниками, расположены в верховьях Центральной Азии — Кыргызстане и Таджикистане. На их территории находится около 70% водных ресурсов Центрально-Азиатского региона. В горных системах Тянь-Шаня и Памиро-Алая формируется сток крупнейших трансграничных рек региона — Амударья и Сырдарья. Там они пополняются талыми снеговыми и ледниковыми водами — Сырдарья — на 46%, а Амударья на — 65%. Узбекистан расположен в пределах двух бассейнов этих рек и около 90% его водных ресурсов поступают из соседних республик.

Малая водоносность рек Узбекистана по сравнению с Таджикистаном и Кыргызстаном ставит эту страну в зависимость от соседей. Более того, для государств низовья Аральского бассейна (Узбекистана, Казахстана и Туркменистана) возникает серьезная угроза острого дефицита воды в связи с быстрым таянием ледников. В бассейнах рек Амударья и Сырдарья наблюдается их повсеместная деградация: мелкие ледники исчезают, а крупные распадаются. Быстрее деградируют небольшие ледники площадью менее 1 км² на долю которых приходится 80% от числа всех ледников в этом регионе. Согласно международным исследованиям с 2000 по 2010 гг. запасы льда сократились по сравнению с периодом с 1961-1980 гг. по бассейну реки Сырдарья на 21%, по бассейну реки Амударья на 17%. В результате глобального изменения климата на протяжении последних 50-60 лет площадь всех ледников в Центральной Азии в целом сократилась примерно на 30%. По оценкам специалистов по мере повышения температуры объемы ледников продолжают сокращаться — к концу нынешнего века при глобальном потеплении на 2 °C они могут потерять до 50% в своем объеме, при повышении температуры на 4 °C до 78%, а в некоторых районах Центральной Азии ледники полностью исчезнут (см.: Жолдошева, Ручевска, Семерня 2017; Glacier Systems 2013; Ибатуллин, Ясинский, Мироненков 2009; Climate Change and Sustainable Water Management 2014; Третье национальное сообщение Республики Таджикистан 2014). Следует учитывать, что повышение температуры воздуха в горной зоне ухудшает условия формирования снежных запасов и приводит к их сокращению, что может также повлечь за собой существенное уменьшение стока рек бассейна Аральского моря.

Быстрая деградация ледников, скорее всего, окажет значительное влияние на наличие и распределение водных ресурсов в регионе. По сравнению

с 1980-1999 гг. годовой сток рек Центральной Азии в 2030-2049 гг., согласно исследованию Всемирного Банка, может снизиться на 12%. По прогнозам Таджикидromета, речной сток Амударьи сократится от 5 до 15% к 2050 г. и до 20% в 2100 г. Однако, согласно исследованиям Азиатского банка развития, не исключается, что уже к 2050 г. годовой речной сток Амударьи на территориях стран низовья может снизиться на целых 26-35%, а Сырдарьи — на 22-28% (Climate Change and Sustainable Water Management 2014; Climate Change Impacts in Central Asia 2015; Второе национальное сообщение Республики Таджикистан 2008). При этом в некоторых реках, образованных за счет таяния ледников, сток воды перед тем, как уменьшиться, увеличится на короткий период. Тенденция увеличения речных стоков в ближайшем будущем и их снижения в долгосрочной перспективе ожидается в соседнем с Узбекистаном Кыргызстане. Предполагается, что там к концу столетия по сравнению с 2000 г. произойдет сокращение объема водных ресурсов на 44-88%. Такие значительные сокращения годового стока воды, будут оказывать большое воздействие не только на население Киргизии и ее экономику, но и на страны низовья, в том числе Узбекистан (Второе национальное сообщение Кыргызской Республики 2009).

В самом Узбекистане темпы сокращения горного оледенения варьируются по территории и по временным периодам от 0,1 до 1,6% в год. В целом по бассейнам рек Пскем, Чаткал, Кашкадарья и Сурхандарья площадь оледенения за период с 1957 по 2010 гг. уменьшилась на 50,12 км² или на 24,1%. В пределах границ Узбекистана площадь ледников в 2010 г. по сравнению с 1957 г. сократилась на 41,63 км² или 29,5%. По оценкам Научно-исследовательского гидрометеорологического института Узбекистана в ближайшие 30-50 лет в зависимости от сценариев выбросов ПГ вероятны следующие тенденции:

- при реализации умеренного сценария глобальных выбросов ПГ возможно некоторое увеличение темпов сокращения оледенения относительно современных значений;

- в случае экстремального сценария темпы деградации ледникового покрова возрастут, что может привести к исчезновению в недалеком будущем малых ледников. В первую очередь это отразится на ледниках, расположенных в бассейнах рек Кашкадарья и Сурхандарья;

- площадь оледенения, в бассейне реки Пскем может уменьшиться значительно даже при реализации мягкого сценария выбросов ПГ;

- увеличение интенсивности таяния ледников в условиях потепления может привести сначала к некоторому возрастанию вегетационного стока горных рек за счет увеличения ледниковой доли питания, а в дальнейшем — с уменьшением оледенения, к его сокращению (Третье национальное сообщение Республики Узбекистан 2016: 105-110)

Нехватка воды в Узбекистане начала серьезно ощущаться в последнее десятилетие, в течении которого интенсивное потепление отмечалось по всей территории страны, а его средние темпы составили $0,29^{\circ}\text{C}$, что существенно превысило среднемировой показатель¹. Наряду с климатическим фактором сокращение водных ресурсов вызвано проблемами трансграничного водопользования в постсоветский период. В последние годы используемый в республике среднегодовой объем воды составляет 51-53 млрд м^3 , хотя согласно региональным схемам комплексного использования и охраны водных ресурсов бассейнов Амударьи и Сырдарьи, лимит водозабора для Узбекистана составляет 64 млрд м^3 . По сравнению с 80-ми гг., когда годовое водопотребление республики находилось в пределах многолетних лимитов, в последние годы оно сократилось на 20%. 97,2% воды добывается из рек и саев, 1,9% — из коллекторных сетей, 0,9% — из подземных источников. За последние 15 лет обеспеченность водой на душу населения сократилась с 3048 м^3 до 1589 м^3 . Если в период до 2015 г. суммарный дефицит воды в Узбекистане составлял более 3 млрд м^3 , то к 2030 г., по расчетам узбекистанских специалистов, он может составить 7 млрд м^3 , а к 2050 г. уже 15 млрд м^3 .

Наибольший урон в связи с прогнозируемым сокращением водных ресурсов может понести сельское хозяйство, что напрямую угрожает продовольственной безопасности страны. Эта важнейшая отрасль является их наиболее крупным потребителем, — в среднем в сельском хозяйстве используется 90-91% всех водных ресурсов. В то же время, вследствие износа ирригационных и мелиоративных сетей, устаревших поливных технологий, отсутствия должного учета в водопотреблении, дефицит воды на орошаемых территориях из года в год увеличивается.

Срок службы большинства объектов инфраструктуры водного хозяйства, введенных в республике, превышает 50-60 лет, их техническое состояние постоян-

¹ По данным Узгидромета средние температуры воздуха за последнее десятилетие (2010-2019 гг.) и последнее пятилетие (2015-2019 гг.) были самыми высокими по сравнению с предыдущими 10-ти летними и 5-ти летними периодами за весь ряд метеорологических наблюдений. Наибольшие значения повышения среднегодовых температур воздуха были отмечены в крупных городах (Ташкент, Самарканд, Фергана), вероятно, за счет дополнительного эффекта урбанизации. В 2019 г. среднегодовая температура по большей части территории республики была на $1,6-2,3^{\circ}\text{C}$ выше нормы, в районе Приаралья и по пустынной зоне местами на $2,9-3,1^{\circ}\text{C}$ выше нормы. Одним из показателей потепления климата является устойчивая тенденция увеличения числа дней с температурой воздуха 40°C и выше по всем регионам Узбекистана. Наиболее значительные тенденции увеличения числа жарких дней были отмечены в районе Приаралья и в южных районах республики. Летом 2019 г. по всем регионам республики наблюдалась аномально длительная продолжительность жаркой погоды. (Тенденции изменений климата в Узбекистане: темпы повышения температуры выше средних темпов в глобальном масштабе // Центр гидрометеорологической службы Республики Узбекистан. 14.04.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://meteo.uz/ru/news/2020-04-14-tendencii-izmeneniy-klimata-v-uzbekistane-tempy-povysheniya-temperatury-vyshe-srednih-tempov-v-globalnom-masshtabe/> (дата обращения 14.10.2020)).

но ухудшается. В частности, 66% каналов системы ирригации имеют земляное русло, потеря воды в них за счет фильтрации остается высокой. 77% каналов системы ирригации требуют ремонта и восстановления, 20% — реконструкции. Основная часть действующих лотковых сетей служит более 30 лет, вследствие непроведения в свое время ремонтных работ и истечения срока службы 70% из них требуют реконструкции и замены. В большинстве случаев места водозабора водопотребителей не оборудованы средствами управления и учета воды. Коэффициент полезного действия системы ирригации и оросительных сетей в среднем составляет 0,63 (при нормативе 0,7), в ряде регионов — ниже данного показателя. Весомой составляющей водных ресурсов служат возвратные воды от орошения, поскольку более половины их объема возвращается в реки. Согласно оценкам узбекистанских экспертов суммарный объем возвратных вод составляет около 35 км³ в год, из них 65% приходится на бассейн Сырдарьи и 35% — Амударьи, что обусловлено большими фильтрационными потерями из каналов и с полей орошения. К тому же качество возвратных вод представляет серьезную угрозу для водных ресурсов и наземных экосистем. В целом, в оросительных сетях теряется 35-40% воды, добываемой из основных источников.

Разрушение коллекторно-дренажных сетей, ненормированное орошение приводят к поднятию уровня грунтовых вод и засолению земель. Наряду с этим деградация почв часто связана с отсутствием необходимого севооборота и оптимальной зяблевой пахоты. Несоблюдение требований по возделыванию сельскохозяйственных культур и неконтролируемое использование удобрений приводят к нарушению почвенно-экологических условий. На большей части территории Узбекистана широко распространены эрозионные процессы, которые продолжают развиваться, что является одним из признаков подверженности экосистем опустыниванию. Так, из 27 млн га угодий процессу эрозии в различной степени подвержены 25 млн га (92,6%), в поливной зоне из 3,8 млн га эрозии подвержены 2,7 млн га. Водная эрозия развита на площади более 1 млн га пахотных земель, более 50% орошаемых земель подвержено вторичному засолению, их мелиоративное состояние ухудшается. 45,3% орошаемых земель республики имеют разную степень засоления, из них: 31,1% — слабозасоленные, 12,2% — средnezасоленные, 2% — сильнозасоленные. Площадь орошаемых земель, уровень грунтовых вод которых находится до 0-2-х м от поверхности земли, составляет порядка 30%. Хотя в последние годы в рамках государственных программ было улучшено мелиоративное состояние 1,7 млн га земель, на 560 тыс. га уровень обеспечения водой остается низким, а 298,5 тыс. га орошаемой земельной площади оказались выведены из оборота. Всего площадь орошаемых земель в стране составляет примерно 4,3 млн га, из них около 3,2 млн га — посевные сельскохозяйственные земли и вопрос об их сохранении наряду с рациональным использованием водных ресурсов становится крайне актуальным.

Власти страны всерьез озабочены прогнозируемым сокращением водных ресурсов, которое при нынешних расточительных технологиях водопотребления на фоне климатических изменений и демографического давления, способно нанести существенный урон поступательному социально-экономическому развитию. Теперь все стратегические правительственные документы, относящиеся к проблематике охраны окружающей среды и рациональному использованию природных ресурсов, основаны на подробном изучении проблем и профессиональных научных разработках по их решению, обязательно включающих фактор воздействия изменения климата. К таким важным документам относятся «Концепция охраны окружающей среды Республики Узбекистан на период до 2030 г.» (утверждена в 2019 г.), «Стратегия развития сельского хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 гг.» (утверждена в 2019 г.) и «Концепция развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 гг.» (утверждена в 2020 г.). Они тесно взаимосвязаны, представляют серьезный анализ текущих и будущих социо-эколого-экономических проблем, ставят конкретные сроки и задачи по их преодолению.

Сложившаяся в республике в постсоветский период система охраны окружающей среды и управления водным хозяйством мало эффективна. Ее функции рассредоточены по множеству ведомств, координация между ними слабая, их материально-техническая база, финансируемая из государственного бюджета, остается низкой. Зачастую они дублируют работу друг друга. С целью преодоления хронических системных недостатков планируется четкое разграничение прав и полномочий государственных органов в области охраны окружающей среды и рационального природопользования. Полномочия Государственного комитета Республики Узбекистан по экологии и охране окружающей среды существенно расширяются¹, увеличивается его государственное финансирование, также как и финансирование материально-технической базы водохозяйственных организаций². Планируется существенное увеличение расходов на модернизацию и строительство объектов водного хозяйства, научные исследования, опытно-конструкторские разработки, внедрение передовых водосберегающих технологий и подготовку высококвалифицированных специалистов.

¹ Госкомэкологии, в частности, разрешается проведение оперативных контрольных мероприятий по выявлению и пресечению случаев забора воды из естественных водных объектов без разрешения на водопользование или водопотребление, сверхнормативного или несанкционированного сброса сточных вод, несоблюдения требований законодательства при проведении работ по расчистке русел, водоохранных зон рек, саев, ручьев и озер, а также укреплению их берегов. Разрешается проводить мониторинг источников загрязнения сточных и поверхностных вод, а также почв в уведомительном порядке без согласования объектов мониторинга с уполномоченным органом, координирующим деятельность контролирующих органов.

² Расходы на содержание водохозяйственных организаций производятся из средств госбюджета. Однако в последние годы 70% выделенных средств направляется на покрытие расходов на электроэнергию. Доля средств, выделенных на ремонт и восстановление систем ирригации, составляет 2,9% и остается низкой.

Водная реформа впервые за годы существования независимого Узбекистана демонстрирует широкую открытость для международного сотрудничества и привлечения частных инвестиций в сфере модернизации водного хозяйства. Для разработки и реализации программы действий по внедрению принципов интегрированного управления водными ресурсами намечается установление тесного сотрудничества национальных научно-исследовательских институтов с зарубежными и международными научно-исследовательскими организациями, в том числе подготовка в них и ведущих зарубежных кампаниях национальных специалистов. В министерства и ведомства будут приглашаться высококвалифицированные иностранные ученые и инженерно-технические специалисты. Ставится задача по ускорению привлечения грантовых средств и технической помощи международных финансовых институтов и зарубежных государств.

Важным шагом на пути сокращения расточительного использования водных ресурсов служит объявленный курс по постепенному переходу от использования административных методов государственного регулирования к расширению рыночных механизмов. Широкое внедрение водосберегающих технологий сдерживается неэффективной системой покрытия расходов по водообеспечению в сельском хозяйстве. До последнего времени в управлении водообеспечением аграрного сектора, как и всем сельским хозяйством в целом, доминировали нерыночные методы¹. Основными инструментами распределения воды оставались зачастую произвольно назначаемые квоты и административный контроль за продуктовой структурой посевов. Планы по производству хлопка² — очень влагоемкой культуры, а также пшеницы были слабо увязаны с задачей сокращения издержек по доставке воды.

¹ По итогам 2018 г. расходы госбюджета на сельское хозяйство составили \$ 836 млн. Это в 3 раза больше по сравнению со странами, не входящими в ОЭСР со средним уровнем дохода и в 10 раз больше, чем у стран ОЭСР. Несмотря на такой высокий уровень расходов, их влияние на рост производительности и конкурентоспособности сельского хозяйства и доходы производителей оставалось низкими. Большая часть государственного финансирования сельскохозяйственного сектора была израсходована на системы ирригации — 63%. (Указ Президента Республики Узбекистан об утверждении стратегии развития сельского хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 гг. // Портал обсуждения проектов нормативно-правовых актов. [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.uz/ru/d/7865/> (дата обращения 06.11.2020)).

² На выращивание 1 тонны хлопка расходуется около 10000 тонн воды. Площадь хлопковых полей Узбекистана в 1990 г. составляла более 1,8 млн га. В конце 70-х и 80-е гг. в среднем с них собирали 5 млн тонн хлопка сырья. Хлопковые плантации до сих пор в значительной степени орошаются устаревшими неэффективными сетями ирригационных каналов и дренажных сооружений, построенными в советский период. Они были предназначены для удовлетворения потребностей в воде крупных государственных кооперативов, но в результате постсоветских земельных реформ большинство узбекских фермеров возделывают меньшие по размеру участки — в среднем от 35 до 40 га. С обретением независимости по решению правительства посевные площади под хлопчатник ежегодно сокращались. В 2018/2019 гг. они составили около 1,17 млн га, в 2019 г. было собрано 2 млн 958 тыс. тонн хлопка-сырца. Посадка хлопка сокращается в горных районах и на территориях с сильным засолением, где урожайность этой культуры ниже, чем в среднем по стране. На этих участках стимулируется выращивание плодовоовощных и других продовольственных культур.

Управление магистральной и межхозяйственной инфраструктурой осуществляется преимущественно структурами Министерства водного хозяйства и основные расходы по доставке воды для агропроизводителей покрываются из государственного бюджета. Значительная нагрузка на него ложится за счет больших затрат на оплату электроэнергии для насосных станций и машинное орошение. При этом платежи за услуги по доставке воды не имеют прямой привязки к объемам ее потребления, а их размеры недостаточны для финансирования ремонта и модернизации водохозяйственных объектов. У исполнителей нет должных стимулов к внедрению водо- и энергосберегающих технологий, экономии расходов по содержанию и модернизации инфраструктуры. Также и водопотребители не ощущают действенных стимулов для эффективного использования воды.

С целью содействия государственным органам в осуществлении мероприятий по рациональному использованию, охране вод и водных объектов на низовом уровне в Узбекистане создавались ассоциации водопотребителей (АВП). В основном их функции сводятся к доставке и распределению оросительной воды в необходимом объеме для фермерских и дехканских хозяйств, а также улучшения технического уровня внутрихозяйственной оросительной и коллекторно-дренажной сети. Ассоциации должны контролировать подачу воды для орошения и вести учет водопотребления. В свою очередь водопотребители обязаны вносить платежи за водохозяйственные услуги этих негосударственных некоммерческих организаций¹. Однако АВП, призванные играть ключевую роль в налаживании эффективного управления и распределения воды на уровне внутрихозяйственных сетей, так и не стали устойчивыми структурами самоуправления водопотребителей. В первую очередь, причина такой ситуации кроется в низком уровне сборов, связанным с их некачественными услугами.

Наиболее слабым звеном остается учет расходования воды на низовом уровне, особенно на границе водопотребителей. Из-за почти полного отсутствия технических средств по определению объемов воды, поступающих из внутрихозяйственных ирригационных каналов на участки фермеров и дехканских хозяйств, возникают проблемы справедливой оплаты счетов, выставляемых ассоциациями. Многие участки получают воду через один и тот же магистральный канал, и те, кто находится ближе к нему, нередко ис-

¹ Согласно законодательству Узбекистана, ассоциация водопотребителей является негосударственной некоммерческой организацией, создаваемой водопотребителями — юридическими лицами на добровольной основе для координации их деятельности в области водных отношений, а также представления и защиты их общих интересов. В 2018 г. в республике осуществляли деятельность 1503 ассоциаций водопотребителей, которые участвовали в обеспечении водой водопотребителей на площади 3,7 млн га.

пользуют воды намного больше необходимого, иногда на несколько порядков, вследствие чего значительно увеличивается ее поверхностный сброс. В то же время, на поля, находящиеся в конце канала или в местностях с неравномерным рельефом, воды поступает меньше. Многие АВП с трудом обеспечивают своевременную доставку достаточного количества воды агрохозяйствам, а механизмы правовой и экономической ответственности АВП и ее членов за невыполнение договорных обязательств не регламентированы.

По этим причинам между фермерами и ассоциациями водопотребителей нередко возникают конфликты, владельцы орошаемых территорий неохотно вносят плату за их услуги. Взносы водопотребителей за доставку оросительной воды остаются основным источником финансирования АВП. Хронический недостаток средств у ассоциаций, низкая платежеспособность их членов вызывают ухудшение технического состояния внутрихозяйственных оросительных и коллекторно-дренажных сетей, гидротехнических сооружений. Не соблюдаются установленные правила эксплуатации внутренних водных объектов и сооружений. Остаются на низком уровне профессиональная квалификация специалистов и материально-техническая база АВП. Наблюдается рост кредиторской и дебиторской задолженностей ассоциаций. Становится очевидным, что финансовая жизнеспособность является критическим фактором их эффективности и дальнейшего функционирования.

С целью совершенствования механизма финансирования ассоциаций водопотребителей и налаживания их продуктивной работы некоторыми узбекскими специалистами предлагается ряд мер, начиная от укрепления их юридического статуса, субсидирования государством и обеспечения квалифицированными кадрами, до получения прибыли АВП за счет участия в агробизнесе (см. подробно: Фарманов, Юсупова: 247-253). Согласование таких предложений требует времени, также как и их внедрение. К тому же возникает много неясностей о месте ассоциаций в выстраиваемой в последние два года системе либерализации отношений государства с бизнесом, фермерами и дехканами. Курс на государственно-частное партнерство в агропроизводстве и водном хозяйстве дает частному сектору возможность самостоятельно улучшать состояние водно-земельных ресурсов. Соответственно под вопрос ставится целесообразность дальнейшей поддержки АВП. Об этом косвенно свидетельствуют последние государственные концептуальные и стратегические документы по развитию сельского и водного хозяйства, в которых если и упоминаются ассоциации, то вскользь и без какой-либо конкретики по их развитию.

Бедственное положение АВП может улучшиться благодаря внедрению в последнее время с помощью зарубежных организаций эффективной технологии водоучета, позволяющей определять объем воды, поступающей

из внутрихозяйственного ирригационного канала на индивидуальные участки сельских тружеников¹. Водопуски оснащаются водомерными устройствами — «умными рейками» (smart sticks), которые опускаются в мини-гидропосты, размещенные на границе между сельхозучастками и центральными каналами, и дают электронное считывание того, сколько воды сбрасывается на участок во время одного полива. Такие инструменты позволяют АВП точно рассчитывать потребляемые объемы воды и оплату за ее доставку. Этот прозрачный, быстрый и простой учет водоподачи позволяет решать споры, связанные с распределением воды, и побуждает водопотребителей полностью и своевременно вносить плату за услуги по орошению. Тем самым обеспечивается стабильное финансирование АВП и, соответственно, содержание оросительных систем в технически исправном состоянии. Точный водоучет стимулирует агропроизводителей экономить средства за счет рационального использования воды. Внедрение электронных инструментов smart sticks для широкого использования различными водопотребителями планируется по всей стране.

Начавшийся в Узбекистане переход к государственно-частному партнерству в агропроизводстве и водном хозяйстве по всей видимости повлечет сокращение количества ассоциаций водопотребителей. Их функции по надлежащему обслуживанию оросительных систем и внедрению передовых водосберегающих технологий способны более эффективно выполнять сельскохозяйственные кластеры, которые активно создаются последние три года. Эти агропромышленные объединения представляют единую технологическую цепочку комплекса предприятий, охватывающую все циклы производства от выращивания сырья, его переработки до изготовления конечного продукта и его реализации.

В республике формируются кластеры разного направления: зерновые, мясо-молочные, садоводческие, плодовоовощные, семеноводческие, но наиболее крупные из них — хлопково-текстильные. Они обладают широкими инвестиционными возможностями по внедрению передовых технологий в том числе и в водопользовании. За последние годы узбекский текстильный бизнес значительно нарастил производственные мощности по переработке хлопкового сырья в готовую продукцию, стал обладать солидным капиталом. Текстильные предприятия начали непосредственно участвовать в выращивании хлопка. Хлопково-текстильные кластеры арендуют земли у государства под выращивание хлопка, а также заключают договора на его поставку с фермерскими хозяйствами. Фермерам оказываются услуги в виде выделения семян,

¹ Using Technology and Markets to Solve Water Scarcity In post-Soviet States // Smart Water Magazine. 01.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.waterpolitics.com/2020/07/01/using-technology-and-markets-to-solve-water-scarcity-in-post-soviet-states/> (дата обращения 09.11.2020).

удобрений, химикатов, современной сельскохозяйственной техники. Теперь отношения между хлопкоробами и текстильной компанией строятся напрямую. Раньше фермеры заключали договор с госкомпанией «Узпахтасаноат», снабжали ее хлопковым волокном, а текстильные предприятия закупали у нее хлопок, вследствие чего себестоимость продукции возрастала. С 2020 г. в стране отменен госзаказ на хлопок и закупки производятся по рыночной цене. Также отменена принудительная система по его сбору. Поэтапно госзаказ будет отменен на выращивание пшеницы.

Некоторые кластеры, в том числе с участием крупных зарубежных компаний, уже взяли на себя ответственность за управление водными ресурсами на своих территориях. Они очищают каналы и арыки, ремонтируют и устанавливают новые мелиоративные объекты, внедряют технологии капельного орошения. Тем не менее, не все они способны проводить дорогостоящие ремонтные работы и устанавливать современную водосберегающую технику. В связи с этим в «Концепции развития водного хозяйства на 2020-2030 гг.» отмечается, что передача государственных функций управления локальной ирригационно-дренажной сетью сельскохозяйственным кластерам возможна там, где они готовы взять на себя ответственность. Такие функции могут передаваться на конкурсной основе частным компаниям или добровольным объединениям сельскохозяйственных производителей и других водопотребителей.

Реформа управления водными ресурсами направлена на расширение доли негосударственного финансирования сектора за счет поэтапного перехода на оплату услуг по доставке воды, передачи хозяйственных функций по управлению межхозяйственной инфраструктурой в аутсорсинг негосударственным структурам. Увеличение размеров финансирования в секторе предусматривается за счет привлечения частных инвестиций, в том числе иностранных, а также кредитов и грантов международных финансовых институтов и зарубежных стран. Передача части функций по управлению водным хозяйством кластерам, объединениям фермеров и другим водопользователям должна проводиться в соответствии с принципами, обеспечивающими четкое распределение обязанностей, экономическую эффективность, социальную справедливость и экологическую устойчивость.

Планы по развитию государственно-частного партнерства в водном хозяйстве тесно взаимосвязаны с сельскохозяйственной реформой. Учитывая многообразие условий ведения сельскохозяйственной деятельности в Узбекистане, предлагается перейти от попыток создания универсальной модели управления внутрихозяйственными оросительно-дренажными сетями к более гибким и разнообразным механизмам. В расчет должны приниматься особенности территорий, кадровый потенциал водохозяйственных служб и готовность частного сектора к участию в государственно-частном партнерстве.

Поэтапное повышение покрытия водопользователями затрат на доставку воды на уровне магистральных и межхозяйственных сетей предполагается проводить за счет повышения и дифференциации ставок налога на воду. На уровне локальных сетей расширение участия водопотребителей в финансировании будет осуществляться посредством совершенствования механизмов оплаты за доставку воды, полностью или частично. В целях стимулирования водосбережения устанавливаемые тарифы будут рассчитываться по объемным замерам доставленной воды. Их дифференциация будет зависеть от затрат по ее доставке и материального положения водопользователя. Для оптимизации потребления и экономии воды налог на воду, а также штрафы за ее загрязнение и перерасход для разных категорий водопотребителей предлагается рассчитывать с учетом их технологических и отраслевых особенностей, степени качества возвратных вод, включая минерализацию и другие загрязняющие вещества. Предусматривается развитие системы государственной поддержки и стимулирования сельскохозяйственных производителей, внедряющих водосберегающие методы и технологии.

При поэтапном повышении уровня покрытия водопользователями затрат на доставку воды в расчет будут приниматься приоритеты социально-экономической политики государства. Разработчиками «Концепции развития водного хозяйства на 2020-2030 гг.» подчеркивается, что «внедрение механизмов платных услуг за доставку воды в сельском хозяйстве будет проходить в тесной взаимосвязи с ходом реализации аграрной реформы. Только достижение финансовой устойчивости агропроизводителей позволит создать основу для полноценной системы покрытия водопотребителями затрат на доставку воды»¹.

Сэкономленные средства по обслуживанию государством водных объектов в ходе частичной передачи этих функций частному сектору и средства, полученные от возмещения водопотребителями части затрат на доставку воды, планируется использовать на ремонт и модернизацию крупных объектов водного хозяйства и широкое внедрение современных ресурсосберегающих технологий. Они также будут направляться на подготовку квалифицированных специалистов, оплату труда и стимулирование работников структур Минводхоза, научно-исследовательские и конструкторские разработки, внедрение цифровых технологий в сфере управления водными ресурсами. Помимо этих средств будут увеличены расходы из госбюджета. В последние годы по государственным программам рационального использования природных ресурсов успешно привлекаются крупные гранты и кредиты зарубежных организаций. Ими оказывается консультативная и материально-техническая помощь.

¹ Концепция развития водного хозяйства на 2020-2030 гг. // Министерство водного хозяйства Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.water.gov.uz/ru/posts/1545735855/396/> (дата обращения 11.11.2020).

Основная цель водной реформы определена как «создание условий, необходимых для удовлетворения постоянно растущих потребностей населения, отраслей экономики и окружающей среды в воде, обеспечение надежной и безопасной работы объектов водного хозяйства, а также эффективного управления и рационального использования водных ресурсов, улучшение мелиоративного состояния орошаемых земель, достижение водной безопасности в условиях усиливающегося дефицита водных ресурсов и глобальных климатических изменений»¹. Для этого планируется создание интегрированного управления водными ресурсами страны с полным охватом использования, потребления всех водных ресурсов и их распределением между водоснабжением населения, отраслями экономики и природной средой. Такая система предусматривает поэтапное внедрение мониторинга водных объектов с помощью цифровых технологий и создание единой информационной базы по всем водным ресурсам. Комплексное планирование по их развитию должно обязательно учитывать сохранение экологического баланса в окружающей среде и факторы изменения климата.

Судя по поставленным целям и задачам² руководство Узбекистана осознает всю серьезность водной проблемы, которая угрожает социально-экономическому развитию страны уже в ближайшие десятилетия. Оно осведомлено о научных данных по изменению климата на глобальном и региональном уровне, серьезно относится к климатическим прогнозам и начинает учитывать их в принятии решений по реформированию водного хозяйства. В стране совершенствуются практические исследования при разработке планов адаптации к изменению климата, в процессах планирования начинают изучаться возможные варианты влияния климатических изменений на различные сектора экономики. Несомненно, большую роль в формировании государственной политики в области рационального использования природных ресурсов играют ученые страны и привлекаемые из-за рубежа специалисты.

Узбекистан обладает реальными возможностями добиться поставленных целей по совершенствованию управления водными ресурсами и их рациональному использованию. Система планирования республики отличается продуманным выбором приоритетов, взвешенностью решений и поэтапностью

¹ Приложение № 1 к Указу Президента Республики Узбекистан от 10 июля 2020 г. № УП-6024. Концепция развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 гг. Глава 4. Цель и приоритетные направления развития водного хозяйства // Национальная база данных законодательства при Министерстве Юстиции Республики Узбекистан. [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/4892946/> (дата обращения 13.11.2020).

² Подробные цели и задачи по рациональному использованию водных ресурсов, и сроки их исполнения изложены в Приложении 1.

их реализации¹. Не стоит забывать, что президент независимого Узбекистана Ислам Каримов в советские годы возглавлял Госплан республики и постсоветская система планирования выстраивалась им на базовых основах анализа социально-экономических целей и возможностей их реализации с разбивкой по периодам. Следует признать, что такая система, несмотря на все трудности, позволила со временем довольно успешно нарастить постсоветский экономический фундамент, на котором сейчас постепенно разворачиваются рыночные реформы. Важен и соответствующий уровень исполнения решений руководства. В стране он в целом отлажен. Разумеется, для проведения реформ, в том числе и по рационализации использования и охране природных ресурсов необходима политическая стабильность. Большинство экспертов и международных организаций политическую ситуацию в Узбекистане в целом расценивают как стабильную.

Что касается полноценного финансового и материально-технического обеспечения программ по водосбережению, то, конечно, Узбекистану собственными средствами решить этот вопрос в намеченные сроки крайне сложно. Сбор средств в стране за доставку воды будет происходить постепенно, платежи увеличиваться незначительно с учетом низкой платежеспособности основной массы водопотребителей. Но правительство заметно преуспело в привлечении иностранной помощи и инвестиций, поддерживая действительно оправданный имидж успешно развивающейся страны, стремящейся выполнять международные инициативы по модернизации экономики с внедрением ресурсосберегающих технологий. Сегодня в мировой экономике и международных отношениях начинает цениться климатическая репутация стран — их усилия по смягчению последствий глобального изменения климата и адаптации к ним. В последние годы по государственным программам рационального использования и охраны природных ресурсов, внедрению зеленых технологий, возобновляемых источников энергии и адаптации к климатическим изменениям успешно привлекаются крупные гранты и кредиты зарубежных стран и организаций. Ими оказывается существенная консультативная, научная и материально-техническая помощь. Подобные гранты, кредиты и инвестиции в совокупности с материально-техническим обеспечением исчисляются сотнями миллионов долларов, отдельные проекты такой поддержки

¹ Так в приложениях к «Концепции развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020-2030 гг.» даны конкретные распоряжения по министерствам и ведомствам, определены сроки их исполнения, источники финансирования программ. Поэтапная реализация Концепции осуществляется посредством стратегий развития водного хозяйства Республики Узбекистан, утверждаемых каждые 3 года, исходя из приоритетных направлений, а также целевых параметров и показателей на соответствующий период.

продолжаются на долгие годы¹. Так что при рачительном использовании собственных и зарубежных средств Узбекистан способен выполнить поставленные задачи по водосбережению в намеченные сроки.

Тем не менее решение внутренних проблем водной безопасности не снимает угрозы возникновения острого дефицита воды в Узбекистане в будущем. Риски сохраняются из-за нерешенности вопросов трансграничного водопользования на фоне климатических изменений. Вот уже почти тридцать лет прошло с тех пор, как с распадом Советского Союза в Центральной Азии исчезла единая эффективная водно-энергетическая система, гарантировавшая сбалансированное экономическое развитие всех пяти среднеазиатских республик. Строительство водохранилищ и выработка электроэнергии тогда планировались во взаимосвязке с развитием аграрного сектора по всему региону — эксплуатация гидроэлектростанций и водохранилищ была сбалансирована с ирригационным режимом. Советская система оказалась разрушена, а нового объединенного работоспособного управления водными ресурсами и энергетикой в ЦА так до сих пор не создано.

Получив независимость, центральноазиатские государства начали на свое усмотрение решать собственные экономические проблемы, исходя из наличия имеющихся ресурсов. Киргизия и Таджикистан, обладающие скудными залежами нефти и газа, сделали ставку на увеличение гидроэнергетических мощностей, что со временем привело к изменению водного баланса на региональ-

¹ Гранты, кредиты, инвестиции и материально-техническое оснащение предоставляют непосредственно для модернизации водного хозяйства Узбекистана или являются частью зарубежных крупных проектов по поддержке гуманитарных программ и широкомасштабных реформ в сельском хозяйстве и промышленности. Всемирный банк оказывает поддержку республике посредством финансирования и технической помощи 23 проектов совокупной стоимостью \$ 4,4 млрд в таких областях, как макроэкономическая политика, сельское хозяйство, энергетика, водоснабжение, транспорт и санитария, здравоохранение, образование, развитие городов и сельских районов. В начале 2020 г. ВБ одобрил кредит в размере \$ 239 млн от Международной ассоциации развития для финансирования проекта водоснабжения и водоотведения в Узбекистане. Грантовые средства для развития автоматизированных и информационно-коммуникационных водосберегающих технологий предоставляют также Азиатский банк развития и Швейцарское агентство по развитию и сотрудничеству. В выработке технологических программ по водосбережению принимают участие специалисты австралийской компании «Aither». В рамках проекта, финансируемого за счет грантовых средств Корейского агентства международного сотрудничества (KOICA) на основных водных объектах республики внедряется современная система «Smart Water» («Умная вода»), позволяющая в онлайн-режиме наблюдать за расходом воды. К 2025 г. планируется довести их число до 300, а к 2030 г. — до 1000. (Combined Project Information Documents / Integrated Safeguards Datasheet (PID/ISDS) // The World Bank Water Services and Institutional Support Program (P162263). 18.12.2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://documents1.worldbank.org/curated/en/2815515766483789/pdf/Project-Information-Documents-Integrated-Safeguards-Data-Sheet-Water-Services-and-Institutional-Support-Project-P162263.pdf> (дата обращения 15.11.2020); В Узбекистан придет «умная вода» // Новости Узбекистана сегодня. 20.02.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://nuz.uz/ekonomika-i-finansy/46954-v-uzbekistan-privet-umnaya-voda.html?fbclid=IwAR2laFDIn453KyQzYS9zD0_-8CjSlBIJO2xJln0LH7wV9NSVhVgVvNY-Q/ (дата обращения 15.11.2020).

ном уровне. Были нарушены согласованные режимы и величины пусков воды для стран, расположенных ниже по водотоку — Казахстана, Туркменистана и Узбекистана. Страны нижнего течения используют воду преимущественно для орошения земель и нуждаются в максимальном поступлении воды в летний период, в то время как страны верховий с целью увеличения выработки электричества заинтересованы в максимальном сбросе воды в энергодефицитное зимнее время. В такой ситуации участились случаи нехватки воды для ирригации, особенно в систематически повторяющиеся маловодные годы и периоды засух. Зимой излишний сброс воды из водохранилищ верховий начал приводить к подтоплению территорий в низовьях.

Конфликт интересов, когда одни страны хотят использовать воду в энергетическом режиме, другие — в ирригационном, сохраняется. При этом Киргизия и Таджикистан продолжают наращивать гидроэнергетические мощности и планируют их дальнейшее увеличение. Строительство в перспективе новых крупных гидроэнергетических сооружений и водохранилищ в верховьях рек Амударьи и Сырдарьи, а также эксплуатация в энергетическом режиме действующих, способны обострить проблемы водообеспечения государств, расположенных в низовьях этих рек. Кроме того, негативное влияние на баланс водораспределения между государствами региона может оказать освоение ими в последующие годы новых земель в целях продовольственной безопасности. Необходимо напомнить, что водные ресурсы трансграничных рек были полностью разобраны уже несколько десятилетий назад, и воды на всех при продолжающемся использовании водозатратных технологий попросту не хватает. В сложившейся ситуации зависимость Узбекистана от поставок воды из соседних стран существенно возрастает. В среднем 80% от общего объема потребляемых им водных ресурсов приходится на долю трансграничных рек. Страна использует почти половину объемов воды, которая потребляется в Центрально-Азиатском регионе. Естественно, эксплуатация растущих гидроэнергетических сооружений в Киргизии и Таджикистане вызывает справедливую озабоченность узбекских властей. К тому же сохраняются нерешенные вопросы вододеления и загрязнения водных источников с другими соседями по региону (см. подробно: Гусев 2013; Жильцов 2016).

В последние 3-4 года власти Узбекистана стараются не обострять межгосударственные отношения по региональным вопросам вододеления. Прежние нешуточные экономические конфликты¹ на этой почве в узбекско-киргизских,

¹ Первый такой конфликт возник в 1993 г., когда Узбекистан за долги оставил Киргизию без газа. В ответ с киргизской стороны был осуществлен сброс из водохранилища Токтогульской ГЭС, вследствие чего Ферганская долина подверглась наводнению. Бишкек объяснил такое и мнение режима работы водохранилища необходимостью выработки дополнительного количества электроэнергии в зимний период.

а особенно в узбекско-таджикских отношениях, переросших в политические, не принесли желаемых результатов. Все страны упорно продолжали решать вопросы использования водных ресурсов в одностороннем порядке. Государства низовий бассейна Аральского моря, в свою очередь, начали активно создавать дополнительные крупные ирригационные водохранилища, зачастую нескоординированно друг с другом, что породило новые проблемы в региональном водопотреблении.

Несмотря на многочисленные двусторонние и многосторонние соглашения в рамках Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК), призванные регулировать использование трансграничных водных ресурсов Центральной Азии, многостороннего механизма по разрешению спорных ситуаций до сих пор не выработано. Несогласованные изменения в водопользовании в одних странах неизбежно сказываются на интересах других. Взаимные неурегулированные претензии сохраняются, при этом нерешенность проблемы совместного взаимовыгодного управления водно-энергетическими ресурсами региона, наносит экономический ущерб всем центральноазиатским государствам.

Встав на рельсы капитализма, участники деления водно-энергетических ресурсов, начали выстраивать рыночные схемы взаиморасчетов за их потребление. Поставки воды за газ и электричество, и наоборот, каждая из республик ЦА пытается рассчитать в денежном эквиваленте. Но если цены на топливно-энергетические ресурсы поддаются оценке, то трансграничные воды оценить в деньгах крайне сложно (практически невозможно), вследствие чего все попытки договориться об их прямой оплате проваливаются. Кроме того, не учитываются косвенные потери, связанные с устранением последствий из-за нарушения доступа к водно-энергетическим ресурсам.

Российские эксперты (Гусев 2013; Жильцов 2016; Ибатуллин, Ясинский, Мироненков 2009) видят выход из такой трудноразрешимой ситуации в создании единой региональной водно-энергетической системы, учитывающей интересы всех стран ЦА. Предлагаемые ими проекты интегрированного управления водными ресурсами в странах бассейна Аральского моря, в ко-

Наиболее острый конфликт возник у Узбекистана с Таджикистаном по вопросу строительства крупнейшей в регионе Рогунской ГЭС. Душанбе надеется, что она позволит решить проблему энергетической безопасности и экономической отсталости. Ташкент, в свою очередь, обеспокоен, что слишком высокая плотина Рогунского водохранилища дает возможность контролировать сток воды, поступающей на узбекскую территорию, что угрожает водной и продовольственной безопасности страны. К тому же возведение Рогунской ГЭС вызывает серьезные опасения технологического и экологического характера. В правление президента Ислама Каримова с целью остановки строительства периодически отключались поставки в Таджикистан узбекского газа и устраивалась его транспортная блокада. (см. подробно: Борисова 2011: 93-106).

нечном итоге сводятся к использованию советского опыта. В них, в частности, республикам Центральной Азии рекомендуется заключить общерегиональное соглашение о совместном использовании водных и энергетических объектов и создать (возможно, в рамках СНГ–ЕАЭС) надгосударственный орган по координации взаимовыгодного водопотребления и комплексному управлению водно-энергетическими ресурсами региона. Он должен быть наделен правом выработки согласованной политики в использовании водно-энергетического потенциала с учетом совокупности выгод и потерь каждой из стран. При этом предусматривается создание Объединенной дирекции гидроэлектростанций Центральной Азии, под совместным управлением центральноазиатских стран, а в дальнейшем восстановление единого электроэнергетического кольца. Также, сохраняя функции МКВК по управлению водой, имеет смысл учредить Международный водно-энергетический консорциум. МВЭК должен стать финансовым и страховым механизмом, который поможет повысить эффективность использования водно-энергетических ресурсов бассейнов рек Сырдарьи и Амударьи. Вместо безуспешных попыток прямого сопоставления ценовых параметров на поставляемые водные и энергетические ресурсы государствам Центральной Азии рекомендуется сосредоточиться на определении совместного баланса по их управлению. В его основе должен быть заложен расчет потребностей в них каждой из стран, а экономические потери при использовании водных и энергетических ресурсов должны восполняться за счет разработанных норм взаимной компенсации, что, по сути, представляет возврат к советской системе лимитированной подачи воды и системе компенсаций.

Реализация согласованных механизмов интегрированного управления водно-энергетическими ресурсами бассейна Аральского моря позволяет снять многие накопившиеся проблемы водodelения и эффективности водопользования. Достижение компромиссов между интересами государств верхнего и нижнего течения трансграничных рек отвечает интересам всех сторон, снимает напряженность в межгосударственных отношениях. В принципе, с этим в Центральной Азии согласны все. Вопрос состоит в том, способны ли центральноазиатские государства самостоятельно внедрить единую эффективную систему управления гидроэнергетикой и водными ресурсами? Скорее всего — нет. Этому препятствует накопившаяся за годы независимости инерция национально-государственного эгоизма — отстаивание собственных целей, при игнорировании интересов соседей и выгод от регионального сотрудничества. К тому же значительно утерян научно-технический потенциал, а огромные капиталовложения в модернизацию региональной системы управления водно-энергетическими ресурсами без существенной международной поддержки им осилить не удастся.

В Ташкенте это хорошо понимают и в первую очередь прилагают усилия по обеспечению собственной водной и продовольственной безопасности с учетом водного кризиса, который в будущем будет обостряться под влиянием климатического фактора. В отличие от соседей, Узбекистан всерьез взялся за внедрение технологий по адаптации к последствиям изменения климата, накапливает для этого собственные средства и преуспевает в привлечении международной научной и финансово-технической помощи. В последние годы ему удалось закрепить за собой лидерство среди государств ЦА в планировании и реализации проектов по рациональному использованию водных ресурсов. Важно, что они тесно взаимоувязаны с реформой в сельском хозяйстве, развитием промышленности и энергетики и, в целом, экологизацией экономики. Страна обладает реальными возможностями добиться в намеченные сроки (к 2030 г.) поставленных целей по совершенствованию управления водными ресурсами и их рациональному использованию.

По всей вероятности, создания единой системы управления водно-энергетическими ресурсами Центральной Азии в среднесрочной перспективе ожидать не следует. Такая структура требует глубокой экономической и политической интеграции, которая недостижима в обозримом будущем по объективным причинам — прежде всего специфики власти, экономик и национальных идеологий стран региона. К тому же все они очень настороженно относятся к идее тесного сотрудничества с Россией в предполагаемом интегрированном управлении водными и энергетическими ресурсами региона, что время от времени предлагается российскими экспертами.

В последние годы водохозяйственные взаимоотношения между странами региона улучшились, наблюдается положительная тенденция в решении проблемных ситуаций трансграничного водопользования. Узбекистану удастся решать часть текущих проблем со своими соседями в рамках двусторонних комиссий и рабочих групп по вопросам совместного водопользования. Тем не менее, как было отмечено выше, собственные усилия республики не решат проблему ее водной и, соответственно, продовольственной безопасности. Базовые сложности в удовлетворении спроса со стороны конкурирующих водопотребителей на поставки воды сохраняются. С целью их поэтапного преодоления на следующее десятилетие узбекской стороной предусматривается осуществление ряда мероприятий по развитию межгосударственного сотрудничества в сфере использования трансграничных водных ресурсов¹. Следует отметить, что речь идет не о подготовке создания единого надгосударственного органа управления водно-энергетическими ресурсами ЦА, а о разработке и применении принципов и механизмов интегрированного

¹ См. Приложение 2.

управления трансграничными реками, нахождении компромиссных решений водопользователями, расположенными выше и ниже по их течению. Активность Узбекистана в этом направлении в последнее время заметно возросла, и его позиции вероятно будут оказывать все более существенное влияние в вопросах деления трансграничных вод и их рационального использования.

Для социально-экономического развития республики решение проблем нарастающего водного кризиса на национальном и региональном уровнях имеет приоритетное значение. За последние десятилетия уровень водообеспеченности интенсивно развивающейся экономики снижается из-за сокращения стока в основных реках и истощения подземных водоносных горизонтов. Ускоренно сокращается обеспеченность водой в расчете на душу населения. Ситуация с нехваткой воды усугубляется высоким уровнем естественного прироста населения и укрупнением городов. Усиливающийся водный дефицит объясняется не только расточительным использованием воды и проблемами трансграничного вододеления, но и во многом влиянием климатических изменений. По данным Минводхоза республики, оценки, выполненные с помощью глобальных климатических моделей, показывают, что, дальнейшее изменение климата еще больше обострит дефицит воды в Узбекистане, приведет к увеличению частоты и продолжительности засух, как это наблюдалось в 2000, 2008, 2011, 2014 и 2018 гг. В засушливые годы обеспечение потребности экономики в водных ресурсах может приобрести критический для страны характер. Предполагается, что сокращение водообеспеченности на 10-20% может иметь серьезные последствия для размеров орошаемых площадей и занятого населения, приведет к уменьшению валового национального дохода¹. Наибольший урон в связи с прогнозируемым сокращением водных ресурсов может понести сельское хозяйство, что напрямую угрожает продовольственной безопасности страны.

Быстрое изменение глобального климата — это неизбежность, это всерьез и надолго. Центральная Азия относится к наиболее уязвимым регионам мира в условиях меняющихся климатических воздействий, а бассейн Аральского моря является одним из самых сложных водоразделов в мире. Местные социально-экономические системы сильно зависимы от наличия необходимых водных ресурсов. В то же время с ростом населения, развитием промышленности и сельского хозяйства спрос на воду увеличивается. При этом сценарии, основанные на различных климатических моделях глобального потепления, доказывают, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе увеличения водности рек центральноазиатского региона не предвидится.

¹ Концепция развития водного хозяйства на 2020-2030 гг. // Министерство водного хозяйства Республики Узбекистан. 12.02.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.water.gov.uz/ru/posts/1545735855/396/> (дата обращения 05.12.2020).

Напротив, повышение температуры и изменения в характере осадков будут вести к изменениям в гидрологическом режиме и сокращению водных ресурсов. В первую очередь это связано с уменьшением снежных и ледниковых запасов в горах, питающих реки Центральной Азии. Соответственно, без выработки общей водной политики центральноазиатские государства ждут серьезные испытания, возможно вплоть до тяжелых социальных потрясений, серьезных внутренних и межгосударственных конфликтов.

Вопрос о едином комплексном управлении водными ресурсами региона остается открытым. Тем временем Узбекистан первым в регионе приступил к реформе водного хозяйства с учетом разнообразного набора адаптационных мер к последствиям изменения климата. Водосберегающие технологии в различных отраслях экономики, прежде всего, в орошаемом земледелии, несомненно, помогут в адаптации республики к грядущим климатическим изменениям. Но это лишь тактика отдельной страны при отсутствии общей региональной стратегии. Учитывая факторы неопределенности, связанные с изменчивостью климата и региональной интеграцией в среднесрочной и долгосрочной перспективе, сейчас сложно дать ответ насколько Узбекистану удастся решить проблему водообеспеченности в будущем.

Приложение 1

Результаты, ожидаемые от реализации «Концепции развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030 гг.»¹

В результате реализации «Концепции...» ожидается достижение до 2030 г. следующих основных целей:

- принятие в 2023 г. Водного кодекса Республики Узбекистан;
- достижение Республикой Узбекистан Целей устойчивого развития, связанных с водой, до 2030 г.;
- внедрение новой системы лимитов водозабора воды для орошения, отвечающей принципам эффективного и рационального использования воды;

¹ Основные целевые показатели и результаты приводятся с сокращениями. Полностью они изложены в Приложении № 1 к «Концепции развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030 гг.» и «Дорожной карте» по реализации в 2020–2022 гг. задач, определенных в «Концепции...» (см. подробно: К Указу Президента Республики Узбекистан от 10 июля 2020 г. № УП-6024 // Национальная база данных законодательства при Министерстве Юстиции Республики Узбекистан. 11.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/4892946/> (дата обращения 12.11.2020)).

- повышение коэффициента полезного действия систем ирригации и оросительных сетей с 0,63 до 0,73, а также продуктивности воды путем внедрения водосберегающих технологий орошения в сельское хозяйство и сокращения на 20% объема воды, подаваемого на каждый гектар орошаемой площади;
- уменьшение с 560 тыс. га до 190 тыс. га орошаемых площадей с низким уровнем водообеспечения;
- модернизация системы ирригации и увеличение доли каналов с бетонным покрытием с 34% до 46%;
- замена на современные энергосберегающие 1 750 насосных агрегатов и 2 100 электродвигателей насосных станций;
- уменьшение годового потребления электроэнергии насосными станциями системы Министерства водного хозяйства с 8,0 млрд кВт·ч до 7,0 млрд кВт·ч в 2025 г. и до 6,0 млрд кВт·ч в 2030 г.;
- доведение внедрения водосберегающих технологий в орошении сельскохозяйственных культур с 175 тыс. га до 1 млн га до 2025 г., к 2030 г. — до 2 млн га, в том числе технологии капельного орошения с 77,4 тыс. до 300 тыс. га до 2025 г., к 2030 г. — до 600 тыс. га;
- сокращение засоленных площадей с 1 948 тыс. га до 1 722 тыс. га, земель со средней и высокой засоленностью с 607 тыс. га до 430 тыс. га;
- уменьшение орошаемых земельных площадей с критическим уровнем грунтовых вод (0-2 м) с 1 051 тыс. га до 773 тыс. га;
- введение к 2025 г. в сельскохозяйственный оборот 298,5 тыс. га орошаемых земель, выведенных из оборота;
- увеличение количества объектов водного хозяйства, в которых внедрена система измерения воды на основе информационно-коммуникационных и цифровых технологий «Smart Water» («Умная вода») в 2020 г. с 61 до 151, в 2024 г. — до 18 576 (100%)¹;
- перевод на автоматизированное управление на основе цифровых технологий процессов управления водой 100 крупных водохозяйственных объектов;
- реализация в водном хозяйстве в 2020 г. 5 проектов, до 2025 г. — 25 проектов, до 2030 г. — 50 проектов на основе принципов государственно-частного партнерства;

¹ Технологии «Smart Water» позволяют непрерывно с помощью взаимодействующих датчиков и счетчиков контролировать процессы, протекающие в объектах водоснабжения: оросительных сетях, водосборных и очистных сооружениях, насосных станциях, трубопроводах, канализации и т.д., и диагностировать проблемы распределения воды. Эта интеллектуальная автоматизированная система способна находить места перерасхода, утечки и загрязнения воды, собирать, хранить большое количество данных, строить аналитические модели, делать прогнозы и прочее, что способствует повышению эффективности управления водными ресурсами.

- обеспечение покрытия расходов на доставку воды для орошения водопотребителями к 2025 г. минимум на 15%, к 2030 г. — до 30%;
- достижение уровня стандартов качества воды, установленных в национальном законодательстве и обязательствах республики по достижению экологической стабильности;
- принятие мер по сохранению природных водных ресурсов и водозависимых экосистем, в том числе стабильному обеспечению водными ресурсами региона Приаралья;
- создание системы сохранения и организации стабильного использования стратегических резервов подземных вод, прежде всего пригодных для водопотребления, путем достижения интегрированного управления поверхностными, подземными и возвратными водами.

Приложение 2

Развитие межгосударственных отношений по вопросам использования трансграничных водных ресурсов. «Концепция развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030 гг.»¹

Для совершенствования и дальнейшего развития межгосударственного сотрудничества в сфере использования трансграничных водных ресурсов региона предусматривается осуществление следующих мероприятий:

- продолжение активного сотрудничества Республики Узбекистан со странами бассейна Аральского моря и региональными межгосударственными водохозяйственными организациями по вопросам совместного использования водных ресурсов и межгосударственных водохозяйственных объектов региона;
- разработка и продвижение взаимоприемлемых механизмов по совместному управлению трансграничными водными ресурсами региона, которые обеспечат баланс между интересами стран Центральной Азии;
- продвижение норм и принципов конвенций ООН по трансграничным водам (1992 и 1997 гг.);
- совершенствование системы мониторинга Сырдарьи, Амударьи и других трансграничных рек, организация совместного контроля и ведения мониторинга воды, а также системы обмена открытыми данными;

¹ Концепция развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030 гг. № УП-6024 // Национальная база данных законодательства при Министерстве Юстиции Республики Узбекистан. 11.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/4892946/> (дата обращения 11.09.2020).

- продвижение выработки единой позиции государств региона по строительству крупных гидротехнических сооружений;
- изучение возможности участия в совместном финансировании водохозяйственных проектов со странами Центральной Азии с учетом интересов Узбекистана;
- разработка совместных планов по управлению региональными водными ресурсами и определение задач на перспективу, в том числе разработка мер по адаптации к изменению климата на региональном уровне и обмен опытом в сферах, представляющих взаимный интерес.

Источники и материалы

Второе национальное сообщение Кыргызской Республики по Рамочной Конвенции ООН об изменении климата // Государственное агентство по охране окружающей среды и лесному хозяйству при Правительстве Кыргызской Республики. Бишкек, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/natc/kyrnc2r.pdf/> (дата обращения 03.10.2020).

Второе национальное сообщение Республики Таджикистан по Рамочной Конвенции ООН об изменении климата // Государственное учреждение по гидрометеорологии Комитета охраны окружающей среды при Правительстве Республики Таджикистан. Душанбе, 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://meteo.tj/files/doc/SNC_rus.pdf/ (дата обращения 02.10.2020).

Концепция охраны окружающей среды Республики Узбекистан на период до 2030 г. // Портал обсуждения проектов нормативно-правовых актов. 15.06.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://regulation.gov.uz/ru/d/3920/> (дата обращения 18.10.2020).

Концепция развития водного хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030 гг. // Национальная база данных законодательства при Министерстве юстиции Республики Узбекистан. № 06/20/6024/1063. 11.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://lex.uz/docs/4892946/> (дата обращения 11.09.2020).

Стратегия развития сельского хозяйства Республики Узбекистан на 2020–2030 гг. // Все законодательство Узбекистана. 23.10.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://nrm.uz/contentf?doc=603844_&products=1_vse_zakonodatelstvo_uzbekistana/ (дата обращения 05.11.2020).

Третье национальное сообщение Республики Таджикистан по Рамочной Конвенции ООН об изменении климата. Душанбе, 2014.

Третье национальное сообщение Республики Узбекистан по Рамочной конвенции ООН об изменении климата. Ташкент, 2016.

Aizen, V., Aizen, E., Surazakov, A., Kuzmichenok, V., Khalsa, S., Nikitin, S. Climate and Snow/Glacier Water Resources Changes in Central Asia in the last 50

years based on remote sensed and in-situ data. NASA poster. 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://www.lcluc.umd.edu/sites/default/files/lcluc_documents/aizen_lcluc_apr2009_poster_0.pdf/ (дата обращения 03.12.2020).

Climate Change 2007: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Fourth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / ed. by M. L. Parry, O. F. Canziani, J. P. Palutikof, P. J. van der Linden and C. E. Hanson. Cambridge University Press, Cambridge, UK // МГЭИК. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar4/wg2/> (дата обращения 28.08.2020).

Climate Change 2014: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change / ed. by Core Writing Team, R. K. Pachauri and L. A. Meyer. IPCC, Geneva, Switzerland // МГЭИК. [Электронный ресурс] URL: <https://www.ipcc.ch/report/ar5/syr/> (дата обращения 10.08.2020).

The Global Climate in 2015–2019. WMO № 1249. World Meteorological Organization, 2020.

WMO Statement on the State of the Global Climate in 2019. WMO № 1248. World Meteorological Organization, 2020.

Научная литература

Борисова Е. А. Споры вокруг Рогунской ГЭС // История и современность. № 1. 2011. С. 93–106.

Гусев Л. Ю. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии и возможные пути их разрешения // Вестник МГИМО-Университета. № 6 (33). 2013. С. 35–41.

Жильцов С. С. Политика стран Центральной Азии: водно-энергетический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. № 3. 2016. С. 7–18.

Жолдошева Э., Ручевска И., Семерня Л., Даиров И., Кожрахметов П., Бариева А., Маскаев А., Митрофаненко Т., Алексеева Н. Адаптация к изменению климата в горных районах Центральной Азии. Серия обзоров по адаптации в горных районах, ООН — окружающая среда. ГРИД–Арендал, РГЦЦА. Найроби — Вена, 2017. — 127 с.

Ибатуллин С. Р., Ясинский В. А., Мироненков А. П. Влияние изменения климата на водные ресурсы в Центральной Азии. Отраслевой обзор. Евразийский банк развития, 2009. — 42 с.

Фарманов Т. Х., Юсупова Ф. М. Предложения по дальнейшему совершенствованию деятельности ассоциаций водопотребителей Узбекистана // Бюллетень науки и практики. Т. 4. № 7. 2018. С. 247–253.

Dr. Punkari M., Dr. Droogers P., Dr. Immerzeel W., Korhonen N., Lutz A., Dr. Venäläinen A. Climate Change and Sustainable Water Management in Central Asia.

FCG International: ADB Central and West Asia Working Paper Series. № 5. May 2014. Asian Development Bank, Manila. — 21 p.

Reyer Ch., Otto I.M., Adams S., Albrecht T. et al. Climate Change Impacts in Central Asia and their Implications for Development. International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank, 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/287505582_Climate_change_impacts_in_Central_Asia_and_their_implications_for_development/link/567908c108ae502c99d6db02/download/ (дата обращения 01.12.2020).

Savoskul O. S., Smakhtin V. Glacier Systems and Seasonal Snow Cover in Six Major Asian River Basins: Water Storage Properties under Changing Climate. IWMI Report 149, International Water Management Institute. Colombo, 2013. — 45 p.

References

Borisova, E. A. 2011. Spory vokrug Rogunskoy GES [Disputes over Rogun HPP]. In: *Istoriya i sovremennost' [History and modernity]*, № 1. P. 93–106.

Dr. Punkari, M., Dr. Droogers, P., Dr. Immerzeel, W., Korhonen, N., Lutz, A., Dr. Venäläinen, A. 2014. Climate Change and Sustainable Water Management in Central Asia. FCG International. ADB Central and West Asia Working Paper Series. № 5. Asian Development Bank, Manila. — 21 p.

Farmanov, T.Kh., Yusupova, F.M. 2018. Predlozheniya po dal'neyshemu sovershenstvovaniyu deyatelnosti assotsitsiy vodopotrebiteley Uzbekistana [Proposals for further improving the activities of water consumer associations in Uzbekistan]. In: *Byulleten' nauki i praktiki [Science and Practice Bulletin]*, vol. 4, № 7. C. 247–253.

Gusev, L. 2013. Vodno-energeticheskiye problemy Tsentral'noy Azii i vozmozhnyye puti ikh razresheniya [Water and Energy Problems of Central Asia and Possible Ways of their Solution]. In: *Vestnik MGIMO–Universiteta [Bulletin of MGIMO–University]* № 6 (33). P. 35–41.

Ibatullin, S., Yasinskiy, V., Mironenkov, A. 2009. Vliyanie izmeneniya klimata na vodnyye resursy v Tsentral'noy Azii [The Impact of Climate Change on Water Resources in Central Asia]. Otrazlevoy obzor. Yevraziyskiy bank razvitiya [Industry overview. Eurasian Development Bank]. — 42 p.

Reyer, C., Otto, I., Adams, S., Albrecht, T., et al. 2015. Climate Change Impacts in Central Asia and their Implications for Development. International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank. URL: https://www.researchgate.net/publication/287505582_Climate_change_impacts_in_Central_Asia_and_their_implications_for_development/link/567908c108ae502c99d6db02/download/ (assessed 01.12.2020).

Savoskul, O. S., Smakhtin, V. 2013. Glacier Systems and Seasonal Snow Cover in Six Major Asian River Basins: Water Storage Properties under Changing Climate.

IWMI Report 149, International Water Management Institute. — Colombo. — 45 p.

Zhiltsov, S. 2016. Politika stran Tsentral'noy Azii: vodno-energeticheskiy aspekt [Politics of Central Asian Countries: Water and Energy aspect]. In: *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science] № 3. P. 7–18.

Zholdosheva, E., Ruchevska, I., Semernya, L., Dairov I., Kozhakhmetov, P., Bariyeva, A., Maskayev, A., Mitrofanenko, T., Alekseyeva, N. 2017. Adaptatsiya k izmeneniyu klimata v gornykh rayonakh Tsentral'noy Azii [Adaptation to Climate Change in Mountainous Regions of Central Asia]. Seriya obzorov po adaptatsii v gornykh rayonakh [Mountain Adaptation Review Series]. UN — Environment. GRID–Arendal, RGCCA. Nairobi — Vienna. — 127 p.

Воробьев Александр Вячеславович

Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, Москва, Россия, vorobiov.09@yandex.ru

УЗБЕКИСТАН «ПОСЛЕ КАРИМОВА»: ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО КУРСА

Аннотация: Цель данной статьи — проследить эволюцию экономического курса Узбекистана и его связь с внешней политикой страны на современном этапе развития. Для более полного понимания картины событий дается детальная характеристика того, как складывался и развивался экономический курс страны в годы президентства Ислама Каримова. Затем раскрываются изменения, произошедшие после прихода к власти новой руководящей команды во главе с Шавкатом Мирзиёевым. В статье анализируются сделанные новым руководством шаги и их влияние на экономику и внешнюю политику; раскрываются трудности и вызовы, стоящие сегодня перед Ташкентом. Также в фокусе внимания статьи — внешнеполитическое измерение экономического курса властей, включая сотрудничество Узбекистана с Евразийским экономическим союзом, реализацию китайской инициативы «Один Пояс — Один Путь» и развитие экономического сотрудничества в Центральной Азии.

Ключевые слова: внешняя политика Узбекистана, Евразийский экономический союз, инициатива «Один Пояс — Один Путь», региональное сотрудничество, российско-узбекские отношения, экономическая интеграция, экономика Узбекистана, экономика стран Центральной Азии.

Для цитирования: Воробьев А. В. Узбекистан «после Каримова»: эволюция внешнеэкономического курса // Центральная Евразия. № 1 (5). М., 2021.

Alexander V. Vorobyev

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Center for Central Eurasian Studies, Moscow, Russia, vorobiov.09@yandex.ru

UZBEKISTAN AFTER KARIMOV: EVOLUTION OF EXTERNAL ECONOMIC STRATEGY

Abstract: In order to investigate the development of the Uzbek economy, the author studied the economic course of Uzbekistan and its projection on the country's foreign policy at the present stage. The article contains a detailed description of how the country's economic course developed during the years of Islam Karimov presidency. Then, the changes that occurred after the new leadership team headed by Shavkat Mirziyoyev came to power are analyzed. The author examines the steps of the new leadership and their impact on the economy and foreign policy, reveals difficulties and challenges faced by Tashkent today. The foreign policy dimension of the official economic course is also touched upon, including the following issues: cooperation between Uzbekistan and the Eurasian Economic Union, the implementation of the Chinese “Belt and Road Initiative” and regional economic cooperation in Central Asia.

Keywords: foreign policy of Uzbekistan, the Eurasian Economic Union, the Belt and Road Initiative, regional cooperation in Central Asia, Russia-Uzbekistan relations, economic integration, the economy of Uzbekistan.

For citation: Vorobyov, A.V. 2021. Uzbekistan «posle Karimova»: evolyutsiya vneshneekonomicheskogo kursa [Uzbekistan after Karimov: evolution of external economic strategy]. In: *Tsentral'naya Evraziya [Central Eurasian Studies]*, no. 1 (5). – (in Russ.).

Эпоха Каримова

После распада СССР единое политическое, экономическое и информационное пространство некогда огромной страны подверглось серьезному дроблению. В сфере экономики одни постсоветские страны пошли по пути либеральных рыночных реформ, экстренного создания рыночной экономики. В итоге в большинстве этих стран рыночные реформы были в целом осуществлены. Однако резкая перестройка экономической сферы вызвала серьезные проблемы в различных секторах экономики, привела к нарушению привычных экономических процессов и заметному напряжению в обществе. К началу 2000-х гг. экономическая трансформация по большей части завершилась: экономическая обстановка в целом улучшилась, общественная жизнь стабилизировалась (Воскресенский 2016: 167).

Однако ряд бывших республик СССР, в частности Белоруссия и Узбекистан, пошли по несколько иному пути. Они сделали решающую ставку на максимальное сохранение производственного комплекса, доставшегося им от советского времени. Власти этих стран сохранили ключевую роль за директивными и централизованными методами управления экономикой (Центральная Азия 1998: 43). Как показали первые два-три десятилетия независимого развития, выбор такого курса, даже несмотря на наличие определенных издержек, оказался во многом оправданным. Государствам, вставшим на данный путь развития экономики, удалось сохранить и приумножить доставшийся им в наследство от СССР потенциал. Косвенным подтверждением правильности выбранного пути является и то, что те постсоветские страны, которые в 1990-е гг. пошли по пути ультралиберальных рыночных реформ, в итоге оказались вынужденными корректировать свою позицию: им пришлось усиливать роль государства в экономике, повышать роль централизованного директивного планирования, накладывать больше ограничений на работу «невидимой руки рынка» (S. Batalden, S. K. Batalden 1997: 48).

В Узбекистане реализация экономического курса с высокой долей государственного регулирования связана с личностью первого президента страны Ислама Каримова, который после распада СССР консолидировал власть в стране, объединив вокруг себя узбекскую политическую номенклатуру и бывших «красных директоров», возглавлявших находившиеся на территории республики предприятия. С момента получения Узбекистаном независимости в 1991 г. Каримов последовательно проводил курс на всестороннюю поддержку национального производителя, с преимущественной опорой на внутреннее потребление. Для эффективной реализации такого курса Ташкент осуществлял достаточно отчетливо выраженную политику протекционизма: доступ на рынок Узбекистана иностранных фирм, которые могли бы составить серьезную

конкуренцию национальным производителям, привел бы к подрыву усилий государства по стимулированию внутреннего производства (Kazemi 2003: 157).

Такая экономическая политика позволила властям Узбекистана решить целый комплекс задач, как экономических, так и политических. Был сохранен оставшийся со времен СССР промышленный костяк, налажено производство товаров народного потребления внутри республики (зачастую при помощи иностранных партнеров); сохранился и получил развитие агропромышленный комплекс. За период с 1991 по 2015 гг. объем производимой в республике сельскохозяйственной продукции удвоился. Темп прироста аграрного сектора страны достигал 6-7% в год¹.

Основным экспортным товаром республики стал не хлопок, а энергоносители. Доля «белого золота» в узбекском экспорте сократилась с 60% до 8%. Прежде всего, это было связано с тем, что внутри самого Узбекистана за эти годы были построены мощности по переработке хлопка. С энергоносителями наблюдалась противоположная ситуация. Вследствие разработки новых и модернизации уже функционирующих месторождений прирост добычи природного газа составил 60% за первые два десятилетия независимости. К 2015 г. Узбекистан вышел на 11-е место в мире по добыче природного газа². К этому времени четверть всего экспорта Узбекистана составляли углеводороды. За ними почти с двукратным отрывом шло продовольствие, а следом — продукция черной и цветной металлургии.

Согласно данным Всемирного банка, средневзвешенный ежегодный рост ВВП Узбекистана с 1990 по 2015 гг. составил 4,3%. Валютная выручка республики увеличивалась за счет роста экспорта энергоносителей и золота. После завершения периода гиперинфляции, наблюдавшейся в Узбекистане с 1991 по 1995 гг., показатель инфляции в республике поступательно сокращался. Он достиг 8,7% к 2015 г. По меркам развитых стран это достаточно высокий показатель, однако для развивающегося молодого государства это был вполне приемлемый уровень, свидетельствующий об определенной стабильности. Безработица в стране была достаточно высокой: на протяжении 25 лет она держалась на уровне 10,5-11% в год³. В значительной степени избыток рудовых ресурсов компенсировался за счет оттока узбекских рабочих на заработки в Россию, другие страны СНГ, Турцию и Южную Корею.

¹ The World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=UZ/> (дата обращения 20.12.2019).

² CIA World Factbook. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/uz.html/> (дата обращения 20.12.2019).

³ Безработица в Узбекистане: в каких регионах ситуация хуже всего // Sputniknews. 01.02.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/infographics/20190201/10696577/Bezrobotitsa-v-Uzbekistane-v-kakikh-regionakh-situatsiya-khuzhe-vsego.html/> (дата обращения 22.10.2019).

За период с 1990 по 2015 гг. ВВП Узбекистана на душу населения вырос более чем в три раза. Если в начале 1990-х гг. он составлял 651 долл., то к середине второго десятилетия XXI в. достиг 2132 долл.; это тоже достаточно скромный показатель, но прогресс очевиден. Примечательно, что доля импорта в Узбекистан также снизилась за годы правления Каримова с почти 50% до 22%¹.

Что касается общественно-политических процессов, то власти, сохранив в своих руках контроль над экономическими процессами, сумели обеспечить пусть и не самую «сытую» экономическую стабильность и сохранить спокойствие в обществе. Это особо ценно на фоне того, что население Узбекистана за два с половиной десятилетия независимости увеличилось на 50%. Если на момент распада СССР численность населения республики составляла 21 млн человек, то к 2015 г. этот показатель, согласно исследованию Всемирного банка, превысил отметку в 30 млн. В Узбекистане удалось также избежать фронды со стороны экономических «баронов» (олигархов), что стало распространенным явлением в других странах бывшего СССР: России, Украине, Молдавии, Грузии.

Однако у выбранного экономического курса были и свои издержки. Умеренный изоляционизм Ташкента, протекционистские меры, сильное государственное регулирование ограничивали возможности роста экономики. Они замедляли приток инвестиций в страну, затрудняли, а подчас и делали вовсе невозможной для широкого круга небольших компаний экономическую кооперацию с зарубежными партнерами, в том числе в сфере обмена управленческим опытом, технологиями, денежными ресурсами. В определенном смысле такой подход консервировал экономическую и технологическую отсталость там, где она уже имела место.

Экономическая политика Ташкента в тот период не позволяла стране зарабатывать на собственном экспортном потенциале. Узбекский экспорт за первые 25 лет независимости не только не вырос, а напротив, сократился. Конечно же, нельзя не признать, что внутренний рынок Узбекистана является достаточно крупным: население около 30 млн человек, растущие производства, строящаяся инфраструктура. Однако назвать емким внутренний рынок Узбекистана все же было сложно. Население страны в подавляющем большинстве было достаточно бедным; кроме того, потенциал внутреннего рынка не мог сравниться с потенциалом внешних рынков. Население России составляло в 1990-2000-е гг. около 150 млн человек, а совокупное население стран бывшего СССР — самого очевидного потенциального рынка сбыта для узбекских экспортеров, превышало 250 млн человек.

¹ Внешняя торговля республики Узбекистан // Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.uz/ru/ofitsialnaya-statistika/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost-i-torgovlya/vneshneekonomicheskaya-deyatelnost/2349-vneshnyaya-torgovlya-respubliki-uzbekistan/> (дата обращения 22.10.2019).

Страна также испытывала проблемы с привлечением иностранных инвестиций. В международном рейтинге “Doing Business” Узбекистан на протяжении первых 25 лет независимости находился в нижней части списка (в 2014 г. Узбекистан занимал 149-е место, в то время как Казахстан находился на 77-м месте, а Киргизия — на 102-м, что тоже было весьма удручающим показателем)¹.

Иностранные инвесторы порою сталкивались в Узбекистане с серьезными проблемами. Так, после известных беспорядков в Андижане в 2005 г. под давлением властей свернули свою работу в республике американская компания “Newmont Mining” и британская “Oxus Gold”. Эти корпорации в 1990-2000-х гг. активно занимались разработкой золотых месторождений в Узбекистане. Власти республики национализировали имущество вышеназванных компаний в 2005 г.

Российские компании также не смогли избежать проблем с властями Узбекистана. В 2010 г. был национализирован молокоперерабатывающий завод «Вимм-Билль-Данн», а его руководство обвинили в совершении налоговых преступлений на территории Узбекистана. В 2012 г. в республике запретили работу оператора связи «Уздунробита» (дочерняя фирма российского оператора связи МТС).

Таким образом, социально-экономический курс властей Узбекистана в годы президентства Каримова был достаточно сложным и противоречивым. Он сочетал в себе как позитивные практики и достижения, так и менее рациональные шаги. Несмотря на определенные недочеты в социальной и экономической политике, главным достижением того периода можно считать то, что избранный курс позволил стране не только сохранить, но и приумножить собственный экономический потенциал, уберечься от серьезных экономических потрясений и сохранить стабильность в обществе. Однако одновременно данный курс сдерживал возможности роста узбекской экономики.

Ветер перемен

В сентябре 2016 г. на политической сцене Узбекистана произошли тектонические изменения. На смену И. Каримову, руководившему Узбекистаном на протяжении двух с половиной десятилетий, пришел новый лидер — Шавкат Миромонович Мирзиёев, занимавший в годы президентства Каримова должность премьер-министра республики. В декабре 2016 г. в Узбекистане состоялись президентские выборы, по итогам которых Мирзиёев избавился от приставки «исполняющий обязанности» и стал полноценным главой государства. Таким образом завершилась основная часть транзита власти, первого в истории независимого Узбекистана.

¹ Doing Business. 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doingbusiness.org/en/reports/global-reports/doing-business-2014/> (дата обращения 22.10.2019).

Возглавив республику, Мирзиёев провозгласил курс на экономическую и политическую модернизацию страны, обновление Узбекистана. При этом новый национальный лидер отдал должное заслугам своего предшественника. Внутренняя и внешняя политика Узбекистана сохранила немало прежних черт, однако мейнстримом все же стали изменения. Они, в первую очередь, коснулись наиболее консервативных черт в экономической политике государства. Практически сразу после прихода к власти Мирзиёева в Узбекистане началась плавная либерализация таможенно-тарифной политики страны. В предшествующие десятилетия в Узбекистане сложилась практика жесткой защиты национального производителя. Опираясь на акцизную политику, Ташкент защищал внутренний рынок от ввоза в республику более чем трех тысяч наименований различных товаров.

В период с 2016 по 2019 гг. акцизы и таможенные пошлины неоднократно подвергались ревизии. К настоящему моменту ставки импортных таможенных пошлин снижены почти по 3,5 тыс. товарных позиций. Эта же судьба коснулась и акцизов. В итоге для двух третей импортируемых в Узбекистан товаров была установлена нулевая ставка таможенной пошлины¹. Эти меры способствовали резкому оживлению торгово-экономических связей Узбекистана, в первую очередь с соседними Казахстаном и Киргизией, а также с Россией, Белоруссией и другими государствами СНГ.

Без преувеличения очень важным решением властей стало введение свободной конвертации узбекской национальной валюты (2017 г.). До этого момента в республике существовал официальный курс валюты и активно функционировал «черный рынок», где можно было обменять суммы на доллары по рыночному курсу. Компании, работающие в Узбекистане, были лишены возможности конвертировать полученную в сумах прибыль в доллары и другие валюты. Такая процедура разрешалась только по специальному согласованию с соответствующим органом исполнительной власти. Подобные ограничения вели к росту коррупции среди чиновников.

Новое руководство республики внедрило нормы, согласно которым банки получили право приобретать валюту у физических и юридических лиц. Введение свободной конвертации узбекского сума способствовало открытию узбекской экономики и оживлению внешнеэкономических связей.

Еще одним весьма важным шагом властей Узбекистана стало решение коренным образом реформировать систему получения статистической информации. Начиная с 2018 г. Ташкент стал применять систему распространения статистических данных по стандартам и методике, практикуемым Между-

¹ Десять главных изменений в Узбекистане за время президентства Шавката Мирзиёева // Informburo.kz. 08.02.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://informburo.kz/stati/10-glavnyh-izmeneniy-v-uzbekistane-za-vremya-prezidentstva-shavkata-mirziyoeva.html/> (дата обращения 22.10.2019).

народным валютным фондом. Результатом стало повышение доверия западных институциональных инвесторов к экономической системе Узбекистана. Вскоре Ташкент при содействии российского Газпромбанка выпустил партию дебютных еврооблигаций со сроком погашения в 2024 и 2029 гг. Долговые ценные бумаги были достаточно быстро раскуплены инвесторами, преимущественно из США и Великобритании¹.

Экономика и внешняя политика

Изменения коснулись не только регулирования экономики, но затронули и внешнюю политику Ташкента. Значительно возросло внимание властей Узбекистана к центральноазиатской повестке и укреплению взаимодействия с ближайшими соседями: Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном и Туркменистаном. Показательным в этом отношении стало то, что первыми шагами президента Мирзиёева на внешнеполитической арене стали визиты в Туркменистан и Казахстан, а не в Россию, Китай или США. Ташкент предложил создать Ассоциацию глав регионов государств Центральной Азии.

Отличительной чертой внешнеполитического курса Мирзиёева стало улучшение отношений с Западом, работа над имиджем Узбекистана на Западе. Это делалось при сохранении конструктивных и интенсивных связей с Москвой и Пекином. В Узбекистане возобновил работу Европейский банк реконструкции и развития, активизировались усилия по вступлению республики в ВТО. Состоявшиеся в декабре 2019 г. парламентские выборы прошли по новому избирательному законодательству и привлекли рекордное количество международных наблюдателей. Эти и другие шаги объективно способствуют укреплению имиджа Узбекистана, улучшению инвестиционной привлекательности страны².

Было бы неправильно сводить все изменения в экономическом курсе и внешней политике Ташкента только лишь к личностному фактору и смене национального лидера. Ряд объективных внутренних и внешних факторов также поспособствовали изменениям. В 2015-2016 гг. стало заметным серьезное падение цен на сырьевые товары (включая природный газ и золото), которые являлись важными статьями экспорта для республики. Кроме того,

¹ Узбекистан впервые в истории разместил евробонды // РБК. 14.02.2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/finances/14/02/2019/5c655ee69a7947351ac40f62/> (дата обращения 22.10.2019).

² Выборы в Узбекистане содействуют улучшению экономического имиджа страны // Sputniknews. 23.12.2019. [Электронный ресурс]. URL: https://m.uz.sputniknews.ru/politics/20191223/13091608/Vybory-v-Uzbekistane-sodeystvuyut-uluchsheniye-ekonomicheskogo-imidzha-strany—ekspert.html?fbclid=IwAR0BLksf0sg9REwVXliMUj-r_h3s4QFOim9-rT5fZ-amrnigD9dSuLirltg/ (дата обращения 24.12.2019).

вследствие падения сырьевых цен, а также геополитических шоков в тот же период произошло замедление темпов экономического роста в России и Китае, а ведь Москва и Пекин традиционно являются важными экономическими партнерами Ташкента.

Следующей важной вехой стало то, что в 2015 г. начал свою работу Евразийский экономический союз. Заработавший в полную силу ЕАЭС фактически разделил Центральную Азию на два лагеря. Одна часть стран — Казахстан и Киргизия, стали членами ЕАЭС, а другие государства региона предпочли остаться вне рамок экономического союза.

Данный фактор «разделения региона» оказал негативное влияние на состояние отдельных секторов узбекской экономики из-за появившихся административных преград. Так, в 2016 г. экспорт автомобилей из Узбекистана российским и казахстанским потребителям резко сжался по сравнению с предыдущими годами¹. Таким образом, Ташкент оказался перед необходимостью делать выбор в пользу сближения с государствами — участниками ЕАЭС, либо двигаться в сторону большей обособленности. С приходом к власти нового руководства и отказом Ташкента от ставшей типичной для страны за два с лишним десятилетия политики изоляционизма, в республике начала разворачиваться дискуссия о возможном вступлении Узбекистана в ЕАЭС и последствиях данного шага. Если поначалу обсуждение шло лишь в закрытых экспертных кругах, то в 2019 г. вопрос о членстве Узбекистана в ЕАЭС стал актуальным и для населения страны. Это было связано прежде всего с тем, что Ташкент начал реальную проработку перспектив вступления в это экономическое объединение.

Основная выгода от вступления в ЕАЭС для Ташкента заключается в том, что Узбекистан сможет получить практически беспрепятственный доступ на рынок России и других стран союза. Емкость этого рынка составляет около 185 млн человек. К тому же Узбекистану есть, что предложить своим партнерам по СНГ: это автомобили, текстиль, агропромышленная, нефтехимическая продукция; товары повседневного спроса. Подключение к работе ЕАЭС сулит Ташкенту большие объемы поддержки со стороны Москвы².

Однако членство в любом союзе налагает на участника и определенные обязательства. Евразийский экономический союз не является исключением. Участие в функционировании ЕАЭС частично лишит Ташкент экономической

¹ Воробьев А. В. Ташкент набирает обороты // Дипкурьер. 25.12.2017. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/courier/2017-12-25/11_7143_tashkent.html/ (дата обращения 22.10.2019).

² Воробьев А. В. Курс России в Центральной Азии: между Ташкентом и Астаной // РСМД. 08.11.2018. [Электронный ресурс]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/kurs-rossii-v-tsentrальной-azii-mezhdu-tashkentom-i-astanoy/?sphrase_id=33607606/ (дата обращения 22.10.2019).

независимости. Кроме того, сама процедура подключения к работе организации потребует значительной перестройки законодательства республики в соответствии с нормами ЕАЭС. Переходный период станет в некоторой степени шоком для узбекского бизнеса¹.

Таким образом, сегодня Ташкент стоит перед сложной дилеммой, которая усугубляется тем, что узбекское общество и элиты за два с половиной десятилетия руководства страной Каримовым привыкли к определенному изоляционизму и экономической автаркии. Вероятно, оптимальным для властей Узбекистана будет скрупулезное взвешивание всех за и против, детальный анализ выгод вхождения в ЕАЭС с помощью эконометрических методов.

Наконец, практически одновременно с формированием Евразийского экономического союза, в 2013-2014 гг. свою активность в Центральной Азии начал наращивать Китай. Пекин запустил собственную интеграционную инициативу «Один Пояс — Один Путь». Узбекистан как наиболее крупное по численности и обладающее диверсифицированной экономикой государство стал активно взаимодействовать с Китаем. Примечательно, что если раньше главным государством-партнером КНР в регионе был Казахстан, то теперь, после смены руководства Узбекистана и роста экономического потенциала республики, Ташкентом все активнее стал интересоваться Пекин².

Несмотря на значительные успехи Узбекистана в последние годы, которые стали логическим развитием основ стабильности, заложенных при Каримове, в стране сохраняется значительное количество нерешенных проблем. Промышленность испытывает насущную потребность в серьезной модернизации. Доля сельского хозяйства в экономике сократилась, но почти половина населения республики по-прежнему работает в аграрном секторе. В ближайшем будущем руководству республики нужно будет решить непростую по сложности задачу, а именно трудоустроить значительную массу населения по мере того, как в Узбекистане будет набирать силу процесс урбанизации. Властям также нужно будет более активно заниматься усилением прозрачности в работе органов власти, борьбой с коррупцией; усиливать правовые основы хозяйственной деятельности, защищать права предпринимателей и инвесторов; вкладывать больше средств в развитие образования и переквалификацию кадров.

¹ Путин рассчитывает на расширение базы взаимодействия России и Узбекистана // ТАСС. 19.10.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5694277/> (дата обращения 22.10.2019).

² Визит Мирзиёева в Китай: стороны подпишут 100 договоров на \$20 млрд // Sputniknews. 10.05.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://uz.sputniknews.ru/politics/20170510/5370915/Uzbekistan-KNR-Mirzиеv-vizit-kontrakty.html/> (дата обращения 22.10.2019).

Научная литература

Воскресенский А. Д. Практика зарубежного регионоведения и мировой политики. М.: Инфра-М., 2016. — 560 с.

Центральная Азия: новые тенденции в экономике. М.: Восточная литература, 1998. — 173 с.

Batalden S., Batalden S. K. The Newly Independent States of Eurasia: Handbook of Former Soviet Republics. Oryx Press, 1997 (2nd edition). — 230 с.

Kazemi L. Domestic Sources of Uzbekistan's Foreign Policy, 1991 to the Present (the Andrew Wellington Cordier Essay) // Journal of International Affairs. 2003. Vol. 56, № 2.

References

Batalden, S., Batalden, S. K. 1997. The Newly Independent States of Eurasia: Handbook of Former Soviet Republics. Oryx Press (2nd edition). — 230 p.

Kazemi, L. 2003. Domestic Sources of Uzbekistan's Foreign Policy, 1991 to the Present (the Andrew Wellington Cordier Essay). In: *Journal of International Affairs*. 56 (2).

Tsentrlnaya Asia: novye tendentsii v ekonomike [Central Asia: the New Trends in the Economy]. 1998. Moscow: Vostochnaya literatura. — 173 p.

Voskresensky, A.D. 2016. Praktika zarubezhnogo regionovedeniya i mirovoy politiki [The Practice of Foreign Regional Studies and World Policy]. Moscow: Infra-M. — 560 p.

Хутуашвили Хатия Отаровна

Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, Москва, Россия, kate2102@list.ru

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В ГРУЗИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ВЫЗОВЫ

Аннотация: В данной статье рассматриваются вызовы, связанные с современной языковой политикой в Грузии, законодательно утвержденные положения, принимаемые в этой связи меры, причины сложившейся ситуации и ее возможные последствия. Особое внимание уделено статусу русского языка в исторической ретроспективе и на сегодняшний день. Рассмотрены также проблемы, которые предполагается решить, используя рычаги языковой политики, в частности, положение этнических меньшинств в стране.

Ключевые слова: языковая политика, грузинский язык, Грузия, русский язык, азербайджанцы, армяне, абхазы.

Для цитирования: Хутуашвили Х. О. Языковая политика в Грузии: предпосылки и вызовы // Центральная Евразия. № 1 (5). М., 2021.

Khatiya O. Khutuashvili

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Center for Central Eurasian Studies, Moscow, Russiakate2102@list.ru

LANGUAGE POLICIES IN GEORGIA: CHALLENGES AND REASONS

Abstract: This article deals the challenges of modern language policies in Georgia, legislative frameworks, measures, the reasons for the current situation and possible consequences. Particular attention is paid to the role of the Russian language in historical retrospective and today. Studied the problems that need to be solved by language policies, in particular, the situation of ethnic minorities.

Keywords: languages of policies, Georgian language, Georgia, Russian language, Azerbaijanis, Armenians, Abkhazians.

For citation: Khutuashvili, Kh.O. 2021. Yazykovaya politika v Gruzii: predposylki i vyzovy [Language policies in Georgia: challenges and reasons]. In: *Tsentr'naya Evraziya [Central Eurasian Studies]*, no. 1 (5). – (in Russ.).

В Грузии, как и во многих других странах постсоветского пространства, исторически проживали различные этнические группы, говорящие на своих языках. Если ранее языковая ситуация не нуждалась в каких-либо особенных регуляциях, то в XXI в. ее регулирование стало не просто желательным, а необходимым для Грузии.

Цель статьи — рассмотреть языковую ситуацию в Грузии и проанализировать влияние на нее проводимой сейчас политики, а также выделить проблемы, с которыми здесь сталкиваются этнические меньшинства.

Языковая политика включает в себя регуляцию функционирования языка или языков в стране, будь то региональные диалекты, языки этнических меньшинств или сам язык этнического «большинства». Она предполагает присвоение статуса государственного языка, выбор системы письма, языка образования, телерадиовещания и т. д. Именно языковая политика играет огромную роль в преобразовании полиэтнического общества в политическую нацию. Для успешной и полной интеграции проживающих на территории той или иной страны представителей этнических меньшинств необходимо применять такие меры, которые будут способствовать усилению общей идентификации и превращению разрозненных групп в сообщество граждан одного государства.

На сегодняшний день для Грузии актуальна проблема межэтнического взаимодействия. Языковой барьер создает серьезную проблему, т. к. этнические меньшинства, не владеющие грузинским языком, не могут полноценно участвовать в политической и общественной жизни, а это одно из основополагающих прав граждан любого государства. Кроме того, языковой барьер усложняет доступ к получению информации различного характера. Разумная языковая политика призвана решить эти проблемы (Амиреджиби 2015). Но прежде, чем перейти к проблематике этнических меньшинств, следует проанализировать, с какими вызовами в сфере языковой политики сталкивались сами грузины во время смены политических систем в стране.

В Грузии государственным языком является, соответственно, грузинский, а в Абхазии — абхазский, это зафиксировано в ст. 8 Конституции Грузии. Отдельного закона, который регулирует положение этнических меньшинств, нет, но в ряде пунктов Конституции обозначены определенные права гражданина, на которые можно опираться при оценке языковой политики в стране. В частности, это ст. 14, которая определяет свободу и равенство всех граждан, вне зависимости от расы, цвета кожи, пола, религии, национальной и этнической принадлежности, социального статуса и т. д. Ее логическим продолжением является ст. 38 о равенстве всех граждан в социальной, экономической и культурной сферах, вне зависимости от этнической, национальной, религиозной и языковой принадлежности, что позволяет всем в равной степени, без

каких-либо форм дискриминации и вмешательства, развивать собственную культуру, использовать свой родной язык в частной и общественной жизни. Но при этом тут же отмечено, что все это не должно противоречить Конституции Грузии и угрожать территориальной целостности страны. В ст. 9 провозглашается свобода вероисповедания, но законом защищается только православие, а остальные религии не имеют в Грузии особого юридического статуса (см.: Конституция Грузии). В Законе об образовании в ст. 52 указано, что представители этнических меньшинств по квоте могут поступить в высшие учебные заведения страны, сдавая по одному экзамену (в то время как другие абитуриенты сдают четыре вступительных экзамена) (см.: Закон об образовании). Для представителей этнических меньшинств существует специальная подготовительная программа, речь о которой пойдет ниже.

Для защиты прав этнических меньшинств существует два особых органа. Первый — это Совет этнических меньшинств, созданный в 2005 г. Это консультативный орган, который, по сути, является платформой для взаимодействия между правительством и представителями этнических меньшинств. Второй орган — Религиозный совет Грузии, который отвечает за межрелигиозный диалог и религиозную свободу (Велон Матеу 2016).

Политические и экономические процессы, происходившие в Грузии в течение последних десятилетий, находили прямое отражение в государственной языковой политике. Интересны сами процессы перехода от одних мер к другим, и те последствия, к которым они привели на сегодняшний день.

Отметим, что отголоски некоторых манипуляций с языками, имевших место в советское время, мы видим и сейчас. Основной сегодняшний вызов для языковой политики берет свое начало в СССР. Советская власть планировала, как в Грузии, так и в других республиках, установить «гармоничное двуязычие» (Хаджишвили 2015: 2). В конце 1930-х гг. был взят курс на русификацию образовательных учреждений, в связи с чем Совет народных комиссаров принял постановление о постепенном переводе обучения на русский язык, изучение которого все еще было необязательным (Арефьев 2012: 36). В течение 20 лет количество русских школ значительно выросло. Так как русский язык был единым языком для всего советского пространства, а также языком науки и межкультурного общения, был необходим для профессиональной и социальной мобильности, родители стояли перед выбором: отдать ребенка в русскоязычную школу или в грузинскую. Зачастую выбор делали в пользу русскоязычных школ, чтобы обеспечить лучшее образование, окружение, статус и, соответственно, лучшее будущее ребенку. Увеличению доли школьников, получающих образование на русском языке, способствовало принятие в 1958 г. закона, согласно которому изучение национальных языков и обучение на них стало добровольным. В последующие

20 лет (1960-1980 гг.) было принято еще четыре постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР о расширении функционирования русского языка в национальных школах. К концу 1980-х гг. почти во всех средних общеобразовательных школах (98%) работали кабинеты русского языка и литературы (Арефьев 2012: 36).

Рассмотрим ситуацию в Абхазии, чтобы понять, что же привело к тому, что абхазский язык оказался на грани исчезновения. Языковая политика, которую проводила советская власть в Абхазии с конца 1930-х гг., была направлена на ассимиляцию абхазов. Вероятно, предполагалось, что существование малочисленных народов внутри Советского Союза не имеет смысла, для чего и был предпринят ряд шагов в сторону «размывания» абхазской идентичности внутри грузинской. Для этого по личной инициативе Лаврентия Берия в 1937 г. началось переселение грузин из Западной Грузии в первую очередь в Очамчирский, Гудаутский и Гагрский районы Абхазии (Сагария и др. 1991: 38-42). В период с 1939 по 1959 гг. численность грузин в этих районах выросла более чем в два раза.

Далее была осуществлена реорганизация абхазских школ. Поводом для этого была указана якобы плохая успеваемость и усвояемость материала детьми. В абхазских школах начальное образование давалось на абхазском языке, а с 5-го класса — на русском. Сложности при смене языков обучения и слабое владение русским языком неизбежно ухудшали успеваемость, несмотря даже на сокращенную и упрощенную программу. В связи с этим было принято решение перевести обучение на грузинский язык. Здесь же возникает вопрос, почему нельзя было перевести обучение на абхазский язык? Советская власть посчитала это нецелесообразным, т.к. большая часть населения владела грузинским языком, а «лексическое сходство грузинского и абхазского языков, единый алфавит диктовали целесообразность и необходимость перевода обучения в абхазских школах на грузинский язык» (Сагария и др. 1991: 38-42). База для этого была подготовлена заранее. Поэтому постановлением бюро Абхазского обкома КП(б) Грузии от 13 марта 1945 г. «О мероприятиях по улучшению качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР» был разработан план по переводу обучения на грузинский язык. Абхазский язык и литература должны были остаться обязательными предметами в программе (Сагария и др. 1991: 38-42).

Уже в 1953 г. абхазы в полной мере осознали опасность проводимой политики, и даже те, кто изначально выступал за реорганизацию школ и перевод обучения на грузинский язык, признали ошибочность таких действий, увидев здесь угрозу национальной самобытности (Сагария и др. 1991: 540-545). Кстати, грузинские ученые, присутствовавшие на заседаниях по рассмотрению вопроса о выборе алфавита для абхазского языка, подчеркивали консультативный характер своего участия (Гванцеладзе 2011).

В 1978 г. была предпринята попытка в ГССР на конституционном уровне упразднить приоритетный статус грузинского языка. Это было воспринято грузинским обществом крайне негативно. В это время активизировались национальное движение и процессы этнической самоидентификации. Тысячи студентов и представителей интеллигенции вышли на митинг протеста и добились сохранения статуса грузинского языка. Это событие стало Днем памяти — ежегодно 14 апреля в Грузии отмечается «День родного языка» (Маркозия 2015: 18).

С 1985 г. в республике снова начали открываться грузинские школы. На волне национального движения родители переводили детей в грузинские классы. Постепенно снизилась роль русского языка, частота его употребления и изучения. Но он был и остался языком межэтнической коммуникации и важным инструментом общественной мобилизации. На сегодняшний день одной из главных целей языковой политики в стране является превращение грузинского языка в такой же единый язык общения между всеми этническими меньшинствами, каким был русский язык в Советском Союзе, но только в масштабах Грузии. Т. к. был взят курс на Запад, вторым языком, необходимым для международного общения, стал английский.

С 2005 г. иностранный язык стал преподаваться в школах по выбору: русский или английский. А с 2010 г. первым иностранным языком стал английский, а выбор стал касаться только второго иностранного, который изучается с 5-го класса.

В 2010 г. были сокращены часы преподавания русского языка и литературы в школах. До этого времени в школах вместе с русским языком изучалась и русская литература. А в случае английского, немецкого и французского языков изучение литературы не предполагалось.

На сегодняшний день русский язык в значительной степени вытеснен из образовательной и культурной среды. Наряду с сокращением числа русских школ, с 2008 г. не ведется теле- и радиовещание на русском языке, хотя выпускаются некоторые газеты, например, «Русский клуб»¹. В Грузии работает единственный русскоязычный театр им. А. С. Грибоедова. Вся официальная сфера страны функционирует на грузинском и английском языках.

Переходя к проблемам языковой политики, касающимся этнических меньшинств, в первую очередь отметим, что последние составляют около одной восьмой части населения Грузии, по некоторым данным — одну шестую часть. Рассмотрим в этой связи положение азербайджанцев и армян. Большинство из них проживает компактно, поэтому здесь существует ряд проблем, которые необходимо решать путем принятия разумных мер, избегая

¹ Сайт Международного культурно-просветительского союза «Русский клуб». [Электронный ресурс]. URL: <http://russianclub.ge/content/view/22/47/> (дата обращения 18.10.2020).

негативных последствий. Целью языковой политики должно быть не подавление этнической идентичности, а создание комфортных условий для самоидентификации в комплексе с эффективной интеграцией. Для этого необходимо оптимизировать функционирование государственного языка. В случае с Грузией важно как поддерживать распространение грузинского языка, так и защищать права этнических меньшинств, создавая условия для сохранения и функционирования их родного языка. Здесь, в первую очередь, встают вопросы о возможности получения образования на родном языке и о качестве преподавания государственного языка. В начале 2000-х гг. правительство Грузии стало заниматься этой проблематикой, а точнее — проблемой обучения грузинскому языку в регионах проживания азербайджанцев и армян — Квемо Картли и Самцхе-Джавахети. Согласно официальным статистическим данным за 2014 г., численность азербайджанцев в Грузии — 233 014 чел., что составляет около 7% от всего населения Грузии. В регионе Квемо Картли их процентная доля — 41,75%, а в муниципалитете Марнеули — 83,77% (Разумов 2019).

К концу 2017/2018 учебного года число детей, обучающихся в Грузии на азербайджанском языке, составляло 15 150 чел. Отметим, что в советские времена в республике функционировали 183 азербайджанские школы, к 1999 г. их число сократилось до 167. В 2010 г. в Грузии было 124 азербайджанские школы, сегодня их осталось 80. Нехватка учителей может привести к закрытию школ (Джалил 2018). Тем не менее правительство Грузии летом 2020 г. профинансировало ремонтно-восстановительные работы в трех азербайджанских школах в Гардабани¹, и было объявлено о строительстве еще одной школы в селе Габал Лагодехского района, в котором на сегодняшний день функционирует только одна².

В этой сфере пока еще остается нерешенным вопрос с квалифицированным педагогическим персоналом и с качеством образования, особенно, уровнем обучения государственному языку. Качество преподавания грузинского языка в этих школах сильно страдает, пять часов в неделю недостаточно, чтобы в должной мере овладеть языком. Поэтому крайне мало их выпускников имеет возможность поступать в грузинские высшие учебные заведения по специальной программе и продолжать обучение. Это является основным фактором, препятствующим интеграции азербайджанцев в грузинское общество. Ситуация усугубляется сокращением числа учителей: они становятся старше, ухо-

¹ В Грузии восстановят три азербайджанские школы // Масса полезных новостей. 29.05. [Электронный ресурс]. URL: <http://massa.az/news/ru/8422/v-gruzii-vosstanoviyat-tri-azerbajdjanskije-shkoly/> (дата обращения 18.10.2020).

² В Грузии откроется новая азербайджанская школа // Масса полезных новостей. 05.04. [Электронный ресурс]. URL: <http://massa.az/news/ru/7422/v-gruzii-otkroetsya-novaya-azerbajdanoyazychnaya-shkola/> (дата обращения 18.10.2020).

дят на пенсию, а молодое поколение не стремится поступать в педагогические ВУЗы и работать в сельской местности. Еще одна проблема — нехватка или даже отсутствие учебников и пособий. Привезенные из Азербайджана учебники не соответствуют потребностям системы образования Грузии, в связи с чем возникает необходимость издания книг на месте, что требует дополнительных расходов на разработку программ и учебных пособий (Салаев 2019: 55).

Проблема имеет двусторонний характер: из-за сокращения количества школ под угрозой может оказаться образование на родном языке, но при этом и государственный язык преподается плохо. Большая часть молодежи страдает из-за невозможности получить качественное высшее образование и перспективную работу, многие утверждают, что не чувствуют себя полноценными членами общества. На государственном уровне проблема усугубляется тем, что представители этнических меньшинств отсутствуют в верхних эшелонах власти.

По словам омбудсмана Нино Ломджарии, в этом направлении постоянно предпринимаются шаги, выделяется финансирование, но устойчивого результата достичь пока не удалось¹. Особенно тревожно положение женщин, уровень их вовлеченности в общественно-политическую жизнь страны крайне низок. Вместе с тем, как сам этот регион, так и специфика хозяйства азербайджанцев Квемо Каргли, очень важны для экономического развития Грузии (Study of the participation... 2019).

Практически аналогичная ситуация сложилась в Самцхе-Джавахети. Процентная доля армян в регионе — 54,6%, а в муниципалитетах Ахалкалаки и Ниноцминда — 90%. Армянская диаспора активна в вопросе поддержки образования в этом регионе, выделяет квоты на учителей из Грузии и финансирует школы. По данным на 2018 г., сейчас здесь функционирует 140 армянских школ (Салаев 2019: 58).

Важную роль в том, что этнические меньшинства оказались вынужденно исключены из общественно-политической жизни страны из-за языкового барьера, сыграл объединяющий фактор русского языка в советский период. Часто можно услышать, что в Советском Союзе не было никакой проблемы коммуникации, т. к. всех объединял русский язык, который использовался в официальной сфере, при этом все этнические группы свободно на нем говорили. Те же грузины вспоминают, что их дети учили все языки, так как дома говорили на грузинском, с соседями — на армянском и азербайджанском, в школе — на русском. Сейчас, когда роль русского языка заметно снизилась

¹ Круглый стол на тему «Участие этнических меньшинств / вовлеченность в процесс принятия решений» // Уполномоченный по правам человека. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ombudsman.ge/geo/akhali-ambebi/mrgvali-magida-crovnuli-umtsiresobebis-monatsileobachartulobagadatsvetilebis-mighebis-protesshi-temaze?fbclid=IwAR3jFORltiLUf4mmtI10LhJ-ONv-ASs1U1yBZv1WXo4W-kW2-ECdON6jiNY/> (дата обращения 18.10.2020).

и его из официальной сферы вытеснил английский, этнические группы оказались лишены «общего» языка. Но старшее поколение до сих пор использует для коммуникации русский язык. Поэтому местные жители, к примеру, армяне в Самцхе-Джавахети, благодаря своей доминирующей численности в регионе, не видят необходимости в изучении грузинского языка. Они аргументируют свою позицию тем, что в регионе не являются этническим меньшинством, поэтому выступают за присвоение армянскому языку в Грузии статуса государственного для того, чтобы применять его на всех уровнях, включая образование и органы самоуправления. Самцхе-Джавахети, в отличие от региона Квемо Картли, населенного азербайджанцами, является для Грузии более опасной областью с точки зрения сепаратистских тенденций. Армяне Самцхе-Джавахети выступают за создание автономии, а это категорически отвергается правительством и политической элитой Грузии.

Что касается локальных школьных программ, армяне Самцхе-Джавахети настороженно относятся к их грузинским версиям, в частности по истории, считая ее «грузинизированной». Это во многом связано со страхом потери идентичности вследствие утраты родного языка и собственного исторического нарратива. Поэтому программа, предложенная правительством Грузии, согласно которой история, география и другие гуманитарные дисциплины должны преподаваться на грузинском языке, была негативно воспринята армянами Самцхе-Джавахети (Wheatley 2009: 45-47).

Однако здесь так же можно заметить существенную разницу в восприятии между поколениями. Младшее поколение осознает необходимость лучшего изучения грузинского языка для полноценного участия в общественной жизни и самореализации. У них больше стремления к интеграции. Государство формирует условия для этого: особое внимание обращается урокам грузинского языка в школах в Самцхе-Джавахети, как и в Квемо Картли, создаются специальные сертифицированные курсы по изучению государственного языка для работников гос. сектора. Для студентов разработана программа подготовки к получению образования на грузинском языке — абитуриенты сдают вступительные экзамены на родном языке и после зачисления в ВУЗ поступают на курсы интенсивного изучения грузинского языка, которые длятся год. В случае успешного освоения программы, они могут приступить к основному обучению в бакалавриате (Маркозия 2015: 119).

Ранее представители этнических меньшинств поступали в высшие учебные заведения на русскоязычные сектора, но с начала 2000-х гг. число таких секторов начало сокращаться, как и количество школ и русскоязычных секций в них. Это объясняется тем, что, во-первых, значительная часть русскоговорящего населения уехала из Грузии, и потребность в таком количестве отпала, а во-вторых, произошла переориентация грузинского общества на Запад

и западноевропейские языки. Таким образом, выбор школ и факультетов для тех представителей этнических меньшинств, которые предпочитали получать образование на русском языке, становится еще более ограниченным.

Необходимость проведения адекватной этнолингвистической политики для Грузии определяется тем, что в случае ее отсутствия или ее ущербности создается опасность политизации проблемы этнического языка и ухудшения отношений с национальными меньшинствами. В случае притеснения национальных меньшинств и нелояльного отношения к ним стране угрожает сепаратизм или поиск ущемляемыми этносами лояльности у другого государства.

В этой связи необходимо найти золотую середину между политикой, направленной на интеграцию этнических меньшинств, но не предполагающей их полной ассимиляции, и политикой, направленной на поддержание мультикультурализма и мультиэтничности. Это необходимо для создания единой гражданской и культурной идентичности, не ущемляя при этом права этнических меньшинств, закрепленные в Конституции. Языковая политика должна проводиться максимально безболезненно и способствовать объединению этнических меньшинств с грузинским большинством вокруг идеи гражданства одного государства, т. е. гражданской нации. В первую очередь, правительству страны следует предпринимать шаги для того, чтобы сами этнические меньшинства были заинтересованы в интеграции в Грузию. Для этого необходимы устойчивое экономическое развитие государства и разработка социальных и общественных программ, в которых могут принимать участие представители этнических меньшинств. При проведении успешной политики в образовательной сфере они не будут терять свой родной язык и тесно связанную с ним идентичность, но станут стремиться интегрироваться в грузинское общество, так как для этого будут созданы все условия. Для того, чтобы решить имеющиеся проблемы в образовательной сфере, важно сотрудничество между представителями этнических меньшинств и правительством. При участии обеих сторон станет возможным создание учебного плана, разработка специальной программы и учебных пособий именно для школ этнических меньшинств, с необходимым количеством часов для изучения как родного, так и государственного языков. Для этого, возможно, потребуется привлечь внешние инвестиции в эту сферу, а в этом могут быть заинтересованы Азербайджан и Армения. Кроме того, важно мотивировать учителей для работы в этих школах, что возможно сделать путем повышения заработной платы.

Что касается английского языка, то его распространение в Грузии связано в первую очередь с прозападным курсом страны и имеет большое значение с точки зрения интеграции страны в глобальную экономическую систему и мировое культурное пространство. Английский язык как язык международной коммуникации пользуется большой популярностью среди молодежи. Однако он не может

полностью заменить русский язык, который также является одним из распространенных международных языков и выступает в качестве средства для межкультурного общения с жителями постсоветского пространства. Невозможно игнорировать интерес людей из стран постсоветского пространства к туризму в Грузии, а они предпочитают общение именно на русском языке. Рост туристического потока в Грузию делает необходимым владение не только грузинским, русским и английским, но и другими иностранными языками. Все это в целом вызывает потребность в большом количестве граждан, владеющих несколькими языками, что будет отвечать вызовам, стоящим перед современной Грузией, и поможет ее жителям адаптироваться в любой среде (Хаджишвили 2015).

Источники и материалы

Джалил И. Время бить тревогу: в Грузии исчезают азербайджанские школы // Sputnik Азербайджан. 07.10.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://az.sputniknews.ru/science/20181007/417304329/azerbaan-jazyk-shkola-gruzija.html/> (дата обращения 18.10.2020).

Закон об образовании. [Электронный ресурс]. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/view/32830?publication=85/> (дата обращения 18.10.2020).

Конституция Грузии. [Электронный ресурс]. URL: <https://emis.ge/acts/saqartvelos%20konstitucia.pdf/> (дата обращения 18.10.2020).

Study of the participation of ethnic minority representatives in political life. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.scribd.com/document/412553144/Study-of-the-Participation-of-Ethnic-Minority-Representatives-in-Political-Life/> (дата обращения 18.10.2020).

Научная литература

Амиреджиби Р. Языковая политика // Международный центр грузинского языка. 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://www.icgl.org/articles/statia_enobriv_politikaze.pdf/ (дата обращения 18.10.2020).

Арефьев А. Л. Русский язык на рубеже XX-XXI веков. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2012. [Электронный ресурс]. URL: https://www.isras.ru/files/File/Publication/russkij_yazyk.pdf/ (дата обращения 18.10.2020).

Белои Матеу С. Армянское меньшинство в регионе Самцхе-Джавахети: гражданская интеграция и барьеры // Ассоциация реформ Грузии — GRASS. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://grass.org.ge/wp-content/uploads/2016/11/somekhi-umtsiresoba-samtskhe-javakhethis-regionshi.pdf/> (дата обращения 18.10.2020).

Гванцеладзе Т. Из истории перехода абхазского книжного языка на грузинскую графику // Современная ассоциация научных исследований. 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://amsi.ge/istoria/div/gvanc_rus.html/ (дата обращения 18.10.2020).

Казумов О., Сордия Г. Что нужно знать о согражданах этнических азербайджанцах // Институт толерантности и многообразия. [Электронный ресурс]. URL: <https://tdi.ge/ge/page/ra-unda-vicodet-tanamokalake-etnikuri-azerbaijanelebis-shesaxe/> (дата обращения 18.10.2020).

Маркозия Н. Языковая ситуация в 80-е гг. XX в. в Грузии (на основе материалов прессы того же периода). Тбилиси, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <http://dSPACE.nplg.gov.ge/bitstream/1234/167012/1/Disertacia.pdf/> (дата обращения 18.10.2020).

Сагария Б. Е., Ачугба Т. А., Пачулия В. М. Абхазия: Документы свидетельствуют. 1937-1953 гг. Сборник материалов. Сухум: Алашара, 1991. — 556 с.

Салаев К. Образовательные проблемы национальных меньшинств в Грузии (на примере азербайджанцев и армян) // Гуманитарные Балканские исследования. Т. 3. № 1 (3). [2019. Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-problemy-natsionalnyh-menshinstv-v-gruzii-na-primere-azerbaydzhantsev-i-armyan/> (дата обращения 18.10.2020).

Хаджишвили Е. Роль языковой политики в поликультурном обществе // Материалы международной конференции «Literature and cross-cultural routes». 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://utopia.duth.gr/~mdimasi/cng/index_htm_files/Elena_Khadjishvili.pdf/ (дата обращения 18.10.2020).

Wheatley J. The Integration of National Minorities in the Samtskhe-Javakheti and Kvemo Kartli provinces of Georgia // EUROPEAN CENTRE FOR MINORITY ISSUES (ECMI). [Электронный ресурс]. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/106670/working_paper_44_en.pdf/ (дата обращения 18.10.2020).

References

Amiredzhibi, R. 2015. Enobrivi politika [Language policy]. In: *Qartuli enis saertashoriso tsentri [Language policies]*. URL: http://www.icgl.org/articles/statia_enobrivi_politikaze.pdf/ (assessed 18.10.2020).

Aref'ev, A.L. 2012. Russkiy yazyk na rubezhe XX-XXI vekov [Russian language at the turn of the 20th and 21st centuries]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga. URL: https://www.isras.ru/files/File/Publication/russkiy_yazyk.pdf/ (assessed 18.10.2020).

Gvantseledze, T. 2011. Iz istorii perekhoda abkhazskogo knizhnogo yazyka na gruzinskuyu grafiku [From the history of the transition of the Abkhaz book lan-

guage to Georgian graphics]. In: *Sovremennaya assotsiatsiya nauchnykh issledovaniy [Modern Association of Scientific Research]*. URL: https://amsi.ge/istoria/div/gvanc_rus.html/ (assessed: 18.10.2020).

Khadzhishvili, E. 2015. Rol' yazykovoy politiki v polikul'turnom obshchestve [The role of language policy in a multicultural society]. In: *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii "Literature and cross-cultural routes" [Materials of the international conference "And cross-cultural literature"]*. URL: http://utopia.duth.gr/~mdimasi/cng/index_htm_files/Elena_Khadjishvili.pdf/ (assessed 18.10.2020).

Markozia, N. 2015. Enobrivi situatsia XX saukunis 80-ani tslebis Saqartveloshi (amave periodis presis masalebis mikhedvit) [The language situation in the 80s of the XX century in Georgia (based on press materials of the same period)]. URL: <http://dspace.nplg.gov.ge/bitstream/1234/167012/1/Disertacia.pdf/> (assessed 18.10.2020).

Razumov, O. 2019. Ra unda vitsodet tanamoqalaqe etnikuri azerbaidzanelibis shesaxeb [What we need to know about citizensethnic Azerbaijanis] In: *Institute of Tolerance and Diversity*. URL: <https://tdi.ge/ge/page/ra-unda-vicodet-tanamokalake-etnikuri-azerbajjanelebis-shesaxeb/> (assessed 18.10.2020).

Sagariya, B.E., Achugba, T.A., Pachuliya, V.M. 1991. Abkhaziya: Dokumenty svidetel'stvuyut. 1937-1953 gg. Sbornik materialov [Abkhazia: Documents testify. 1937-1953 Collection of materials]. Sukhum: Alashara. — 556 p.

Salaev, K. 2019. Obrazovatel'nye problemy natsional'nykh men'shinstv v Gruzii (na primere azerbaydzhantshev i armyan) [Educational problems of national minorities in Georgia (on the example of Azerbaijanis and Armenians)] In: *Humanitarian Balkan studies*, vol. 3, № 1 (3). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatelnye-problemy-natsionalnyh-menshinstv-v-gruzii-na-primere-azerbaydzhantsev-i-armyan/> (assessed 18.10.2020).

Veloy Mateu, S. 2016. Somekhi umtsiresoba Samtskhe Dzavakhetis regionshi: samoqalaqo integratsia da misi barierebi [Armenian minority in Samtskhe-Javakheti region: integration and barriers]. In: *Georgian reform asspciation — GRASS*. URL: <https://grass.org.ge/wp-content/uploads/2016/11/somekhi-umtsiresoba-samtskhe-javakhetis-regionshi.pdf/> (assessed 18.10.2020).

Wheatley, J. 2009. The Integration of National Minorities in the Samtskhe-Javakheti and Kvemo Kartli provinces of Georgia. In: *EUROPEAN CENTRE FOR MINORITY ISSUES (ECMI)*. URL: <https://grass.org.ge/wp-content/uploads/2016/11/somekhi-umtsiresoba-samtskhe-javakhetis-regionshi.pdf/> (assessed 18.10.2020).

Гургулия Эсма Аполлоновна

Центр изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, Москва, Россия, esma_gurguliya@mail.ru

СИСТЕМА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АБХАЗСКОЙ ДИАСПОРЫ В СИРИИ

Аннотация: В данной статье мы рассматриваем систему жизнеобеспечения представителей абхазской диаспоры (как части черкесской диаспоры) в Сирии, ее социально-профессиональную структуру. В статье дана характеристика семейно-брачным отношениям. В написании статьи помимо научной литературы использованы видео-материалы (автор сам интервьюировал) респондентов-соотечественников из Сирии.

Ключевые слова: абхазы, черкесская диаспора, абхазская диаспора, Сирия, Кавказ, махаджирство.

Для цитирования: Гургулия Э. А. Система жизнеобеспечения представителей абхазской диаспоры в Сирии // Центральная Евразия. № 1 (5). М., 2021.

Esma A. Gurguliya

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Center for Central Eurasian Studies, Moscow, Russia, esma_gurguliya@mail.ru

THE LIFE SUPPORT SYSTEM OF REPRESENTATIVES OF ABKHAZ DIASPORA IN SYRIA

Abstract: In this article we consider the life support system of representatives of Abkhaz diaspora (as a part of Circassian diaspora) in Syria, its socio-professional structure. The article describes family and marriage relationships. In addition to the scientific literature, video materials of respondents' compatriots from Syria were used in the writing of the article (the author himself interviewed them).

Keywords: Abkhazian, circassian diaspora, abkhaz diaspora, Syria, Caucasus, mahagjir.

For citation: Gurguliya, E.A. 2021. Sistema zhizneobespecheniya predstaviteley abkhazskoy diaspory v Sirii [The life support system of representatives of Abkhaz diaspora in Syria]. In: *Tsentral'naya Evraziya [Central Eurasian Studies]*, no. 1 (5). – (in Russ.).

Издвеле и по сию пору понятия «арабский мир», «арабские страны» непросты. Их содержание то расширялось, то сужалось в зависимости от хода истории и перемен в жизни арабов и занимаемых ими стран и территорий. Судьбы многих народов волею обстоятельств переплетались с цивилизацией арабов. Кавказ с глубокой древности был тесно связан с цивилизациями Востока. И, конечно же, Абхазия не является исключением. Изучение истории становления абхазской диаспоры в Сирии не является целью данной работы. Это отдельная тема исследования, требующая комплексного подхода при ее изучении, прежде всего анализа как сложной геополитической ситуации, сложившейся в середине XIX в. на Кавказе, где столкнулись интересы России, Османской империи, Англии и Франции, так и внутривосточного положения на самом Западном Кавказе. Здесь мы не можем обойтись без упоминания такого процесса, как махаджирство¹. Тема истории махаджирства является важной в истории абхазского народа. Она исследовалась многими учеными, в том числе такими классиками абхазоведения, как Г. А. Дзидзария (Дзидзария 1982) и Ш. Д. Инал-ипа (Инал-ипа 1990).

В этой статье мы рассматриваем систему жизнеобеспечения представителей абхазской диаспоры² в Сирии, ее социально-профессиональную структуру.

В первую очередь следует отметить, что абхазы сохранили на новых местах свои традиционные хозяйственные занятия. Поселившись в сельской местности в Сирии, они практиковали земледелие. При этом, как отмечает А. В. Кушхабиев (Кушхабиев 1997: 110), земельные наделы, предоставленные кавказским иммигрантам, были малопригодны к обрабатыванию. Например, Голанские высоты представляли собой повсеместно покрытое кратерами и усыпанное камнями плоскогорье, расположенное на высоте 980 м над уровнем моря. Эти факты отложились в фамильной памяти нашего информатора Зиуара Арютаа, который со слов своих старших родственников свидетельствовал: «Вокруг ничего не было... приходилось приспосабливаться»³. Несмотря на трудности, «черкесы приступили к тщательной обработке земли, используя свои традиционные правила агротехники, и в ближайшие годы стали получать довольно высокие урожаи» (Кушхабиев 1997: 110).

Как сообщает Зиуар Арютаа, «...абхазы со временем привыкли к местности», но «вначале очень трудно было возделывать землю»⁴. Между тем,

¹ Под этим термином понимается вынужденное переселение групп коренного населения Кавказа в Османскую империю во время и после завершения Кавказской войны.

² Изучение абхазской диаспоры невозможно отдельно от северокавказской диаспоры. Ее этническая структура достаточно сложна. В составе диаспоры представлены практически все народы Северного Кавказа: адыги, абзины, осетины, карачаевцы, балкарцы, чеченцы, ингуши, большинство народов Дагестана. Составной частью этнической структуры северокавказской диаспоры является ее абхазский сегмент. Северокавказская диаспора в странах рассеяния известна, как диаспора черкесская.

³ Видеоматериал. Абхазия, г. Сухум. 26.10.2018. См. Приложение № 1.

⁴ Видеоматериал. Абхазия, г. Сухум. 26.10.2018. См. Приложение № 1.

хозяйство налаживалось, и помимо пашни абхазы также старались разводить бахчу (сад), где росли несколько сортов фруктовых культур (виноград, инжир и т. д.). По сообщению Мунира Бакира, со временем абхазы обзаводились рабочими, которые им помогали и жили в специально отведенных жилищах. За свою работу они брали $\frac{1}{4}$ часть полученного урожая.

Другой хозяйственной отраслью было скотоводство. Сначала иммигранты выменивали или покупали мясо и скот у бедуинов, но впоследствии сами наладили скотоводческое хозяйство, используя его продукцию как для собственных нужд, так и для продажи или обмена.

Специальными исследованиями установлено, что пища является наиболее консервативным элементом бытовой культуры, который активно сопротивляется модернизационным изменениям, наблюдаемых в других элементах материального окружения. Наше исследование подтверждает этот тезис.

Абхазы в диаспоре, особенно в сельской местности, оставались приверженцами этнических традиций в питании. Значительное место в пищевой модели занимал растительный компонент. Так, основным блюдом была мамалыга (абыста) — круто сваренная кукурузная мука, фасоль, заправленную солью с красным перцем (аджика); употребляли также вареную кукурузу. Мясной компонент был представлен достаточно разнообразно. Так, любимым блюдом было вареное мясо. В то же время мясо часто коптили, в том числе в целях консервации; жир использовали для жарки. Готовили кучмач, шашлыки. Очень популярными были молочные продукты. Правда, свежее молоко не пили; как правило, его ферментировали и употребляли в кислом виде (ахарцэы). Постоянным элементом питания были сыры. Потребляли свежий сыр (ашэадза), сырные лепешки (ачашэ), сыр был обязательным элементом абысты. В пищевой модели присутствовал запрет на потребление алкогольных напитков, в том числе вина (Инал-ипа 1990: 84).

Переезд в Дамаск способствовал размыванию традиционной модели питания. Если до этого пища состояла в основном из национальных блюд, то в городской среде под влиянием окружающего населения и урбанистического образа жизни абхазы стали приобщаться и к арабской кухне.

Традиции исторической родины во многом были перенесены и на домостроительную технику. А.В. Кушхабиев отмечает, что строительным материалом для новопоселенцев сначала служил такой «экзотический» материал, как базальтовые и гранитные блоки античных руин, которые во множестве имелись на территории бывших провинций Римской империи. В то же время по внешнему виду черкесские жилища отличаются от домов феллахов, тем более кочевников. По описанию А.В. Кушхабиева, они «представляли собой небольшие, в основном двухкомнатные дома с маленькими верандами, деревянными ставнями вместо окон» (Кушхабиев 1997: 112).

В жилищах имелась женская половина, куда вход мужчин, особенно посторонних, был табуирован.

Национальная одежда в народе, можно сказать, исчезла. Исключение составляют мужская папаха (ахылпарч) и женский головной платок (нередко белого цвета). Еще сравнительно недавно многие мужчины носили черкеску, а голову покрывали башлыком. Однако эти традиции остались в прошлом. В настоящее время абхазы-мужчины носят костюмы европейского типа.

Европейский тип одежды распространен и у большинства женщин. Однако немало тех, кто предпочитает платья арабского типа. В этом случае его неотъемлемый атрибут — хиджаб, который одновременно является манифестируемым знаком принадлежности к исламской умме. Однако ношение хиджаба не является строго обязательной деталью костюма. По утверждениям наших информаторов, он носится исключительно по желанию, в зависимости от религиозных убеждений; никто не заставляет женщин появляться в нем в публичных местах.

Следует отметить, что малочисленные абхазы старались соблюдать внутригрупповую эндогамию. Однако в результате этого они почти все стали родственниками между собой. Это, в свою очередь, резко сузило возможности поиска брачного партнера, т. к. экзогамные запреты оставались действующей нормой института брака и семьи. Во многом это вынуждало абхазов заключать межнациональные браки. При этом предпочтительными партнерами оставались представители других кавказских народов (прежде всего, кабардинцы и другие адыги). Были, конечно же, браки и с арабами (или представителями др. народов), но в очень редких случаях, и в более поздний период.

Среди абхазов сохранились пережитки похищения невест, однако в подавляющем большинстве случаев брак совершался по обоюдному согласию. Обе стороны в лице старших представителей договаривались «утвердить» решение молодых. Далее жених платит т. н. «мехр», на что невеста покупает себе белье и свадебное платье, а сама ничего в дом мужа не доставляет. Кроме того, по словам Зиуара Арютаа, жених платит 500 сирийских лир (= \$10) родителям невесты, которые передают их в благотворительное черкесское общество «Адыга Хасэ», которое помогает всем представителям диаспоры в решении имеющихся проблем.

Что касается семейно-брачных отношений в Иордании, они во многом были похожи на традиционные черкесские. Например, черкесская традиция разрешала девушкам общаться с юношами. Для этого существовала особая комната, куда могли приходить юноши и знакомиться с девушкой. Но следует отметить, что в Иордании со временем встала проблема близкородственных браков. Принцип экзогамии не поддерживался. «Если в Абхазии не могли создавать семьи даже просто однофамильцы, не кровные родственники, то

в Иордании — наоборот, родственники женились между собой. И таким образом, родственники становились одной семьей...» (Кучбериа 1971: 78). Нарушение принципа экзогамии в первую очередь связано, как уже отмечалось, с созданием браков между собой. Невозможны были браки между девушкой и парнем, вскормленными одной женщиной. Считалось, что они уже брат и сестра. А вот их дети уже могли жениться друг на друге.

Абхазы к женитьбе относились очень серьезно. Этот вопрос не решался спонтанно. Мужчины женились, в отличие от арабов, поздно, в возрасте 30 лет. Это считался самый подходящий возраст для создания семьи. А девушки с 17 лет уже могли выходить замуж.

У абхазов в Иордании была традиция собираться в одном месте и проводить разные мероприятия. Это происходило в специально отведенном доме или в национальном клубе. На такие мероприятия арабам ходить запрещалось. Здесь молодые ребята могли выбирать себе девушек. Потом сообщали своим родителям, чтобы посвататься к ее родителям; после того, как они соглашались, приглашали муллу и регистрировали брак. Свадьбу играли не сразу. Это если все было официально. Но если родители девушки отказывались, молодой человек похищал девушку, регистрировал брак и обращался к уважаемому шейху, чтобы тот уладил это дело. Шейх сам договаривается с родителями девушки, и дело идет к свадьбе. Рассказы о пережитках похищения невест у черкесов известны и арабам.

Семья девушки не несет никаких денежных трат. Невеста с собой в дом жениха ничего не несет. А у арабов — наоборот. Семья девушки несет ответственность за покупку нужных вещей для невесты и тратит деньги в проведении свадьбы больше, чем семья жениха.

Промежуток времени между сватовством и свадьбой должен быть от полу-года до года, а бывает и больше. Все зависит от обстоятельств. Свадьбу, которая проходит по мусульманскому обряду, играет семья жениха. Гости приходят с разными букетами цветов, композициями из экибаны. Жених и невеста сидят рядом на почетном месте (салоне), без стеснения оказывают друг другу знаки внимания, гости к ним подходят и поздравляют. Следует отметить, что давно изжит обычай избегания¹. В первую очередь это произошло из-за малочисленности компактно проживающих абхазов.

Абхаз также мог жениться на вдове или разведенной женщине. Но такие браки особо не приветствовались и поэтому встречались редко.

Что касается количества детей в семье — оно не превышало троих.

Арабы отмечали, что жены у черкесов очень красивые, но почему-то после рождения детей они быстро стареют (Кучбериа 1971: 79).

¹ В Абхазии существовало несколько видов избегания: между молодоженами и их родителями, между зятем и родителями супруги, между женой и мужем.

Свадебные обычаи и ритуалы представляют симбиоз традиционных черт с новациями, приобретенными за время существования в диаспоре. Так, характерной чертой является обычай, по которому жених и невеста сидят в отведенном салоне. Свадебное застолье проводится без всякого вина.

В семейном быту сохранились традиционные формы древнего обычая избегания и других ограничений между супругами, с одной стороны, и их родственными группами, с другой. Например, 62-летний Рамазан Маршан рассказывал, что он в течение всех первых 7-ми лет после вступления в брак ни разу не показывался матери вместе со своей женой (Инал-ипа 1990: 85).

К женщине относятся с большим уважением. Был приведен такой пример Ш. Маршан: «Если в селе мимо мужчины на лошади проходила женщина, он обязательно должен был слезть с лошади и уступить женщине дорогу...»¹

Черкесы старались сохранять свои обычаи и традиции насколько могли. Например, как сообщает Мунир Бакир, «был обычай, который назывался «Ща-апща»². Смысл которого заключался в том, что если больной (пострадавший в аварии или от какой-то другой болезни) не может двигаться, к нему приходят гости каждый день и остаются чуть ли не до утра для того, чтобы больной забыл о своей болезни, устал и заснул»³.

Когда собиралась черкесская молодежь, они играли в разные игры. Например, по сообщению Шарафа Маршан, «была такая игра «Агаауа», в которой игроки сближались друг с другом. Это была кокетливая игра, которую очень любили. Собирались в одной комнате, располагались на стульях. Игроки подходили к избраннице (или избраннику), клали свою руку на ее и общались, потом эта избранница вставала и шла, тоже в свою очередь, к другому человеку и делала то же самое. И так играли дальше...»⁴

Абхазы диаспоры исповедуют ислам суннитского толка. Однако среди них нет религиозного фанатизма.

Рассматривая социально-профессиональную структуру представителей черкесской диаспоры, важно отметить, что по отношению к ней не существует каких-либо дискриминационных ограничений. В системе социально-экономических отношений Сирии они пользуются равными правами с арабским большинством. Среди абхазов невысок процент торговой и промышленной буржуазии. Малочислен и рабочий класс. Преобладающая часть диаспоры представлена средними и промежуточными слоями (офицерством, служащими государственных учреждений, интеллигенцией), которые играют свою роль в социально-политической жизни общества.

¹ Видеоматериал. Абхазия, г. Сухум. 04.11.2018. См. Приложение № 1.

² У абхазов (в Абхазии) — «Ч,ап,шьара».

³ Видеоматериал. Абхазия, г. Сухум. 28.10.2018. См. Приложение № 1.

⁴ Там же.

Многие абхазы ориентированы на получение высшего образования, после завершения которого они вливаются в состав дипломированной сирийской интеллигенции. Так, среди сирийских абхазов много врачей. Информант Зиуар Арютаа рассказал, например, что фамилия Арютаа традиционно занималась приготовлением разных народных лекарств. Позже даже арабы представителей этой фамилии стали называть «хирургами»¹.

В Сирии абхазы представлены в самых разных социально-профессиональных группах — от преподавателя арабского языка, программиста, врача до бизнесмена, строителя и т. д. Этому подтверждение имеющийся на данный момент развернутый список репатриантов и их профессий. Говоря о профессиональной структуре, можно сделать вывод, что среди женщин много домохозяек; что большинство женщин все-таки не работало, основным источником дохода был заработок мужа.

Среди абхазов также много инженеров, руководителей производства, преподавателей начальных классов и высших учебных заведений, художников. Например, из 3 тыс. членов Союза художников Сирии 41 чел. были абхазами.

Весьма популярна военная карьера. С одной стороны, это было связано с традициями военного воспитания, которое было характерно для системы социализации подрастающего поколения на Кавказе, с другой, — у кавказцев не было сильных и многочисленных конкурентов на этом поприще, что делало профессию военного еще более привлекательной и желанной. Вот что сообщает Л. Кучберия: «...Для мужчин очень престижным было работать в авиации. До недавнего времени военными самолетами управляли пилоты абхазы...»².

В Сирии абхазов также много среди персонала отелей, певцов, журналистов, переводчиков (особенно — знающих русский). В политической жизни независимой Сирии известны имена черкесов — депутатов парламента.

В завершении хотелось бы привести цитату репатрианта из Сирии известного художника Ахмеда Маан: «...Абхазы служили надежной опорой, никогда не предавали...»³ При устройстве на работу, если говорили, что «ты абхаз, это давало своего рода привилегию».

¹ Видеоматериал. Абхазия, г. Сухум. 28.10.2018. См. Приложение № 1.

² Там же.

³ Там же.

Интервьюированы были следующие репатрианты из Сирии:

1. Абаза Шараф (Маршан).

Родился в 1940 г. в с. Мумсия. Учился в школе в Дамаске, далее учился в университете на военном факультете 3 года. После уехал в Стамбул, там закончил медицинский факультет. В Сирии работал врачом (был главным врачом области). Был членом организации врачей. Был председателем Черкесской организации «Адыга хасэ» на протяжении 18 лет. Являлся депутатом Сирийского парламента 3 раза (1994–1998, 1998–2002, 2002–2006). С 2006 г. он являлся представителем Абхазии в Сирии. В данное время с семьей живет в Абхазии. Вернулся на свою историческую родину уже около года. Работает в ГК по репатриации.

2. Джаткяр Зиуар (Арютга).

Родился в 1953 г. Жили на Голанских высотах. В 1967 г. переехали в Дамаск. После школы учился в Москве, потом в Одессе, где окончил Политехнический институт. Вернувшись в Сирию, работал в Министерстве промышленности. По профессии — инженер-технолог, изобретатель. В 1989 г. одна сирийская строительная компания приехала в Абхазию и в г. Очамчира начала свое строительство. Родной брат Зиуара приехал с ними. Это был первый из его родных из Сирии, который посетил Абхазию. После него приехал и сам Зиуар. Но пока еще как гость. Уже около года как он с семьей переехал жить в Абхазию. Женат, 2 сына. Старший работает в МИДе РА, а младший будет поступать в АГУ на факультет «Изобразительное искусство».

3. Маан Ахмед.

Родился в 1950 г. в г. Кунейтра. Учился на художника в Сирии, в России. Член Союза художников Арабских стран, член Союза художников Сирии, член Петровской Академии. Участвовал во многих симпозиумах. Со своей супругой (тоже художник) украсил несколько церквей в Сирии. Много его работ в Музее Арабских стран, во дворце президента. На заказ писал картины гостям Сирии (таким, как Примаков, Терешкова, президент Пакистана и т. д.). Ему посвящены большое количество книг и статей. Его двоюродная сестра является первым депутатом женщиной в Иордании — Тууджан Файсал.

4. Маан Мухаммед.

Родился в 1948 г. в г. Кунейтра. Родной брат Ахмада Маан. Учитель-литератор, журналист.

5. Бакир Мунир (Куджба).

Родился в 1944 г. в с. Мумсия. Учился в школе в с. Мумсия, потом в г. Кунейтра. После 1967 г. переехали в Дамаск. Поступил в Дамасский университет

на специальность «Английская литература». Служил в армии в г. Дерзгор. Получил звание старшего лейтенанта, стал командиром роты связи. Учился в Чехословакии в трехгодичной военной Академии (1963–1966 гг.) на факультете «Техника связи». В 1972 г. поехал на учебу в Санкт-Петербург, откуда на каникулы поехал на Красную поляну и с экскурсией посетил Абхазию. Совершенствовался по специальности «связь» в Лондоне, Москве и Германии. Служил в армии 33 года. Звание генерал-майор. С 1996 г. на пенсии. Уже год, как переехал в Абхазию.

6. Казан Джабар (Казанба).

Родился в 1950 г. в с. Мумсия. В 1967 г., как и все, переехал в Дамаск. До 12 лет учился там, потом уехал в Германию. Затем перебрался в США. Первый раз посетил Абхазию в 1993 г., второй раз — в 2012 г. и сейчас в третий раз в сентябре 2013 г. Хочет остаться на постоянное место жительства.

7. Маршан Ахмад.

Родился в 1959 г. в г. Кунейтра. Высшее образование получил в Дамаске. Специальность — дизайнер. В 1990 г. приехал в Абхазию в первый раз и с тех пор не уезжал. Женится в абхазке. Работает заместителем председателя Госкомитета по репатриации в г. Сухум.

8. Маршан Сюзан.

Родилась в 1965 г. в г. Кунейтра. Потом переехали в Дамаск. По профессии бухгалтер. В 90-х гг. приезжала в Абхазию, вышла замуж, потом уехала. Растет сын. Полгода как вернулась в Абхазию.

9. Бергаз Саер.

Родился в 1978 г. в Дамаске. По национальности — убых. Окончил в Дамаске университет. По профессии скульптор, театральный сценограф. Отец — генерал.

10. Фирас Цвижба. Родился в 1978 г. в Дамаске. Отец — генерал, умер 20 лет назад. Мать учительница. Сестра окулист. Сам — агроном.

Научная литература:

Дзидзария Г. А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1982. — 540 с.

Инал-ипа Ш. Д. Зарубежные абхазы. (Историко-этнографические этюды). Сухуми, 1990. — 135 с.

Кучберия Л. Араб тьылакуак рычтьи апсуаа рхылщтра ретнография акныт // Алашара. № 5. Сухуми, 1971. (на абх.яз: «Из этнографии абхазов арабских стран»). С. 76–81.

Куишабиев А. В. Черкесская диаспора в арабских странах (XIX–XX вв.). Нальчик, 1997. — 226 с.

References

Dzidzaria, G.A. 1982. Mahadzhirstvo i problema istorii Abkhazii XIX stoletiya [Mahajirism and the problems of the history of Abkhazia in the 19th century]. Sukhumi. — 540 p.

Inal-ipa, Sh.D. 1990. Zarubezhnye abkhazy (Istoriko-etnograficheskie etyudy) [Foreign Abkhazians (Historical and ethnographic studies)]. Sukhumi. — 135 p.

Kuchberia, L. 1971. Arab tyylakuak rycht'i apsuaa rkhylcshchtra retnografia aknyt' [From the ethnography of the Abkhaz of the Arab countries]. In: *Alashara*, № 5. Sukhumi. P. 76–81.

Kushkhabiev, A.V. 1997. Cherkesskaya diaspora v arabskikh stranakh (XIX–XX vv.) [Circassian Diaspora in Arab Countries (XIX–XX centuries)]. Nalchik. — 226 p.

АБХАЗИЯ-2020: ВЫБОРЫ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

Аннотация: В статье рассматриваются события 2020 г. в Абхазии, связанные с повторными президентскими выборами 22 марта, избранием Аслана Бжания главой государства и его первыми шагами. Показывается, что к повторным президентским выборам привели два события: конфликт власти и оппозиции после президентских выборов 2019 г. и двойное убийство на сухумской набережной 22 ноября 2019 г. Сочетание этих двух факторов привело к созданию альянса двух сил — оппозиции во главе с Асланом Бжания и уличного протеста во главе с Ахрой Авидзба.

Рассматривается ход предвыборной кампании, особенности выдвижения кандидатов и формирования альянсов сил, стоящих за ними; анализируется процесс создания властной команды в поствыборный период и первые шаги Аслана Бжания на посту президента. Также анализируется поствыборное переформатирование политического поля Абхазии. В первую очередь, появление новых оппозиционных сил и формирование провластной коалиции. Особое внимание уделено стратегическим проблемам абхазской политики (государственное строительство, нацестроительство, российско-абхазские и абхазско-грузинские отношения и т. д.).

Ключевые слова: Абхазия, Рауль Хаджимба, Аслан Бжания, Адгур Ардзинба, Ахра Авидзба, Сергей Шамба, Александр Анкваб.

Для цитирования: Новиков В. В. Абхазия-2020: выборы после выборов // Центральная Евразия. № 1 (5). М., 2021.

Vladimir V. Novikov

Institute of CIS Countries, Moscow, Russia, novik222@mail.ru

ABKHAZIA-2020: ELECTIONS AFTER ELECTIONS

Abstract: The article examines the events of 2020 in Abkhazia related to the re-election of the presidential election on March 22, the election of Aslan Bzhania as head of state and his first steps. It is shown that two events led to

the repeated presidential elections: the conflict between the government and the opposition after the 2019 presidential elections and the double murder on the Sukhum embankment on November 22, 2019. The combination of these two factors led to the creation of an alliance of two forces — the opposition led by Aslan Bzhania and the street protest led by Akhra Avidzba.

The article examines the course of the election campaign, the specifics of the nomination of candidates and the formation of alliances of forces behind them; analyzes the process of creating a power team in the post-election period and the first steps of Aslan Bzhania as president.

The post-election reformatting of the political field of Abkhazia is also analyzed. First of all, the emergence of opposition forces and the formation of a pro-government coalition.

Special attention is paid to the strategic problems of Abkhazian politics (state-building, nation-building, Russian-Abkhazian and Abkhazian-Georgian relations, etc.).

Keywords: Abkhazia, Raul Khadzhimba, Aslan Bzhania, Adgur Ardzinba, Akhra Avidzba, Sergey Shamba, Alexander Ankvaб.

For citation: Novikov, V. V. 2021. Abkhaziya-2020: vybory posle vyborov [Abkhazia-2020: elections after elections]. In: *Tsentr'al'naya Evraziya [Central Eurasian Studies]*, no. 1 (5). — (in Russ.).

2020 г. начался в Абхазии с политического кризиса 9-12 января, в результате которого ушел в отставку президент Рауль Хаджимба, едва успевший отметить сто дней второго президентского срока. Новый президент — Аслан Бжания — сразу же вынужден был отвечать на стоящие перед его страной беспрецедентные вызовы.

Президентские выборы 2019 г. как предпосылка событий 2020 г.

Происшедшее в Абхазии в 2020 г. нельзя понять и осмыслить без учета президентских выборов 2019 г., к которым президент Рауль Хаджимба подошел с высоким антирейтингом. Фаворитом считался депутат парламента Аслан Бжания, который участвовал в президентских выборах 2014 г., набрав 35,91% голосов, ставший лидером оппозиции. В этом качестве Бжания раскрылся как политик.

Если в 2014 г. многим казалось, что он — лишь кандидат от Александра Анкваб¹, то потом стало понятно, что Бжания — самостоятельный политик. Он не только не растерял свой электорат, но и сумел сформировать широкую коалицию во главе с партиями «Амцахара» и «Единая Абхазия» (в 2014 г. поддержала Хаджимба). Одновременно в 2017-2018 гг. стало очевидно, что пути Бжания и Анкваб (пусть и временно) разошлись.

¹ Он ушел в отставку после протестов 27 мая–1 июня 2014 г.

Его основной оппонент — Рауль Хаджимба — пришел к власти при помощи широкой коалиции политических партий и групп, которая к 2017 г. распалась. Более того, на рубеже 2017-2018 гг. раскололся альянс проходжимбовских партий ФНЕА и АРУАА. А в начале 2019 г. у Хаджимба появился конкурент в лице Астамура Тарба¹. Стало понятно, что основных кандидатов будет трое: Хаджимба, Бжания и Тарба.

Однако в середине апреля неизвестное заболевание настигло Бжания и двух его охранников, которые были вывезены в Москву на лечение. 2 мая представители оппозиции озвучили версию их отравления². Власть это отрицала, настаивая, что Бжания — жертва аутоиммунного заболевания. Это привело к протестам 20-21 мая, в результате которых выборы были перенесены на 25 августа, чтобы Бжания смог восстановиться и принять участие в выборах. К началу июля стало понятно, что он не сможет вовремя вернуться в строй. Более того, 5 июня его отправили в Германию, где он пробыл до 12 октября.

Оппозиция вынуждена была срочно искать дублера, которым стал лидер партии «Амцахара» Алхас Квициния. Ему пришлось столкнуться сразу с несколькими острыми проблемами. **Во-первых**, болезнь Бжания усилила позиции Хаджимба. **Во-вторых**, Анкваб и его сторонники выдвинули советника министра обороны Олега Аршба. **В-третьих**, в президентских выборах приняло участие рекордное количество кандидатов — 9 человек.

В результате выборы впервые в истории Абхазии прошли в два тура — 25 августа и 8 сентября. В первом туре Рауль Хаджимба набрал 24,83% голосов, а Алхас Квициния — 22,91%. Во втором Хаджимба взял 47,39%, а Квициния — 46,17%. При этом перед вторым туром команда Квициния сумела договориться с Анкваб о союзе.

Оппозиция подала иск в Верховный суд, мотивируя его тем, что сумма голосов за Квициния и против всех больше, чем сумма голосов за Хаджимба. Суд вынес решение в пользу власти, а оппозиция подала апелляцию. В итоге 9 октября Хаджимба вновь вступил в должность, сохранив ядро команды. Единственное исключение — назначение Кана Кварчия и.о. мэра Сухума³.

Конец 2019 — начало 2020 г. стали временем «холодной войны» власти и оппозиции. 18 декабря Верховный суд приступил к рассмотрению апелляции оппозиции на решение от 20 сентября. Неожиданно для всех 17 декабря в страну вернулся Аслан Бжания, который побывал на заседании суда. При

¹ Председатель СГБ РА в 1993-1999 гг., секретарь Совета Безопасности в 1999-2003 гг., первый вице-премьер в 2003-2005 гг.

² Представители политической оппозиции не исключают, что лидер оппозиции Аслан Бжания мог быть отравлен // Абхазия-информ. 02.05.2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/8756-predstaviteli-politicheskoy-oppozitsii-ne-isklyuchayut-togo-chto-lider-oppozitsii-aslan-bzhaniya-mog-byt-otравlen/> (дата обращения 10.10.2020).

³ Кан Кварчия — бывший депутат парламента, сын спикера парламента Валерия Кварчия.

этом сам суд отложил рассмотрение дела на 20 дней, что стало первым тревожным звонком для действующей власти. Следующий «сюрприз» случился 26 декабря, когда депутаты не приняли в окончательном чтении бюджет-2020¹. 30 декабря он все-таки был принят².

В такой ситуации страна ушла на новогодние праздники. А на 9 января было назначено судебное заседание по кассационной жалобе оппозиции.

Политический кризис 9-12 января 2020 г. и его причины

9 января синхронно с заседанием Верховного суда толпа во главе с Героем ДНР Ахрой Авидзба ворвалась в здание АП. Хаджимба покинул свой кабинет и переместился на госдачу. В Сухум прибыл Бжания и принял участие в заседании парламента, в ходе которого депутаты попросили Хаджимба уйти в отставку, что тот отверг.

Вечером 10 декабря Верховный суд отменил свое решение от 20 сентября 2019 г., потребовав назначить повторные президентские выборы. Утром 12 января ЦИК назначил их на 22 марта. После этого уход Хаджимба стал вопросом времени (по закону он имел право исполнять свои обязанности до выборов, а оппозиция требовала его немедленной отставки).

Днем 12 января на госдаче при посредничестве заместителя секретаря Совета Безопасности РФ Рашида Нургалиева прошли переговоры Хаджимба с Бжания и Квициния. Попытки Хаджимба представить это диалогом о стабилизации обстановки натолкнулись на еще больший прессинг со стороны оппозиции. К исходу дня 12 января Хаджимба подписал заявление о сложении полномочий. И.о. президента стал премьер Валерий Бганба³. Таким образом исход этих событий решил союз двух сил — оппозиции (Аслан Бжания) и улицы (Ахра Авидзба).

Что привело к его образованию?

22 ноября 2019 г. в Сухуме были убиты «воры в законе» Астамур Шамба («Астик») и Алхас Авидзба («Хасик»). 2 декабря фамилно-родственные группы Авидзба и Шамба провели акцию протеста, в результате которой были отправлены в отставку руководители Генпрокуратуры и МВД (Зураб Ачба, Гарри Аршба и их заместители). Лидером протестов был Ахра Авидзба.

¹ Почему депутаты «прокатали» принятие республиканского бюджета на 2020 год // Абхазия-информ. 27.12. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/9791-pochemu-deputaty-prokatili-prinyatie-respublikanskogo-byudzheta-na-2020-god/> (дата обращения 10.10.2020).

² Депутаты парламента приняли республиканский бюджет на 2020 год // Абхазия-информ. 30.12. 2019. [Электронный ресурс] URL: <http://abkhazinform.com/item/9802-deputaty-parlamenta-progolosovali-za-respublikanskij-byudzheta-na-2020-god/> (дата обращения 20.09.2020).

³ Отметим, что Бганба уже был и. о. президента в 2014 г. после досрочной отставки Александра Анкваб с 1 июня по 25 сентября 2014 г.

6 января прошлого года «Амцахара» и «Единая Абхазия» сделали заявления, которые оканчивались призывом собраться 9 января на акцию протеста перед Верховным судом¹. Однако 9 января во главе событий оказались не они, а Ахра Авидзба.

И здесь вернемся к убийству Шамба и Авидзба. СМИ представляли декабрьские события как протест родственников «воров», желавших «наказать» власть. Не обеляя абхазскую реальность и личности жертв, укажем на следующее. Убитые были «ворами», вовлеченными в конфликт с «коллегами»². СМИ указывают, что это конфликт не чисто абхазский, а межрегиональный³. Однако в его абхазской части переплелись криминальная и политическая компоненты.

Еще в декабре Ахра Авидзба заявлял, что «министр внутренних дел причастен к убийствам»⁴. Гарри Аршба отверг эти обвинения⁵. Дальнейшие события дали противникам власти новые козыри для обвинений в ее адрес. В декабре 2019 — январе 2020 гг. по этому делу был объявлен в розыск Эрик Чакуда⁶, а также задержаны братья Демур и Дато Ахалая⁷ (Демур — отставной⁸, а Дато — действующий сотрудник ГСО)⁹.

¹ Партии «Амцахара» и «Единая Абхазия» призывают неравнодушных граждан прийти 9 января к зданию Верховного суда // Абхазия-информ. 06.01. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/9825-partii-amtsakhara-i-edinaya-abkhaziya-prizyvayut-neravnodushnykh-grazhdan-priyti-9-yanvary-a-k-zdaniyu-verkhovnogo-suda/> (дата обращения 10.10.2020).

² Подробно см.: Шария В. Воровские войны-2 // Эхо Кавказа. 28.11. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30297371.html/> (дата обращения 10.10.2020).

³ Вериов Ю. «Воры в законе» начинают самую большую свару // Росбалт. 05.01. 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rosbalt.ru/moscow/2018/01/05/1672209.html/> (дата обращения 10.10.2020).

⁴ Ахра Авидзба: думаю, эта власть не настолько сумасшедшая, чтобы пойти против своего народа // Апсадгыл-инфо. 01.12. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://apsadgil.info/news/politics/akhra-avidzba-dumayu-vlast-ne-nastolko-sumasshedshaya-chtoby-poyti-protiv-svoego-naroda/> (дата обращения 10.10.2020).

⁵ Гарри Аршба: обвинения Ахры Авидзба о моей причастности к убийству абсурдны // Апсадгыл-инфо. 02.12. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://apsadgil.info/news/politics/garri-arshba-vyskazyvaniya-akhry-avidzba-o-moej-prichastnosti-k-ubiystvu-absurdny/> (дата обращения 10.10.2020).

⁶ Объявлен в розыск Эрик Чакуда, подозреваемый в стрельбе у ресторана «Сан-Ремо» // Абхазия-информ. 10.12.2019. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/9697-ob-yavlen-v-rozysk-erik-chkadua-podozrevaemyj-po-delu-o-strelbe-u-restorana-san-remo/> (дата обращения 10.10.2020).

⁷ В отношении Дато Ахалая избрана мера пресечения — содержание под стражей // Абхазия-информ. 02.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/9810-v-otnoshenii-dato-akhalaia-izbrana-mera-prescheniya-zaklyuchenie-pod-strazhu/> (дата обращения 10.10.2020).

⁸ Шария В. Сухумское тройное убийство: один задержан, другой в розыске // Эхо Кавказа. 19.12. 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30334596.html/> (дата обращения 10.10.2020).

⁹ Шария В. Абхазия-2019: политика, замешанная на криминале // Эхо Кавказа. 06.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30363013.html/> (дата обращения 10.10.2020).

И к началу 2020 г. у оппозиции сложилось мнение, сформулированное в заявлении «Единой Абхазии» от 6 января: «Пирамиду этой мафии возглавляет незаконно избранный президент и его охрана»¹.

Фактически в ноябре – декабре 2019 г. оппозиция переиграла власть, сумев сформировать ее образ как власти криминальной. Одновременно она: а) вновь получила лидера в лице Бжания, б) взяла под контроль улицу во главе с Ахрой Авидзба и в) привлекла на свою сторону парламент и Верховный суд.

Мартовские выборы и подготовка к ним

После отставки Рауля Хаджимба основными игроками оказались оппозиционеры во главе с Асланом Бжания, сторонники бывшей власти, надеявшиеся на выборный реванш и Александр Анкваб, чья позиция, как показал 2019 г., способна смешать все карты в игре. В короткий период второго срока Хаджимба Анкваб вел себя крайне осторожно. Он дистанцировался от власти, но и не примкнул к оппозиции, инициировав создание партии «Айтайра» во главе с Леонидом Лакербая². Таким образом, основной интригой стало то, кого выдвинет «бывшая власть» и с кем заключит союз Анкваб.

Что касается «наследника» Хаджимба, то им стали называть Кана Кварчия, сторонники которого 1 февраля зарегистрировались в ЦИКе. Однако 6 февраля выдвинулся вице-премьер, министр экономики Адгур Ардзинба³. 11 февраля снялся с выборов Кварчия, отказавшись поддерживать кого-либо⁴. А Ардзинба поддержали основные прохаджимбовские партии — ФНЕА и АРУУА. Основными конкурентами стали Ардзинба, Бжания и Леонид Дзяпшба.

В этой ситуации Бжания должен был удержать свою традиционную базу поддержки («Амцахара», «Единая Абхазия») и наладить отношения с Анкваб. Как отмечали наблюдатели, для этого «нужно было преодолеть взаимное неприятие Анкваб и Шамба»⁵.

В итоге «Единая Абхазия» и «Айтайра» по отдельности заявили о поддержке Бжания. «Амцахара» и «Айтайра» вместе выдвинули кандидатуру Бадры Гунба

¹ Партии «Амцахара» и «Единая Абхазия» призывают равнодушных граждан прийти 9 января к зданию Верховного суда // Абхазия-информ. 06.01.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/9825-partii-amtsakhara-i-edinaya-abkhaziya-prizyvayut-neravnodushnykh-grazhdan-priyti-9-yanvarya-k-zdaniyu-verkhovnogo-suda/> (дата обращения 10.10.2020).

² В 2011-2014 гг. — премьер-министр Абхазии.

³ Шария В. В бой идут не одни «старики» // Эхо Кавказа. 06.02. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30421027.html/> (дата обращения 10.10.2020).

⁴ Кан Кварчия отказался от участия в президентских выборах // Эхо Кавказа. 11.02.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30428363.html/> (дата обращения 10.10.2020).

⁵ Шария В. Предвыборное обострение в Абхазии // Эхо Кавказа. 10.02. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30427167.html/> (дата обращения 10.10.2020).

на пост вице-президента¹, а избирательный штаб Бжания возглавил Анкваб. Эти породило слухи о том, что союз Бжания с «Единой Абхазии» дал трещину². Однако Леонид Лакербая заявил, что его партия и «Единая Абхазия» поняли: «вразброс у нас нет шансов поменять систему»³. То, что Бжания сумел заручиться поддержкой и ЕА, и «Айтайра» говорит о его, как минимум, аппаратном таланте.

Предвыборная кампания прошла относительно спокойно, если не считать кризиса начала марта. 2 марта Бжания был госпитализирован в Сочи. А 3 марта группа его сторонников в количестве 300 человек (в основном, односельчане) пришла к АП и потребовала отставки и.о. президента, силовых министров, ЦИК, глав районов. Одновременно у парламента собралось 200 сторонников Ардзинба. После переговоров 3-5 марта между штабами и кандидатами кризис удалось преодолеть.

22 марта в выборах приняло участие 95 109 из 132 916 избирателей (т.е. 71,56%), а голоса распределились так:

- Адгур Ардзинба — 33 686 или 35,42%;
- Аслан Бжания — 53 741 или 56,5%;
- Леонид Дзяпшба — 2 114 или 2,22%;
- «Против всех» — 1 666 или 1,75%;
- недействительные — 3 902⁴.

Таким образом, Аслан Бжания одержал убедительную победу. Ардзинба лично поздравил его, тем самым создав прецедент в новейшей истории Абхазии. 23 апреля прошла инаугурация Бжания.

«Кадры решают все»: формирование команды Аслана Бжания

Избрание Аслана Бжания показало, что общество выдало ему большой кредит доверия. Выиграв выборы, он оказался перед необходимостью: а) суметь сохранить альянс объединившихся вокруг него сил («Единая Абхазия», «Амцахара», «Айтайра»), б) грамотно распорядиться кадровым потенциалом этих сил, в) привлечь к управлению образованную молодежь и г) правильно использовать ту ситуацию, которая возникла вечером 22 марта.

¹ Бадра Гунба — руководитель сухумского отделения партии «Айтайра», в 2011-2014 гг. — министр культуры Абхазии.

² Чания И. Главный ЦИК — площадь, и другие итоги недели // Эхо Кавказа. 07.02.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30422772.html/> (дата обращения 10.10.2020).

³ Леонид Лакербая: «Мы не должны давать ничем не подкрепленные обязательства» // Абхазия-информ. 19.02.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/10044-leonid-lakerbaya-my-ne-dolzheny-davat-nichem-ne-podkreplennye-obeshchaniya/> (дата обращения 23.10.2020).

⁴ Центризбирком подвел окончательные итоги президентских выборов, состоявшихся 22 марта 2020 года // Абхазия-информ. 24.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/10252-tsentrizbirkom-podvel-okonchatelnye-itogi-prezidentskikh-vyborov-sostoyavshikhsya-22-marta-2020-goda/> (дата обращения 20.10.2020).

Президентские выборы совпали с мировым коронакризисом. И Абхазия синхронно с Россией ввела карантинные ограничения, перекрыв с 28 марта по 1 августа границу. Это поставило под вопрос туристический сезон и доходы от него. Коронакризис сделал невозможным улучшение экономической ситуации в краткосрочный период. Бжания оказался перед необходимостью действовать в ситуации тяжелой неопределенности, на ощупь выверяя свои шаги.

В первую очередь, нужно было сформировать команду. В течение апреля — июля были назначены три ключевых лица: Александр Анкваб — на пост премьера, Алхас Квициния — главы АП, Сергей Шамба — секретаря Совета Безопасности. С учетом их непростых отношений эксперты говорили, что «зная крутой нрав Александра Анкваб, можно предположить, что он будет пытаться лидировать и оттеснить Сергея Шамба»¹.

По мере формирования новой властной команды соцсети стали пестреть постами об «аппаратном заговоре против Анкваб» во главе с Сергеем Шамба. «Единая Абхазия» опровергала эти обвинения². Несмотря на все слухи, публично раскол (подлинный или мнимый) во властной команде зафиксирован не был.

Если рассматривать назначения Бжания, то можно выделить несколько интересных моментов.

Во-первых, Бжания вернул во власть группу людей, занимавших посты в период правления Анкваб. Так, Беслан Джопуа стал первым вице-премьером, министром сельского хозяйства³, Кристина Озган⁴ — вице-премьером и министром экономики, Владимир Делба — министром финансов⁵.

Во-вторых, он сохранил часть кадров времен Хаджимба. Так Джансук Нанба⁶ стал зам. главы АП. Свои посты сохранили глава МЧС Лев Квициния, министр здравоохранения Тамаз Цахнакия, министр труда, занятости и социального обеспечения Руслан Аджба, министр по налогам и сборам Даур Курмазия. Все они, за исключением Нанба, отвечают либо за борьбу с пандемией, либо за участки, где замена может означать издержки.

В-третьих, важно отметить назначения силовиков. Вместо многолетнего

¹ Грицевич А. Междвид Ф. Абхазские журналисты указали на разобщенность в команде Бжания // Кавказский узел. 24.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/347463/> (дата обращения 20.10.2020).

² Шария В. «Соединение несоединимого» в политической жизни Абхазии // Эхо Кавказа. 12.05.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30608201.html/> (дата обращения 23.10.2020).

³ В 2011–2014 гг. — министр сельского хозяйства.

⁴ В 2005–2011 гг. — министр экономики, в 2011–2014 гг. — зам. главы АП.

⁵ Занимал этот пост в 2011–2014 гг., в июне — сентябре 2014 г. — и.о. премьер-министра.

⁶ Вице-премьер, министр финансов в 2018–2020 гг.

министра обороны Мираба Кишмария был назначен генерал-полковник Владимир Ануа. В СГБ были смещены все заместители главы ведомства, а и.о. председателя был назначен Роберт Киут. То, что не был назначен председатель, а лишь и.о., может означать, что Бжания решил взять эту структуру в «ручное управление». Соратник президента по парламенту Дмитрий Дбар стал главой МВД.

В-четвертых, свои посты получили и представители национальных общин — русской и армянской. Так, вице-премьером был назначен преподаватель АГУ Сергей Пустовалов. На должность главы Государственного комитета по стандартам, потребительскому, техническому и энергонадзору был назначен влиятельный представитель армянской общины Галуст Трапизонян. Более того, в двух районах — Гульрыпшском и Сухумском — были созданы должности заместителей главы, предназначенные специально для армян¹.

В-пятых, стоит обратить внимание на назначения советников и помощников главы РА. Эта часть назначений вызвала наибольшую волну критики. Действительно на эти посты были назначены люди с очень разным опытом и биографией — от молодого Григория Пилия до опытного транспортника Валерия Папба. Однако наибольшие споры вызвала фигура помощника Президента РА по международным вопросам Ахры Авидзба. И дело не только в том, что он был фактическим организатором событий 9-12 января, но и в том, что оказался вовлечен в скандал с российскими пограничниками. В ноябре 2020 г. Авидзба заявил, что уходит из команды Бжания². В начале 2021 года команду президента покинул другой его помощник — Ренат Карчаа.

Проблемы Абхазии в зеркале выборов

Коронакризис и его социально-экономические последствия актуализировали и старые абхазские проблемы стратегического характера:

- вопросы государственного строительства и нациестроительства (Силаев, Волхонский, Муханов, Мартиросян 2012; Скаков, Муханов 2017б);
- выбор оптимальной экономической модели (Муханов, Новиков 2015);
- российско-абхазские отношения (Скаков, Муханов 2017а);
- выработка системы взаимоотношения с соседями, включая Грузию.

Речь шла о перезапуске абхазского государственного проекта (Скаков 2019).

¹ Галуст Трапизонян: у Абхазии большое будущее // Ноев ковчег. № 8. 10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://noev-kovcheg.ru/mag/2020-08/7043.html/> (дата обращения 05.12.2020).

² Помощник Президента Абхазии, протаранивший границу, подал в отставку // Eadaily. 09.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2020/11/09/pomoshchik-prezidenta-abhazii-protaranivshiy-granicu-podal-v-otstavku/> (дата обращения 05.12.2020).

Если говорить о межнациональной сфере, то дублер Бжания на выборах 2019 г. Алхас Квициния настаивал на необходимости представительства во власти разных этносов, иначе значительная часть населения не будет заинтересована в абхазской государственности (Новиков 2019а).

За последние годы имидж Абхазии в России сильно пострадал. Все чаще в экспертной среде слышны негативные суждения об абхазском государственном проекте и его российской поддержке¹. Кроме того, мировая экономическая ситуация может привести к тому, что российские подходы к Абхазии и к постсоветскому пространству в целом станут более прагматичными и экономоцентричными. А значит, Бжания должен решать проблему эффективного взаимодействия с российскими правительственными органами и обществом.

Еще во время предвыборной кампании неоднократно возникали такие спорные темы российско-абхазской повестки, как либерализация рынка недвижимости для иностранцев, добыча нефти и т.д. Именно их пытались разыграть против Бжания его оппоненты. Например, Изида Чания вообще утверждала, что Бжания — «это ширма, за которой стоят интересы конкретных людей. За ширмой спрятаны интересы Анкваб, связанные с нефтью, и интересы Сергея Шамба, связанные с продажей недвижимости. Они антагонисты, но объединились вокруг Бжания»².

В ноябре 2020 г. во время встречи Владимира Путина и Аслана Бжания в Сочи был подписан план гармонизации российско-абхазских отношений, состоящий из 45 пунктов (соглашение о двойном гражданстве, защита инвестиций и т.д.)³. Вопрос продажи недвижимости, как заявил Бжания на пресс-конференции 17 ноября, на встрече с Путиным не обсуждался. Более того, «вопросы продажи недвижимости будут решаться на уровне правительства и парламента, а некоторые вопросы будут решаться нашими гражданами. У нас есть такой механизм, как референдум ...»⁴

Однако стоит отметить, что генерированию повышенной тревожности, которую проявляют отдельные абхазские политические круги (в первую оче-

¹ Об этом, например, см.: *Шария В.* Делягин vs Абхазия // Эхо Кавказа. 06.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhoavkaz.com/a/30597685.html/> (дата обращения 06.12.2020).

² *Грицевич А. Меджид Ф.* Абхазские журналисты указали на разобщенность в команде Бжания // Кавказский узел. 24.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/347463/> (дата обращения 20.01.2020).

³ *Кварацхелия С.* Опубликована программа формирования общего пространства между Россией и Абхазии // Спутник-Абхазия. 24.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://sputnik-abkhazia.ru/Abkhazia/20201124/1031344915/Opublikovana-sotsprogramma-osnovannaya-na-garmonizatsii-zakonodatelstv-Rossii-i-Abkhazii.html> (дата обращения 06.12.2020).

⁴ Об оппозиции, борьбе с ковидом, продаже недвижимости и многом другом — с пресс-конференции Аслана Бжания // Абхазия-информ. 18.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/11907-ob-oppozitsii-borbe-s-kovidom-o-prodazhe-nedvizhimosti-i-mnogom-drugom-s-press-konferentsii-aslana-bzhaniya/> (дата обращения 06.12.2020).

редь, оппозиционные) по поводу суверенитета своей страны способствуют представители российских политических кругов. Так, в прошлом году Захар Прилепин, Александр Проханов и Владимир Жириновский заявляли о необходимости вхождения Абхазии в состав России¹.

И хотя против этой инициативы выступили российские политики (например, Константин Затулин²), заявления «коллективного Прилепина» вызвали реакцию не только абхазской общественности, но и официальных инстанций. С решительным осуждением таких инициатив выступили МИД и парламент Абхазии³. Осудила заявление Прилепина и партия «Единая Абхазия», в заявлении которой говорилось, что «мы считаем недопустимым вопрос о вхождении Абхазии в состав какого-либо государства»⁴. Напомним, что эта партия зачастую получает упреки в «излишней пророссийскости».

Подобного рода «патриотическо-присоединительные» инициативы могут сыграть весьма негативную роль в российско-абхазских отношениях. Вопрос о государственном суверенитете Абхазии является консенсусным в абхазских элите и обществе. В отличие от Южной Осетии, здесь нет сколько-то значимых и заметных сторонников вхождения в Россию. Вопрос участия Абхазии в постсоветских надгосударственных интеграционных проектах под российским руководством стал озвучиваться представителями абхазской элиты лишь в последнее время (см. ниже).

Еще одной важной проблемой абхазской политики являются, как ни парадоксально, отношения с Грузией. При полном отсутствии отношений де-юре и отказом Грузии рассматривать иную формулу урегулирования, кроме возвращения бывшей автономии, де-факто отношения между странами (приграничная торговля, лечение граждан Абхазии в Грузии, родственные связи) существуют.

Сразу после отставки Хаджимба Аслан Бжания, Сергей Шамба и Алхас Квициния в интервью грузинским СМИ высказались за диалог между Сухумом и Тбилиси. В своем первом после избрания интервью РИА Новости Бжания заявил, что «для решения и текущего обсуждения такого рода во-

¹ Шария В. Прилепин, Жириновский, Проханов... Кто следующий? // Эхо Кавказа. 14.09.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30838419.html/> (дата обращения 06.12.2020).

² Затулин о плане Прилепина: Абхазия по этому поводу взбурена // Эхо Кавказа. 09.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30715776.html/> (дата обращения 06.12.2020).

³ В Абхазии осудили заявление партии Прилепина о присоединении Абхазии к России. ТАСС. 07.07.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200707/1574023953.html/> (дата обращения 06.12.2020).

⁴ Заявление партии «Единая Абхазия» от 13.07.2020 // Сайт Единой Абхазии. 13.07.2020. [Электронный ресурс]. <http://www.rpp-ea.org/index.php/novosti/zayavleniya/297-zayavlenie-ot-13-07-2020-goda> (дата обращения 06.12.2020).

просов формат переговоров мог бы быть другим. Здесь — на границе или где-то — для решения таких вот вопросов. Они возникают каждый день»¹. Т. е. обозначил необходимость формулы цивилизованных де-факто абхазо-грузинских отношений. И это вовсе не противоречит российско-абхазскому союзу. Напомним, что летом 2018 г., выступая в абхазской Общественной палате, о необходимости разработки концепции абхазо-грузинских отношений говорил посол РФ в Абхазии Алексей Двинянин². Однако в ответ на инициативы новых абхазских властей «грузинская сторона заявила принципиальные возражения, которые практически ставят крест на перспективах двухстороннего общения». (Муханов 2020).

Абхазо-грузинский сюжет получил неожиданное продолжение в виде визита в августе 2020 г. в Абхазию делегации партии «Альянс патриотов Грузии» в лице Ирмы Инашвили и Георгия Ломия, имевшего внутривластный резонанс в обеих странах. В Сухуме активисты партии АРУАА пытались использовать ситуацию против власти, делая особый акцент на участии в ней советника Президента РА Лаши Сакания, который был вынужден уйти в отставку.

Синхронно с абхазским вояжем «патриотов» оппоненты их обвинили в получении поддержки от России. Появилось обращение в Генпрокуратуру страны с требованием расследовать эту информацию и снять «Альянс» с выборов³, которое осталось без последствий. Но на парламентских выборах «патриоты» едва перешли избирательный барьер.

Эта история выявила и еще одну грань, связанную с российско-абхазскими отношениями. Как писал информированный абхазский журналист Виталий Шария, «по неофициальной информации организаторами и координаторами этой встречи были единомышленники Леонида Калашникова в Москве (но не он)»⁴. И тут же Шария поделился с читателями таким выводом: «Будем реалистами: то, что представители российских властных структур подчиняются «генеральной линии» политики Кремля на Южном Кавказе, в т. ч. по признанию независимости РА и РЮО, вовсе не означает, что все они в душе мыслят в соответствии с ней. Кто-то не прочь присоединить их к РФ, как Захар Прилепин со своей партией «За правду», кто-то считает, что было бы

¹ Аслан Бжания: политических преследований в Абхазии не будет // РИА Новости. 23.03.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20200323/1569001423.html/> (дата обращения 06.12.2020).

² Российский посол встретился с советом Общественной палаты // Абхазия-информ. 11.07.2018. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/7564-rossijskij-posol-vstretilsya-s-sovetom-obshchestvennoj-palaty-abkhazii/> (дата обращения 10.12.2020).

³ Паресишвили М. Зачем Москве «Патриоты» Грузии // Эхо Кавказа. 25.08.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30802303.html/> (дата обращения 10.12.2020).

⁴ Шария В. Визит «патриотов»: сенсация или «буря в стакане воды»? // Эхо Кавказа. 21.08.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhokavkaza.com/a/30796151.html/> (дата обращения 10.12.2020).

правильным и справедливым разделить Абхазию между Россией и Грузией по реке Аалдзга (Галидзга)...»¹

Вне зависимости от того, насколько это соответствуют реальности, Шария, видимо, транслирует нам опасения части абхазской элиты, полагающей, что в отношении двух стран могут вмешиваться «неуклюжие действия маргинальных политиков» (его выражение).

И, наконец, Вторая карабахская война осени 2020 г. поставила перед абхазским руководством новые вызовы. В первую очередь, эта война — региональный прецедент «размораживания» старых конфликтов. Что считалось после августа 2008 г. практически невозможным. И хотя сегодняшняя грузинская политическая элита вряд ли готова к быстрому военному реваншу, следует заметить, что озабоченность карабахскими событиями выразил на встрече с сопредседателями Женевских дискуссий Аслан Бжания².

Отметим, что карабахские события неожиданно породили в абхазской элите еще один возможный дискурс — дискуссию о присоединении страны к надгосударственным проектам под российским лидерством. Первым такую идею высказал в октябре 2020 г. Валерий Аршба³, заявивший, что необходимо, «не теряя своего суверенитета, готовиться к вхождению в уже существующее союзное государство России и Белоруссии»⁴. Вслед за ним председатель Комитета по государственно-правовой политике парламента Валерий Агрба заявил, что «одним из возможных стратегически состоятельных сценариев развития событий в пространстве СНГ могло бы стать создание мощного Союзного государства, где субъекты государства сохраняют государственный суверенитет и независимость» (в состав такого союза могли бы войти Россия, Абхазия, Белоруссия, Армения, Южная Осетия и, возможно, некоторые другие страны)⁵. И, наконец, на встрече с членами Общественной палаты Абхазии в декабре Бжания сказал, что «будут происходить глобальные процессы, и, видимо, группа государств на постсоветском пространстве, если это будет соответствовать интересам их народов, будет организовывать некий союз. И мы, если наше

¹ Там же.

² Аслан Бжания провел встречу с сопредседателями Женевских дискуссий // Абхазия-информ. 25.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/11941-aslan-bzhaniya-prinyal-sopredsedatelej-zhenevskikh-diskussij/> (дата обращения 10.12.2020).

³ Вице-президент Абхазии в 1995-2005 гг., глава АП в 2005-2010 гг.

⁴ Валерий Аршба: не теряя своего суверенитета, готовиться к вхождению в союз России и Белоруссии // Нужная газета. 23.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://abh-n.ru/valerij-arshba-ne-teryaaya-svoego-suvereniteta-gotovitsya-k-vxozhdeniyu-v-soyuz-rossii-i-belorussii/> (дата обращения 10.12.2020).

⁵ Агрба В. Российско-абхазские отношения в XXI веке: геополитические вызовы и перспективы // Парламентская газета. 11.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pnp.ru/politics/rossijsko-abkhazskie-otnosheniya-v-xxi-veke-geopoliticheskie-vyzovy-i-perspektivy.html?fbclid=IwAR1d53BPt0b98wNsjiGoemD7PIQIXsek9C1D8ganOT9nlxL_Hj9bLqZc8mZ8/ (дата обращения 10.12.2020).

население не будет возражать, будем думать над этим. Похоже, что к этому все идет, и я не вижу в этом рисков, если правильно к процессам подойти»¹.

Как уже было сказано выше, в отличие от идеи вхождения в Россию, абхазская элита готова рассматривать участие Абхазии в межгосударственном союзе под эгидой России. Заметим при этом, что подобные мнения высказывают представители различных политических лагерей. Таким образом, перед Асланом Бжания и его соратниками стоят стратегические вызовы, на которые они должны ответить в самое ближайшее время.

Переформатирование политического поля — новая власть и новая оппозиция

Совершенно очевидно, что победа Бжания на выборах не могла не привести, просто по закону жанра, к оформлению новой оппозиции. Примерно первые полгода его правления этот процесс не наблюдался. Хотя опорные партии бывшей власти (АРУАА) периодически подвергали новую власть критике по различным вопросам (инициативы по отношениям с Грузией и т.д.). Бывший кандидат в президенты Адгур Ардзинба ограничивался лишь критикой в адрес правительства и даже съездил вместе с Бжания на Парад Победы 24 июня.

Однако в октябре 2020 г. оформилось две оппозиционные группы. *Первая* — это «Абхазское народное движение» (АНД) Адгура Ардзинба, которое тут же вступило в союз с АРУАА, ФНЕА и партией «Апсны» экс-вице-президента Виталия Габния. *Вторая* — это Республиканская общественная организация (РОО) «Аидгылара» Кана Кварчия. Напомним, что так называлась в 1989-1995 гг. «зонтичная» абхазская политическая организация во главе с Алексеем Гогуа и Сергеем Шамба, которая стала главной абхазской политической группой в период суверенизации республики. Такое совпадение названий явно не случайно. Соратниками Кварчия стали бывший глава АП РА Беслан Барциц², бывший зам. генпрокурора Эшсоу Какалия и ряд других фигур.

На протяжении длительного времени обе оппозиционные группы не объединились. Не исключено, что такому решению мешали определенные обстоятельства. *Во-первых*, как уже мы писали выше, Кан Кварчия не только отказался участвовать в президентских выборах, но и не поддержал никого в той гонке. *Во-вторых*, союзником Кварчия является Беслан Барциц, с которым конфликтовали некоторые бывшие провластные группы (например, АРУАА) (Новиков 2019а). *В-третьих*,

¹ Заводская Е. Аслан Бжания: «Группа государств на постсоветском пространстве... будет организовывать некий союз» // Эхо Кавказа. 03.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ekhhokavkaza.com/a/30982664.html> (дата обращения 10.12.2020).

² В Сухуме прошла презентация новой общественной организации «Аидгылара» // Абхазия-информ. 27.10.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/11776-v-sukhume-proshla-prezentatsiya-novoj-obshchestvennoj-organizatsii-aidgylara/> (дата обращения 10.12.2020).

по некоторым конфликтным вопросам российско-абхазской повестки, Кварчия пытается выступать как «пророссийская альтернатива» Бжания. Например, он высказался за продажу недвижимости иностранцам в виде апартamentов¹.

Важно отметить, что наиболее жесткую позицию по отношению к властям занял именно Адгур Ардзинба. Поводом стал энергетический кризис ноября — декабря 2020 г., когда начались всерные многочасовые отключения электричества. Причин для тяжелого состояния абхазской электроэнергетики много. Одной из них является фактическое превращение Абхазии (кстати, как и соседней Грузии) в последние годы в один из региональных центров майнинга криптовалют. Создаваемые майнерами нагрузки приводят к тому, что генерирующие мощности просто не выдерживают и отключаются.

Тема абхазского майнинга может стать предметом отдельного политико-экономического исследования. Здесь же укажем, что именно майнинг Адгура Ардзинба и его группа сделали главной антивластной темой. Они даже приняли специальное заявление, в котором потребовали принять жесткие меры к майнерам и обвинили часть чиновников в причастности к этому бизнесу². Однако в ответ в социальных сетях появились обвинения, что именно экс-министр экономики владеет частью ферм. Что тот вынужден был опровергать³. Своего рода апогея эта полемика достигла в середине декабря, когда Ардзинба заявил, что будет добиваться через депутатский корпус вынесения вотума недоверия Кабинету Министров. В ответ глава Министерства экономики Кристина Озган напомнила ему, что он выступал инициатором создания производства криптовалют в стране, намекнув на возможную коррупционную составляющую одной из структур Минэка со структурами, занятыми в криптовалютном бизнесе⁴. Соответственно, Ардзинба обвинил ее в хамстве⁵.

¹ Байкова Т. Метровым шагом: в Абхазии рассмотрят создание апартamentов для россиян // Известия. 03.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1081877/tatiana-baikova/metrovym-shagom-v-abkhazii-rassmotriat-sozdanie-apartamentov-dlia-rossii/> (дата обращения 10.01.2021).

² Оппозиция Абхазии заинтересовалась деятельностью производителей криптовалюты // Регнум. 16.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/3116579.html/> (дата обращения 10.01.2021).

³ Экс-министр экономики Абхазии опроверг данные о причастности к майнингу криптовалюты // ТАСС. 23.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/10077803/> (дата обращения 10.01.2021).

⁴ Кристина Озган: Интервью бывшего вице-премьера, бывшего министра экономики Адгура Ардзинба породило множество вопросов к бывшему чиновнику // Аспныпресс. 15.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://apsnypress.info/ru/item/1764-kristina-ozgan-intervyu-byvshego-vitse-premera-ministra-ekonomiki-adgura-ardzinba-porodilo-mnozhestvo-voprosov-k-byvshemu-chinovniku/> (дата обращения 10.01.2021).

⁵ Адгур Ардзинба: нас обвиняли, что мы ничего не сделали, хотя за пятилетний срок экономические показатели увеличились // Апсадгыл-инфо. 15.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://apsadgil.info/news/economics/adgur-ardzinba-nas-obvinyali-v-tom-chto-my-nichego-ne-sdelali-khotya-ekonomicheskie-pokazateli-za-pya/> (дата обращения 10.01.2021).

Синхронно с полемикой Ардзинба и Озган социальные сети пополнились слухами о предстоящем митинге оппозиции по вопросам энергетики. Однако вместо уличных эксцессов оппозиция использовала парламентскую трибуну. 30 декабря парламент отклонил республиканский бюджет на 2021 г. Одним из организаторов этого была депутат Натали Смыр, которая входила в инициативную группу по выдвижению Ардзинба¹. Конечно, отказ принимать бюджет — это не вотум недоверия правительству, но серьезный удар по кабинету. Таким образом, страна вошла в 2021 г. без бюджета.

Активизация оппозиции привела к встречному процессу — оформлению провластных сил. 25 декабря прошла встреча представителей ряда партий и общественных организаций: «Амцахара», «Единая Абхазия», «Айтайра», «Народный фронт Абхазии», «Апсадгил», «Къаразаа», «Абзанхара», «Форум молодежи Абхазии», Фонда имени Сергея Багапш и экспертного фонда «Ахьыпшыбра». По сведениям СМИ, речь на встрече шла о необходимости взаимодействия с органами государственной власти. Переводя это с политико-партийного на обычный язык, решался вопрос о формировании провластной политической силы. Более того, «в целях осуществления сотрудничества было принято решение о формировании коалиции общественно-политических организаций в форме единого общественного движения»².

В этой ситуации интересно два момента. Первый — это открытое участие в этих консультациях «Единой Абхазии» и «Айтайра», представители которой в 2019 г. крайне жестко отзывались о «единоабхазах». Второй — это расплывчатая формулировка, которая позволяет по-разному трактовать их стремление к координации своих действий («формировании коалиции общественно-политических организаций в форме единого общественного движения»). Эта формулировку можно трактовать и как стремление к созданию «зонтичной» организации типа ОНД, и как намерение на слияние нескольких партий в одну. Не исключено, что единого мнения по этому вопросу у участников консультаций пока нет.

Однако участники встречи уже успели сделать два заявления. Одно — резкое, направленное против бывшей власти и посвященное вопросам энергетики (в том числе — майнингу)³. Второе — новогоднее поздравление гражданам

¹ Депутаты не приняли республиканский бюджет на 2021 года // Апсныпресс. 30.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://apsnypress.info/ru/item/1949-deputaty-ne-prinyali-respublikanskij-byudzhet-na-2021-god/> (дата обращения 10.01.2021).

² Встреча руководителей ряда политических партий и общественных организаций Абхазии // Абхазия-информ. 25.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/12129-vstrecha-rukovoditelej-ryada-politicheskikh-partij-i-obshchestvennykh-organizatsij-abkhazii/> (дата обращения 19.01.2021).

³ То, с чем мы столкнулись после выборов 2020 года — это катастрофа. Причем во всех сферах // Абхазия-информ. 29.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/12165-to-s-chem-my-stolknulis-posle-vyborov-2020-goda-eto-katastrofa-prichem-vo-vsekh-sferakh/> (дата обращения 19.01.2021).

Абхазии¹. Интересная деталь: под обоими этими заявлениями стоят — вместе с другими подписями — подписи «Единой Абхазии» и «Айтара», но отсутствует подпись «Амцхаара». Возможно, что это мелочь, не имеющая отношения к политике. Однако в накаленной общественной атмосфере это не может не породить различных специфических интерпретаций.

Таким образом, к концу 2020 г. в абхазской политике сложилось три лагеря: провластный фронт и две оппозиционные группировки. Совершенно очевидно, что формирование основных политических альянсов — как провластных, так и оппозиционных — продолжится в течение 2021-2022 гг.

Заключение

Повторные президентские выборы 2020 г. привели лишь к частичной стабилизации политической обстановки. Более того, пандемия коронавируса способствовала нарастанию многих кризисных тенденций в экономике, а вместе с ней и в политике. Однако налицо главное отличие этой ситуации от того, что было в абхазской политике последние несколько лет. Если абхазский политический кризис 2014-2019 гг. во многом был связан с субъективными действиями различных политических акторов, то теперь на процесс воздействуют объективные факторы, не связанные с собственно абхазскими процессами. Не исключено также, что различные последствия Второй карабахской войны (политические, экономические, миграционные и т.д.) будут также оказывать давление на абхазскую политику.

Если подводить итоги нескольких месяцев президентства Аслана Бжания, то при отсутствии каких-либо кардинальных прорывов следует признать, что главе государства удалось сохранить единство поддерживавших его политических сил и игроков. Более того, сохранив часть министров периода Хаджимба, Бжания показал, что не собирается строить свою кадровую политику по партийному принципу или принципу личной лояльности. А некоторые его жесты в адрес основного соперника на выборах (поездка в Москву на Парад Победы) говорят о том, что он готов даже строить с ним партнерские отношения.

Однако некоторые обстоятельства (пандемия и т.д.) объективно ведут к снижению рейтинга власти. Отметим, что в конце декабря 2020 г. и в первые недели 2021 г. эпидемиологическая обстановка в стране резко ухудшилась (более ста выявленных заболевших каждый день, а за первые 14 дней нового — 2021 — года скончалось 27 человек), а сама болезнь затронула и первых лиц. Так, коронавирус

¹ Поздравление от партий и организаций // Абхазия-информ. 31.12.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://abkhazinform.com/item/12167-pozdravlenie-ot-partij-i-organizatsij/> (дата обращения 19.01.2021).

в легкой форме был выявлен у Аслана Бжания, а также у Александра Анкваб, болезнь которого протекала в тяжелой форме (вывезен на лечение в Москву!).

Власти пошли на ужесточение карантинных мер (в частности, были закрыты все заведения общепита). При этом часть общественности требовала введения полного локдауна (включая закрытие предприятий туристического сектора). Совершенно очевидно, что уже существующие меры ведут к серьезным экономическим потерям, и что абхазские власти вынуждены выбирать между двумя целесообразностями — экономической и эпидемиологической. При этом каждое решение обладает своими издержками.

Кроме того, активизации оппозиции способствуют: а) различные ЧП, не связанные с пандемией (например, лесные пожары января 2021 г.), б) проблемы в энергетической сфере, в) признаки отсутствия единства во властной команде (публичные демарши Ахры Авидзба и Рената Карчаа). Особо в этом ряду следует выделить фактор российско-абхазских отношений. Не исключено, что если оппозиция посчитает, что между Москвой и администрацией Бжания возникли трения, то это станет сигналом для ее активизации.

Возможно, что в будущем оппозиция воспользуется этим и попытается радикализовать процесс (в том числе — и с помощью митингов). Естественным препятствием на пути такой радикализации может быть как способность власти мобилизовать «свою улицу», так и объективная усталость значительной части абхазского общества от политики вообще.

И в этой ситуации, по всей видимости, главным инструментом оппозиции станет парламентская трибуна. Отметим, что сформированный в 2017 г. парламент состоит из сторонников бывшей власти (Новиков 2018). В этой связи стоит указать, что одна из оппозиционных групп — АНД — выступает за принятие специального законодательства, регулирующего процедуру импичмента. А другая оппозиционная группа — «Аидгылара» — выступила с инициативой проведения специальной сессии парламента и вынесения вотума недоверия Бжания и Анкваб.

Такая ситуация требует от власти большой гибкости и нестандартных политических ходов. Причем ходов в очень широком диапазоне — от мобилизации «своей улицы» до умения работать с депутатским корпусом, использовать противоречия между оппозиционными группами и т. д.

Кроме того, следует обратить внимание и на то, что в абхазской политике начался процесс смены поколений. В пользу этого говорит не только выдвижение на политической арене Адгура Ардзинба как кандидата от «бывшей власти», но и появление в провластном лагере плеяды молодых политиков (Бадра Гунба, Лаша Ашуба, Юрий Хагуш, Алхас Барзания). Именно эти люди вместе с другими, чьи имена пока не на слуху, будут играть в ближайшие годы все большую роль как во власти, так и в оппозиции.

Научная литература

Муханов В. М., Новиков В. В. К вопросу об инвестиционном климате в Абхазии и перспективах его улучшения // Ежегодник ИМИ. № 1 (11). 2015. С. 49-62.

Муханов В. М. Крах «Грузинской мечты» или его начало? // Запад–Восток–Россия-2019. Ежегодник ИМЭМО. М., 2020. С. 93-94.

Новиков В. В. Абхазия в 2014-2017 гг. (Динамика внутривнутриполитического кризиса) // Международная аналитика. № 1. 2018. С. 101-110.

Новиков В. В. Абхазия — 2018: динамика внутривнутриполитического процесса в перспективе президентских выборов // Международная аналитика. № 1-2. 2019а. С. 104-113.

Новиков В. В. Абхазия-2019: от Хаджимба до Хаджимба // Международная аналитика. № 3. 2019б. С. 71-82.

Силаев Н. Ю., Волхонский М. А., Муханов В. М., Мартыросян Д. Г. Абхазия после президентских выборов: время ответственных решений // Ежегодник ИМИ. № 1 (2). 2012. С. 137-152.

Скаков А. Ю. Абхазия в 2018 году: перспективы «абхазского проекта», вызовы и возможности // Центральная Евразия. № 2. 2018. С. 64-92.

Скаков А. Ю., Муханов В. М. Социально-политическая ситуация в Абхазии и российско-абхазские отношения // Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. В 2-х т. Т. 2. М., 2017а. С. 95-121.

Скаков А. Ю., Муханов В. М. Абхазия: предварительные социально-политические итоги 2017 г. // Международная аналитика. № 3 (21). 2017б. С. 43-55.

References

Mukhanov, V.M. 2020. Krakh “Gruzinskoy mechty” ili ego nachalo? [The collapse of the “Georgian Dream” or its beginning?]. In: *Zapad–Vostok–Rossiya-2019. Egegodnik IMEMO [West–East–Russia-2019. Yearbook of IMEMO]*. Moscow. P. 93-94.

Mukhanov, V.M., Novikov, V.V. 2015. K voprosu ob investitsionnom klimate v Abkhazii i perspektivakh ego uluchshenia vyborov [On the investment climate in Abkhazia and prospects for its improvement]. In: *Egegodnik IMI [IMI Yearbook]*, № 1 (11). P. 49-62.

Novikov, V.V. 2018. Abkhazia v 2014-2017 (Dinamika vnutripoliticheskogo krizisa) [Abkhazia in 2014-2017 (Dynamics of the internal political crisis)]. In: *Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics]*, № 1. P. 101-110.

Novikov, V.V. 2019a. Abkhazia v 2018: Dinamika vnutripoliticheskogo protsessa v perspective prezidentskikh vyborov [Abkhazia in 2018: The dynamics of the domestic political process in the perspective of the presidential election]. In: *Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics]*, № 1-2. P. 104-113.

Novikov, V.V. 2019b. Abkhazia ot Khadzhimba do Khadzhimba [Abkhazia-2019: from Khadzhimba to Khadzhimba]. In: *Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics]*, № 3. P. 71-82.

Silaev, N.Y., Volkhonsky, M.A., Mukhanov, V.M., Martirosyan, D.G. 2012. Abkhazia posle prezidentskikh vyborov: vremya otvetstvennykh resheniy [Abkhazia after the presidential elections: time for responsible decisions]. In: *Egegodnik IMI [IMI Yearbook]*, № 1 (2). P. 137-152.

Skakov, A. Yu. 2018. Abkhazia v 2018 godu: perspektivy “abkhazskogo proekta”, vizovy i ugrozy [Abkhazia in 2018: prospects of the “Abkhazian project”, challenges and opportunities]. In: *Tsentrlnaya Evrazia [Central Eurasia]*, № 2. P. 64-92.

Skakov, A. Yu., Mukhanov, V.M. 2017a. Sotsial’no-politicheskaya situatsiya v Abkhazii i rossiysko-abkhazskie otnosheniya [Socio-political situation in Abkhazia and Russian-Abkhazian relations]. In: *Postsovetkiye gosudarstva: 25 let nezavisimogo razvitiya [Post-Soviet States: 25 years of independent development]*, vol. 2. P. 95-121.

Skakov, A. Yu., Mukhanov, V.M. 2017b. Abkhaziya: predvaritelnye sotsial’no-politicheskie itogi 2017 goda. In: *Mezhdunarodnaya analitika [International Analytics]*, № 3 (21). P. 43-55.

ПОВОЛЖЬЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Патрушев Валерий Степанович

Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия,
valpatr92@gmail.com

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВОЛЖСКИХ ФИННОВ

Аннотация: Автор работы рассматривает развитие предков финноязычных народов от эпохи камня до средневековья. В эпоху развитой бронзы в XVI–IX вв. до н. э. в Среднем Поволжье в ходе смешения предков финно-пермских племен приказанского облика и западного финноязычного населения с текстильной керамикой формируются этнические основы населения ахмыловского облика. В VIII–VI вв. до н. э. в контактной зоне прикамских племен ананьинской историко-культурной общности и средневожских племен появляется общность волжских финнов (ахмыловская культура) — предков мари, мери и муромы. Именно племена ахмыловского облика стали основой формирования марийского народа, о чем свидетельствуют многочисленные параллели в материальной и духовной культуре.

Ключевые слова: происхождение, волжские финны, дискуссионные проблемы.

Для цитирования: Патрушев В. С. Дискуссионные проблемы происхождения волжских финнов // Центральная Евразия. № 1 (5). М., 2021.

Valery S. Patrushev

Mari State University, Yoshkar-ola, Russia, valpatr92@gmail.com

DEBATABLE PROBLEMS OF VOLGA FINNS PEOPLES ORIGIN

Abstract: The author of the work examines the development of the ancestors of the Finnish-speaking peoples from the Stone Age to the Middle Ages During the developed Bronze Age in the 16th – 9th centuries BC in the Middle Volga region during the mixing of the ancestors of the Fin-

no-Perm tribes of the Prikazan appearance and the western Finnish-speaking population with textile ceramics. In the 8th – 6th centuries BC in the contact zone of the Kama tribes of the Ananyin historical and cultural community and the Middle Volga tribes, a community of Volga Finns (Akhmylov culture) appears the ancestors of the Mari, Meri and Murom. It was the tribes of the Akhmylov appearance that became the basis for the formation of the Mari people, as evidenced by the numerous parallels in material and spiritual culture.

Keywords: origin, Volga Finns, debatable problems.

For citation: Patrushev, V.S. 2021. Diskussionnye problemy proiskhozhdeniya volzhskikh finnov [Debatable problems of Volga Finns peoples origin]. In: *Tsentr'al'naya Evraziya [Central Eurasian Studies]*, no. 1 (5). – (in Russ.).

Введение

Древняя история волжских финнов тесно связана с историей других финно-угорских народов. Меря, мурома и мари как отдельные народы упоминаются в «Повести временных лет» (ПВЛ, Ч. I. М. — Л., 1950). Марийцы как особый этнос выделились в середине I тыс. н. э. (Никитина 2020: 36). Однако в предыдущие века и тысячелетия формировались этнические и культурные традиции волжских финнов. В наше время важно осознать роль финно-угров в общей сокровищнице культуры народов России, узнать исторические корни и истоки многих сторон материальной и духовной культуры, показать представителям финно-угорских народов их великий путь и великие достижения, которые дают им право гордиться историей своего народа.

1. Предки финноязычных народов в эпоху камня

О происхождении финно-угров существуют разные точки зрения, основательно рассмотренные А. Х. Халиковым (Халиков 1969: 370-386), П. Хайду (Хайду 1985: 185) и Г. Вереш (Veres 1991):

1. М. А. Кастрен, Ф. Видеман и их последователи прародину финно-угров помещали в предгорьях Алтая и Саян в Сибири. Такая точка зрения появилась в связи с ошибочной трактовкой набора орудий труда эпохи неолита как древнейших палеолитических орудий;

2. Э. Н. Сетяля и его сторонники прародину финно-угров помещали на Средней Волге и в Прикамье;

3. О. Альмгрен и Й. Айлио формирование финно-угров связывали с лесными и лесостепными областями Европы от Волги до Прибалтики. Эту точку зрения поддерживали археологи А. Я. Брюсов и Х. А. Моора;

4. П. Н. Третьяков, рассматривая эту точку зрения, ограничил область фор-

мирования финно-угорской основы в эпохи мезолита и неолита районами Среднего Урала с прилегающими к нему Прикамьем и Зауральем;

5. А. Х. Халиков, основываясь на наличии палеосибирских и палеоевропейских компонентов в археологическом материале, писал о первоначальном формировании племен уральской общности на территории Волго-Камья, Приуралья и Зауралья, ограниченной на западе бассейном р. Оки, на юге Жигулями, на севере верховьями Вятки и Камы и на востоке р. Обью;

6. Была также не принятая другими учеными точка зрения С. П. Толстова и В. Н. Чернецова о формировании финно-угорской общности в Приаралье и Восточном Прикаспии на базе кельтеминарской культуры, племена которой продвинулись в Приуралье и Прикамье.

Мнения исследователей отражали попытку привести в соответствие лингвистические и археологические материалы. При этом налицо ограниченные возможности как археологической науки, так и лингвистики. Обращение к выводам антропологов также не давало возможности выйти из замкнутого круга, поскольку сторонники тех или иных взглядов за основу брали различные исторические периоды, чаще всего начиная от неолита, и нередко обходили древнейшие пласты.

На современном уровне знаний, исходя из археологических данных, автору спорной представляется традиционная точка зрения о существовании единой уральской общности в древнейшие эпохи предположительно в областях Приуралья, Западной Сибири близ Урала или в более обширных районах. Автор склоняется к мнению о первоначальном раздельном развитии предков финноязычных племен Европы и предков угорско-самодийских племен Сибири, по крайней мере, до эпохи среднего мезолита. Но вместе с тем, исходя из этого мнения, закономерен вопрос Иштвана Фодора (Фодор 2008: 44) в комментарии к пленарному докладу автора «Современное состояние и перспективы финно-угорской археологии в России» на X Международном конгрессе финно-угроведов в Йошкар-Оле в 2005 г.: а как же быть с общим словарным составом уральских языков и мнением языковедов о существовании единого языкового пласта, доказанном методом лингвистической палеонтологии? Такой единый пласт, по мнению И. Фодора, не мог появиться во время поздних контактов в короткое время.

В книге «Ранняя история финно-угорских народов Европейской России», изданной в Финляндии, представлено понимание автором картины развития финноязычных народов на ранних этапах развития (Patrushev 2000: 26-44). Точка зрения автора сложилась благодаря учитыванию взглядов большой группы ученых, специалистов в разных областях наук, объединенных в рамках международной программы «Истоки языков и народов Северной Европы» под руководством председателя Общества «Фенно-Угрика» профессора Кюести Йулку.

Генетические данные позволяют утверждать, что древнейшим населением Европы были далекие предки финноязычных народов (Patrushev 2000: 26-35). Через некоторое время в Европу из южных регионов (академик Т. В. Гамкрелидзе в своем докладе в г. Торнио в 1997 г. привел доказательства об их передвижении через Кавказ), пришла другая группа древнего населения — древнейшие предки индоевропейских народов. Вскоре обе группы населения смешались и сформировалась общность предков финноязычных и индоевропейских народов, просуществовавшая примерно до IX тыс. до н.э.

Древнейшие этапы истории предков финноязычного населения Европы относятся к эпохе палеолита, ко времени их прихода в Европу и существования единой общности предков финноязычных и индоевропейских народов. Вместе с тем, следует согласиться с критическими замечаниями Иштвана Фодора (Фодор 2008: 44-45) по поводу выделения предков финноязычных и индоевропейских групп населения в эпоху палеолита, что прозвучало в докладе автора на X Международном конгрессе в Йошкар-Оле в 2005 г.

Начало эпохи верхнего палеолита ознаменовалось появлением людей современного биологического типа (*Homo sapiens*). Это время приходится на более холодное вюрмское (или валдайское) оледенение. Но именно к этому времени относится резкое увеличение количества археологических памятников. К ранней эпохе верхнего палеолита относятся стоянки в Волго-Очье и Приуралье. К сожалению, Волго-Окские памятники типа Карачаровской близ г. Муром и Юнго-Кушергинской в Горномарийском районе Республики Марий Эл плохо изучены и их точный геологический возраст не известен (Халиков 1967). Лишь по аналогии с другими памятниками северо-востока Европейской России они предположительно датированы эпохой молого-шекснинского межледниковья (XXX-XXIV тыс. до н.э.) (Рогачев, Аникович 1984: 169 и сл.). С палеолитическими первопроходцами этого периода и более поздними предками финноязычных народов трудно проследить какую-либо связь, поскольку вся Русская равнина длительное время была покрыта водными просторами. Как считает П. П. Борисковский (Борисковский 1984: 352-355), в эпоху верхнего палеолита выделяются отдельные археологические культуры, которые можно отождествлять с племенами или группой родственных племен. Однако в недрах верхнепалеолитических общностей или отдельных археологических культур на археологическом материале трудно уловить какие-либо этнические признаки уральских или индоевропейских народов. Результаты генетических исследований говорят о единых генетических кодах представителей индоевропейских и финноязычных народов, а языковеды отмечают древний общий пласт языковых особенностей в языках указанных групп народов (Julku 1997; Ku'nnap 1997; Pustay 1997; Saukkonen 2006; Cavalli-Sforza et al. 1994; Wiik 1997). Однако какая-то определенная прародина уральских народов археологически в этот период не прослеживается.

Верхний палеолит на территории Восточной Европы завершился с окончанием плейстоцена и началом голоцена приблизительно 12 тыс. лет назад. С этого времени начинается эпоха мезолита. Наиболее полновесными обобщениями по мезолиту России являются работы отечественных археологов в томе «Мезолит СССР» под редакцией Л. В. Кольцова (М., 1989). Автор данной статьи признателен Л. В. Кольцову за четкую характеристику проблем расселения предков финноязычных племен в эпоху мезолита во время его беседы с профессором Кюести Йулку в Институте археологии РАН в 1999 г. (автор был переводчиком их беседы на финский язык и также сам задавал уточняющие вопросы). В результате беседы с привлечением материалов опубликованных работ самого Л. В. Кольцова (Кольцов 1989а; Кольцов 1989б) сложилась следующая картина. В эпоху мезолита в IX тыс. до н.э. далекие предки финноязычных племен отделились от единой общности предков индоевропейских и финноязычных народов. Одна группа племен отделилась от свидерской культуры на территории Восточной Европы (территория современной Польши с прилегающими районами), а другая — от аренсбургской культуры Центральной Европы (территория Германии с прилегающими районами).

Обе группы в разное время и разными путями дошли до Волго-Окского междуречья в IX тыс. до н.э. и смешались между собой. Отделившиеся от свидерской культуры племена археологами были выделены в бутовскую культуру круга постсвидерских культур Восточной Европы. Элементы этой культуры прослеживаются в Среднем Поволжье, на Нижней Оке, Костромской и Ярославской областях, а также в Новгородской области и даже в бассейне Сухоны. Вторая волна финноязычных племен, отделившихся от аренсбургской культуры, сначала пришла в Верхнее Поднепровье, а оттуда часть из них прошла также в Волго-Окское междуречье, часть на северо-запад территории России и в Прибалтику. Археологами выделившиеся от аренсбургской культуры финноязычные племена в Волго-Окском междуречье были названы иеневской культурой. По мнению Л. В. Кольцова, она, наряду с культурами Фосна и Комса в Скандинавии и памятниками типа стоянки Песочный Ров на Верхнем Днепре, входит в постаренсбургскую культурную общность.

В Волго-Окском междуречье бутовские и иеневские племена смешались и продвинулись на восток до Среднего Поволжья и Прикамья, а также на север. Во всех указанных регионах прослежены западные постаренсбургские или постсвидерские черты, а на многих памятниках и те, и другие. В свою очередь, элементы иеневской культуры вместе с аренсбургскими чертами проявились на памятниках усть-камской культуры, а средневолжские памятники типа поселений Яндашевская, Русско-Луговская II, Кабы-Копрынская, генетически связанные с бутовской культурой, содержат явные постсвидерские

черты. В последнее время в Марийском Поволжье В. В. Никитиным исследовано более 100 мезолитических памятников, которые по некоторым признакам сближаются с бутовскими, а по другим признакам одновременно они близки к иеневским памятникам (Никитин 1996: 39).

Широкое распространение близких культурных элементов с постаренбургскими и постсвидерскими чертами вплоть до Урала свидетельствует о едином культурном пласте, объединяющем древности финноязычных и индоевропейских народов на самых ранних этапах их развития, на широкой территории Центральной и Восточной Европы, что соответствует выводам исследователей по программе «Истоки народов и языков Северной Европы» (Patrushev 2000: 39-44; *The Roots of Peoples and Languages of Northern Eurasia*. I. Turku, 1998; II, III. Tartu, 2000).

Новые результаты исследований позволяют подвергнуть исторической реабилитации мнение Г. Коссинны (Kossinna 1909; 1911) и ряда языковедов и генетиков о формировании предков финноязычных народов на территории Центральной Германии или на более обширной территории Европы от Днепра и далее на запад (Julku 1997: 254-257). Резкая критика советской науки в адрес «реакционных» западных ученых и особенно «буржуазной науки» генетики в советское время не дали возможности развить данную точку зрения российских исследователями.

Л. В. Кольцов (Кольцов 1989б) пришел к выводу, что в районы Прикамья, как показывают материалы камской культуры эпохи мезолита, пришло население из Среднего Зауралья. Очевидно, продвижение в Прикамье зауральского населения послужило началом взаимодействия предков западных финноязычных и восточных угорско-самодийских групп населения. Именно для VIII-VII тыс. до н. э. можно говорить о формировании уральской общности в результате взаимодействия европейских финноязычных и зауральских угорско-самодийских племен. Хотя на современном уровне знаний спорным представляется вопрос о существовании единой уральской общности в VIII-IV тыс. до н. э. предположительно в областях Приуралья, Западной Сибири близ Урала или более обширных районах (Ткаченко 1985: 159; Халиков 1969: 386; Veres 1991 и др.). Весьма привлекательно мнение венгерского исследователя Яноша Пустай (Pusztay 1997: 9-14) о существовании сети прародин и отсутствии компактной прародины уральских народов. Во многом расходятся выводы археологов, этнографов, фольклористов с лингвистическими исследованиями по проблемам уральской типологии, ранней фазы развития уральских языков, с результатами сравнительно-исторического анализа лексики уральских, индоевропейских и дравидийских языков, что усложняет решение проблем этногенеза уральских народов. Таким образом, требуется пересмотр традиционных взглядов о формировании уральских языков и на-

родов из одной прародины в области Урала и близлежащих территорий, что противоречит результатам новейших генетических (Кавалли-Сфорса, Савон-таус, Нисканен) и языковых (Кюннап, Маккау, Пустай, Вийк) исследований (The Roots of Peoples and Languages of Northern Eurasia. I. Turku, 1998; II-III, Tartu, 2000; Patrushev 2000: 44).

Мезолит просуществовал до VI тыс. до н.э. С распространением новых технологий изготовления орудий труда (пиление, шлифование, сверление) наступила новая эпоха — неолит или новокаменный век. На территории расселения финноязычных племен неолит датируют концом VI-III тыс. до н.э. В эпоху неолита благодаря появлению керамики, важнейшего вещественного источника, более ярко проявляются этнические процессы.

Дискуссионными остаются проблемы определения этнической принадлежности племен культуры ямочно-гребенчатой керамики в западной части финно-угорского мира. Д. А. Крайнов (Крайнов, Хотинский 1977) население данной культуры считал древнейшей основой финноязычных народов — протофиннами. Позже он писал уже о значительной роли в формировании племен культуры ямочно-гребенчатой керамики индоевропейского населения верхневолжской культуры, потомков бутовцев (Крайнов 1996). Однако сами бутовцы, если принять точку зрения Л. В. Кольцова и западных ученых, являлись одной из древнейших основ финноязычных племен. Вместе с тем, этническая картина в финно-угорском мире усложняется появлением значительных групп населения с накольчатой керамикой из верховий Дона, что приводит к появлению смешанных комплексов с накольчатой и ямочно-гребенчатой керамикой (Габяшев 1978; Никитин 1996 и др.). Не совсем понятна роль населения с накольчатой керамикой в этнических процессах, как и его этническая принадлежность.

2. Финноязычные племена Поволжья в эпоху бронзы

В эпоху энеолита (конец III — начало II тыс. до н.э.) значительно усложняется этнокультурный состав населения лесного Поволжья и Приуралья. На территории лесной зоны племена волосовской культуры, появившиеся еще в эпоху неолита, расселились от устья Камы почти до Прибалтики и от Вологды до Пензы и составили историко-культурную общность финноязычных племен (Крайнов 1987).

Волосовская культура рядом исследователей (Бадер 1970; Крайнов 1987; Третьяков 1966; Халиков 1969 и др.) признана основой всех поздних финноязычных групп населения.

В волосовскую эпоху финно-угорское население Поволжья испытало значительное влияние индоевропейского населения культуры боевых топо-

ров и шнуровой керамики, далеких предков немцев, шведов, славян и балтов, или же, по другой версии, предков балтоязычных народов. В восточных районах расселения они известны как племена балановской культуры (Бадер, Халиков 1976). Их поселения немногочисленны. В основном известны места погребений и многочисленные отдельные находки каменных сверленных топоров.

Материальная культура пришлых балановцев значительно отличается от волосовской культуры местных финно-угров (Бадер, Халиков 1976).

Балановцы были скотоводами. Погребальный обряд балановцев также значительно отличается (Бадер, Халиков 1976). У волосовцев для этого периода вообще характерно очень слабое распространение обряда погребения умерших в земле (Халиков 1969: 127-162); очевидно, у них был распространен обряд наземных захоронений, или же покойников отправляли на лодках по воде. А у балановского населения в могилы под курганами или без насыпей умерших укладывали в согнутом положении на левом (мужчин) или на правом (женщин) боку. В процессе раскопок нередко удавалось проследить остатки внутримогильных сооружений в виде плетеной из прутьев корзины с четырьмя ручками по углам.

Балановские племена оказали огромное влияние на местное финно-угорское население. Между ними сложились мирные добрососедские отношения. Со временем началось смешение двух разноэтнических групп, завершившееся появлением нового этноса — сначала названного чирковско-сейминской (Халиков 1969: 190 и сл.), позднее чирковской (Соловьев 2000: 55-58; Халиков 1987а) культурой.

Совершенно иной характер взаимоотношений установился у волосовских племен с пришлыми из Подонья скотоводческими ираноязычными племенами. На абашевском Пепкинском кургане в Горномарийском районе можно видеть следы жестоких сражений пришельцев и волосовских племен. В братской могиле открыты костяки двадцати восьми воинов-абашевцев, многие из которых имеют следы боевых ран (Халиков, Лебединская, Герасимов 1966). Абашевцы были вытеснены из Среднего Поволжья финно-уграми.

В эпоху развитой бронзы (XVI-IX вв. до н.э.) на базе волосовского населения под сильным воздействием ираноязычных племен срубной культуры формируется своеобразная культура — поздняяковская (Бадер, Попова 1987). Поздняковское население занимало бассейны Верхней и Средней Оки, на востоке доходя до Среднего Поволжья, а на западе — до Десны и районов севернее Верхней Волги (рис. 1, а). Могильники и поселения поздняяковской культуры датируются приблизительно XV-XI вв. до н.э. Их датировка более поздним временем вызывает сомнения, поскольку поздняяковцы примерно с рубежа — I тыс. до н.э. были ассимилированы финноязычным населением с текстильной керамикой (Бадер, Попова 1987: 135-137; Патрушев 1989а: 18).

К востоку от поздняяковцев в Прикамье и близлежащих областях обитало пестрое в этническом отношении население, А. Х. Халиковым (Халиков 1969:240 и сл.; Халиков 1987б) объединяемое в приказанскую культуру (рис. 1, б). В последнее время больше принято говорить о нескольких культурах внутри приказанской историко-культурной общности — луговской и ма-класеевской (Кузьминых, Чижевский 2009: 32; Лыганов 2013: 12-13). Приказанские племена составили общность предков финно-пермских народов. Общепризнанная датировка единой культуры — XVI-IX вв. до н.э. Однако в Среднем Поволжье приказанские племена, смешавшись с населением с текстильной керамикой, уже в XIV-X вв. до н.э. приобретают новые этнические черты (Патрушев 1989б: 26 и сл.; Халиков 1969: 319 и сл.).

Приказанские поселения располагаются группами на надлуговых территориях крупных рек. Для раннего периода в основном характерны соединенные друг с другом полуземлянки, а позднее появляются большие наземные дома, подобные открытому на 4 Кокшайском поселении (Патрушев, Лавенто 2019: Рис. 45). Оформившийся у приказанцев свой очаг металлургии представлен бронзовыми кельтами с лобным или боковыми ушками, наконечниками копий с прорезным пером и определенным набором украшений.

Для выяснения проблем этногенеза и развития финноязычных народов важное значение имеет изучение круга вопросов, связанных с появлением и ранней историей населения с текстильной (с отпечатками тканей на внешней поверхности) керамикой (рис. 2). Население с текстильной (известной также как сетчатой, псевдосетчатой, ложнотекстильной, ниточно-рябчатой) керамикой в эпохи бронзы и раннего железа играло значительную роль в этногенетических процессах Северной Европы и Поволжья. Текстильная керамика распространилась на огромной территории от устья Камы в Поволжье на востоке, включая центральные и северные регионы России, до Скандинавии на западе (рис. 1, в).

Важнейшей особенностью такой керамики являются текстильные (ниточные) и сетчатые (рябчатые) отпечатки на поверхности сосудов в результате распространения своеобразных технологических приемов их изготовления с целью уплотнения глиняной массы. Такая керамика довольно подробно охарактеризована автором (Патрушев 1989а: 22 и сл.; Патрушев 2016: 194-224 и др.). Автор считает, что существовала единая финноязычная общность, представленная населением с текстильной керамикой. Эта общность объединяла все финноязычные этносы со своими локальными особенностями.

В Среднем Поволжье в эпоху развитой бронзы складывалась особая этнокультурная ситуация: в контактной зоне между западными (культура текстильной керамики) и камскими племенными группами приказанского облика формируется культурный комплекс смешанного облика. В ходе контактов двух

указанных групп были созданы благоприятные условия для сложения особой этнической общности на уровне начальных этапов ассимиляции — адаптации и аккумуляции. Решающим шагом в этом процессе стало, очевидно, установление эндогамных отношений вследствие хозяйственной необходимости и культурных связей. Такой хозяйственной необходимостью, скорее всего, был металл: зависимость в сырье и металлических изделиях побудила носителей текстильной керамики вступить в тесный контакт с прикамским населением приказанского облика. Средневожские памятники XIV-IX вв. до н.э. содержат довольно значительный процент текстильной керамики (в том числе в Марийском Поволжье на поселениях База Отдыха 2, Сосновая Грива 3, 4 Кокшайском и Ахмыловском до 42%). На поселениях подобное сочетание встречено также в одних и тех же жилищах. Последний факт особенно ярко характеризует этническую картину. Родовые группы не могли не общаться в силу экзогамно-эндогамных брачных отношений, а эндогамные группы, какими являлись на поселениях эпохи бронзы носители приказанской, с одной стороны, и текстильной керамики, с другой, могли принадлежать только к единой этнической общности.

Совместное проживание двух групп населения вызвало появление специфической керамики с ниточными или рябчатыми (нередко и теми и другими) отпечатками на поверхности сосуда ниже горла и гладкой поверхностью по горлу, украшенной приказанскими узорами, характерными для восточных районов этой культуры. Подобное явление можно наблюдать в Татарском, Марийском и Нижегородском Поволжье, т.е. на всей территории расселения прикамского населения приказанского облика, которое смешалось с племенами с текстильной керамикой.

По мнению автора, именно смешение западных финноязычных и восточных финно-пермских племен дало основу для формирования раннего, кокшайского этапа ахмыловской культуры; данное население стало этнической основой волжских финнов (Патрушев 1984: 202). Вместе с тем, возможно, следует согласиться с мнением Б. С. Соловьева (Соловьев 2000: 94-96), что нельзя говорить о формировании единой культуры ахмыловского облика в эпоху бронзы, подобно чирковской в волосовскую эпоху. Хотя остается загадкой, как в первобытном обществе в условиях обособленного развития родоплеменных групп могли появиться почти на всех поселениях и даже в одних и тех же жилищах смешанные приказанские и текстильные комплексы керамики, свидетельствующие о брачных отношениях между этими племенами. И как могли появиться многочисленные фрагменты посуды со смешанными чертами приказанской и текстильной керамики (Патрушев, Лавенто 2019: 100-109)? И самое удивительное, смешанные приказанско-текстильные комплексы посуды на поселениях Среднего Поволжья встречены в течение

шести столетий — с XIV до IX вв. до н.э. (по датам, полученным по методу АМС по нагару на фрагментах посуды поселения База Отдыха 2, 4 Кокшайского и Ахмыловского поселений). Не объясняет ситуацию и наличие редких поселений только с текстильной керамикой (Козьмодемьянское поселение на острове Мольбище) или только приказанской, что может говорить лишь о приходе небольших новых групп населения с территории расселения племен с текстильной керамикой и из Прикамья в родственную среду. Б. С. Соловьев, ориентируясь на узкий материал одного памятника волосовского времени и прослеживая формирование новой чирковской культуры в ходе смешения волосовских и балановских племен, не учитывает условность этнических признаков и огромного разнообразия этногенетических процессов, о чем писал в свое время Б. А. Рыбаков (Рыбаков 1981: 215-216). К тому же среди археологов нет единства в определении самой археологической культуры (Патрушев 1984: 187).

В последнее время С. В. Кузьминых и А. А. Чижевский (Кузьминых, Чижевский 2017: 24) согласились с мнением о формировании нового этнического образования, поскольку пишут о «единой атабаевско-«текстильной» основе многокомпонентного культурного образования маклашеевского керамического комплекса.

Археологические памятники эпохи поздней бронзы (XIV-IX вв. до н.э.) дают представление о новых достижениях древнего населения. В это время более высокого уровня развития достигли все отрасли хозяйства, как это видно по результатам исследований хозяйства волжских финнов (Лыганов 2013; Патрушев, Лавенто 2019).

3. Волжские финны в эпоху раннего железа

Эпоха железа в Восточной Европе началась с широкого производства железа в наиболее передовых областях в основном в VIII-VII вв. до н.э. Внедрение в хозяйство и быт наиболее совершенных орудий из железа привело к техническому перевороту. Открытие железа повысило производительность труда, способствовало широкому распространению положительного технического опыта. Повсеместно устанавливаются новые торговые, военные и культурные связи как между соседними, так и более отдаленными племенами. Лесное Поволжье достигло уровня развития наиболее передовых племен Восточной Европы.

Многие исследователи отмечают усложнение этнических процессов в начале эпохи железа в среде населения лесного Поволжья. Могильники Поволжья отличаются культурной неоднородностью погребального инвентаря и обряда. Поэтому в 1960-1970-х гг. Марийское Поволжье с прилегающими

районами некоторые исследователи относили к городецкой культуре (Гуляев 1962; Смирнов 1949; Смирнов 1952; Смирнов 1961; Третьяков 1966; Трубникова 1953), а другие — к восточной ананьинской (Архипов 1973; Халиков 1967; Халиков 1977). Особым (западновожским) вариантом ананьинской культуры ранее считал Марийско-Чувашское Поволжье и автор (Патрушев 1971: 5). Однако явное отличие глиняной посуды, металлических предметов, погребального обряда таких памятников и особенно обработка банка данных с материалами раскопок могильников Волго-Камья с использованием статистических методов заставили пересмотреть вопрос об их культурной принадлежности, и автором они выделены в особую ахмыловскую культуру (Патрушев 1979: 43-45; 1982: 1-43; 1984: 199, 201-202; 1989а: 3 и сл.; 1992а: 56 и сл.; 2009: 53 и сл.; 2011а: 70 и сл.; 2011б: 55-75; 2020а: 24-33; 2020б: 250-259; Patrushev 2000: 100-142).

Наличие уплощенных ананьинских и аозинско-меларских с трубчатой втулкой форм кельтов на волжских памятниках без привлечения других черт материальной культуры населения привело С. В. Кузьминых к выводу о том, что «погребения с ананьинскими кельтами и наконечниками копий в Старшем Ахмыловском, Аозинском, Альминском, Ташкерменском, VI Семеновском, I Новомордовском могильниках принадлежат ананьинской культуре, погребения с аозинско-меларскими кельтами в тех же могильниках — средневожской текстильной культуре, которую он затем называет аозинской (Кузьминых 1977: 4; Кузьминых 1983: 157).

С. В. Кузьминых «аозинскую культуру» фактически выделяет на основании единственной группы изделий из всего многообразия материала — аозинско-меларских кельтов. Не улучшает положения указание на связь этих кельтов с средневожской текстильной керамикой, поскольку кроме ссылки, что она связана своим происхождением с Волго-Окским бассейном (что не соответствует действительности), никакой характеристики не содержит. К тому же ни на Старшем Ахмыловском, ни на Аозинском, а также на устькамских могильниках вместе с такими кельтами ни разу не встречена текстильная керамика. Совершенно не понятно, как можно выделять аозинскую культуру текстильной керамики, ничего не зная о такой керамике. Масштабные исследования автором данной статьи такой керамики из 240 памятников Европейской России с использованием широкого круга статистических методов (Патрушев 1992а: 56 и сл.; 2009: 53 и сл.; 2016: 194-224; Patrushev 2000: 100-142) явно доказывают, что никакой «аозинской культуры текстильной керамики» в Марийском Поволжье не существует. Основательная критика несостоятельности выделения С. В. Кузьминых аозинской культуры представлена автором в предыдущих работах (Патрушев 1984: 183-186; 2011а: 70; 2011б: 72-73).

Предположения С. В. Кузьминых о выделении аозинской культуры подхватывают другие исследователи. А. А. Чижевский (Чижевский 2008: 24 и сл.) на могильниках Марийского Поволжья выделяет уже не две культуры, как Кузьминых, а три — могилы аозинской, постмаклашеевской культур и ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики, уже выделенным не только по кельтам ананьинского и аозинско-меларского типов, но еще по особенностям погребальной обрядности. Противоречит здравому смыслу картина распространения погребальных комплексов трех культур на плане Старшего Ахмыловского могильника, исследованного А. Х. Халиковым и автором. Среди преобладающих захоронений синего цвета (представители аозинской культуры) выделяются зеленые пятна могил и домов мертвых погребений постмаклашеевской культуры и небольшие красные пятна могил и погребальных сооружений культуры гребенчато-шнуровой керамики (Чижевский 2008: Рис. 27). При этом к аозинской культуре на могильниках Марийского Поволжья А. А. Чижевский (Чижевский 2008: 34, рис. 26-27) относит «еще 394 погребения, которые тяготеют к погребениям аозинской культуры планиграфически, располагаясь в тех секторах некрополей, где аозинские погребения преобладают (рис. 26-27)».

Как мы уже видели, по С. В. Кузьминых, аозинская культура текстильной керамики выделена по аозинско-меларским кельтам. А. А. Чижевский (Чижевский 2008: 44) вслед за В. Н. Марковым выделяет характерные черты постмаклашеевской керамики (сосуды с шаровидным туловом и высокой горловиной, плавным переход от тулова к венчику; кстати, к такой посуде на Старшем Ахмыловском могильнике лишь весьма условно можно отнести всего один сосуд (Патрушев 1984: Рис. 31, 12) из 53 целых сосудов (Патрушев 1984: 59-64, рис. 31-34) и кельты с овальной втулкой. Ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики (по А. А. Чижевскому со ссылкой на В. Н. Маркова) характеризуется круглодонными сосудами чашевидной и горшковидной формы с невысокими слабовыпуклыми плечиками с низкой, а иногда и высокой горловиной, узорами из отпечатков гребенки и оттисков шнура и кельтами с шестигранной втулкой, при этом в ветлужском варианте, отличном от ананьинской культуры с шнуровой керамикой, которой также характерны подобные кельты (Чижевский 2008: 71). Кроме того, А. А. Чижевский при описании в домах мертвых 1 и 12 погребений аозинской культуры пишет о совместном использовании домов мертвых вместе с носителями ананьинской культуры шнуровой керамикой (Чижевский 2008: 35). А среди погребальной керамики ананьинской культуры шнуровой керамики он же указывает сосуды Старшего Ахмыловского и Аозинского могильников, украшенные только ямками или в сочетании ямок с оттисками гребенки

(Чижевский 2008: Рис. 34, 8-9). Однако на плане Старшего Ахмыловского могильника погребения ананьинской культуры шнуровой керамики не выделены отдельным цветом.

Итак, по А. А. Чижевскому, представителей четырех археологических культур хоронили на одном древнем кладбище. Однако Старший Ахмыловский могильник — редчайший целостный памятник, исследованный полностью, имеющий общую ограду, столбы от которой автором обнаружены в раскопах 1-2 1976 г., раскопе 1 1977 г. и раскопах 1-3 1969 г. (Патрушев 1984: Рис.-вкладка). В нем нашло отражение историческое прошлое значительно-го числа населения Среднего Поволжья в течение около 200 лет, предков финноязычных народов. Данный памятник отражает исторически сложившуюся этническую общность — «особую исторически возникшую форму социальной группировки людей», основными условиями ее возникновения являются общность территории и языка, которая достигается «в ходе развития хозяйственных, культурных и других связей» (Козлов 1979: 8). В истории первобытного общества не известны случаи совместного захоронения на одном кладбище не только населения разных культур, как предлагают С. В. Кузьминых и А. А. Чижевский, но даже представителей разных племен, поскольку в загробный мир переносились представления о межродовых и межплеменных отношениях (Штернберг 1936: 335). Классические примеры этого известны в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (Энгельс 1954: 101, 121). Картина не меняется в эпоху развитого патриархально-родового строя, когда основной общественной единицей становится семейная община, давшая при разрастании патронимию: последняя также имела отдельное кладбище (Косвен 1964: 1, 5, 7). Традиции существования семейно-родовых и племенных кладбищ сохранялись в недавнем прошлом у многих народов (Золотарев 1939; Смирнов 1961; Штернберг 1936; Этнография, IV. Верования. 1905). Одним словом, в истории первобытного общества мы не знаем ни одного случая массового захоронения на одном кладбище представителей разных народов и племен, как это предлагают С. В. Кузьминых и А. А. Чижевский для огромного числа захоронений средневожских могильников.

Следует особо подчеркнуть, что в истории этнические вопросы нельзя решать вскользь, бегло, поскольку в древних этнических процессах скрываются вековые судьбы исторических народов. Сам факт наличия на одном и том же кладбище (в данном случае — Старшем Ахмыловском могильнике) определенного набора вещевых комплексов уже решает вопрос в пользу их отнесения к одной культуре (ахмыловской); они все принадлежали членам одного племени, связанным между собой эндогамными брачными отношениями (Патрушев 1984: 193).

Выделенные автором по естественной группировке близких по времени могил на могильниках Поволжья территориальные группы (Патрушев 2011: 294-295) отражают наличие на древних кладбищах семейно-родовых групп. Как показывают этнографические данные, в первобытном обществе близких кровных родственников хоронили всегда вместе (Золотарев 1939; Смирнов 1961; Штернберг 1936 и др.). При выделении групп учитывались также погребальные сооружения типа домов мертвых, выступающие как единый закрытый комплекс. Захоронения внутри территориальных групп выделяются компактным расположением. Между группами имеются свободные от могил пространства. При таком расположении на Старшем Ахмыловском могильнике хорошо прослеживаются естественные границы между группами (Патрушев 2011: Рис. 53). Такие территориальные группы захоронений можно рассматривать как захоронения ближайших родственников, вероятно, членов одного рода. Статистический анализ территориальных групп населения, представленного на Старшем Ахмыловском могильнике, показывает, что семейно-родовые группы включают как волжские, так и камские элементы погребального обряда и погребального инвентаря (Патрушев 2011: Табл. XVI).

На плане Старшего Ахмыловского могильника с разноцветными могилами А. А. Чижевским (2008: Рис. 27) в одни и те же выделенным автором территориальные группы (Патрушев 2011: Рис. 53) включены представители разных археологических культур. Хотя сам А. А. Чижевский постоянно пишет о смешении трех или четырех археологических культур на Старшем Ахмыловском могильнике. Искусственность выделения «культур» раскрывается при анализе им самих материалов. При характеристике «постмаклашеевских памятников» в Марийско-Чувашском Поволжье он отмечает, что они содержат керамику и погребения аозинской культуры и культуры с гребенчато-шнуровой керамикой; кроме того, «еще 272 погребения из некрополей Марийского Поволжья отнесено к постмаклашеевской культуре планиграфическим способом, так как эти могилы не содержат в себе культуруопределяющих предметов, но располагаются на территории распространения погребений, содержащих предметы, соотносимые с постмаклашеевской культурой» (Чижевский 2008: 45). Далее А. А. Чижевский (2008. С. 71-72) пишет, что «АКГШК (т.е. ананьинская культура гребенчато-шнуровой керамики) вступила во взаимодействие с постмаклашеевскими группами. Об этом свидетельствует планиграфия Ст. Ахмыловского могильника, где постмаклашеевские и гребенчато-шнуровые комплексы встречены в одних и тех же могильных рядах и сосредоточены в прибрежной зоне и в районе «домов мертвых» (рис. 27)»; а «погр. 403 Ст. Ахмыловского могильника содержит аозинский кельт в сочетании с сосудом, орнаментированным шнуровыми отпечатками, и является, таким образом, свидетельством процесса метизации двух групп населения

(«акозинской культуры» и ананьинской культуры шнуровой керамики — В. П.), оставившего этот некрополь». А. А. Чижевский (2008: 79, 87) приходит к выводу: «в среде АКИО (ананьинской культурно-исторической области — В. П.) шел процесс смешения, взаимоассимиляции различных археологических культур; наибольшее типологическое сходство прослеживается между могильниками постмаклашеевской и акозинской культур» (имеется в виду — на одном кладбище по несколько могильников — В. П.); «данные погребального обряда позволяют с большой долей вероятности предполагать значительный процент смешанности населения Волго-Камья, особенно в контактных зонах — Марийском Поволжье и на Нижней Каме». Кстати, акозинскую культуру указанные исследователи стали относить к «АКИО», отказавшись от принадлежности к культуре текстильной керамики (Чижевский 2008: 5). В таком случае совершенно непонятно, в чем же суть выделенной С. В. Кузьминых и поддержанной А. А. Чижевским «акозинской культуры текстильной керамики».

Надо признать, в последнее время С. В. Кузьминых и А. А. Чижевский (2017: 25, 26, 27) уже пишут об акозинско-ахмыловской культуре, хотя довольно трудно представить объединение «акозинской культуры» и ахмыловской.

А. А. Чижевский (2008) при работе над монографией показал блестящие исследовательские способности ученого, прекрасное знание археологического материала. Однако он доверился идее С. В. Кузьминых о существовании представителей нескольких культур на средневожских могильниках. Вызывает сомнение также его выбор методики исследований. Вместо того, чтобы собрать воедино источники о погребальном обряде могильников Волго-Камья и разработать саму типологию, исследователь берет за основу методику исследований погребальной обрядности степных кочевников — скифов: «типология погребального обряда населения Волго-Камья XI–VI вв. до н.э. построена на разработках В. С. Ольховского» (Ольховский 1991: 15 и сл.). Отсюда странные выводы (Чижевский 2008: 45, 77, 79): происхождение деревянных гробниц в ананьинской среде связано с кругом степных культур Евразии (как будто население лесной зоны, живя в окружении лесов, не хотело строить их из дерева, а этому училось у степных кочевников!); к тому же деревянные гробницы Украины, Предкавказья и Казахстана, на аналогии которым ссылается исследователь, совершенно другого типа; «дома мертвых содержат асинхронные захоронения и они играли роль склепа и предназначались для многократного погребения в нем умерших». Однако так было только у скифов, а на могильниках Поволжья это были закрытые комплексы единовременных захоронений, что доказано обоснованными датами для широкого круга вещей (получение значимых положительных связей по методу исследований

взаимовстречаемости вещей разных категорий и типов в комплексах домов мертвых), методом получения «узких» дат и выделением стадий развития Старшего Ахмыловского могильника (Патрушев 1984: 129 и сл., табл. XI, XIV, прил. 2) и др.

Нельзя со ссылкой на Геродота в рассказе о скифах предполагать, что частичные погребения финно-угров Поволжья «были военным трофеем, предметом «охоты за черепами» (Чижевский 2008: 36). Это были захоронения особо почитаемых воинов племени, сопровождающиеся обычно дорогим оружием в мужских и богатых набором украшений местного облика женских частичных захоронениях. Непростительно перенесение черт ираноязычных скифов на финно-угорское население: «по всей вероятности, кремация погребенного является способом принесения умершему в жертву другого человека» (Чижевский 2008: 35): финно-угры в Марийском Поволжье никогда не практиковали человеческих жертвоприношений.

Нельзя согласиться с утверждением А. А. Чижевского (2008: 42), что акозинские некрополи располагались неподалеку от поселений, и в каждом отдельном случае поселению принадлежал, по всей вероятности, свой могильник. Как нет «акозинских некрополей», так и нет «акозинских поселений», которым принадлежал «свой могильник». Соглашаясь с А. А. Чижевским (2008: 34), что керамика с текстильными отпечатками в погребениях акозинской культуры не выявлена, нельзя согласиться с тем, что она изредка обнаруживается в виде отдельных фрагментов в погребениях Мл. Волосовского и Козьмодемьянского могильников: эти фрагменты происходят из слоя поселений с текстильной керамикой, поскольку оба могильника располагаются на месте поселений эпохи бронзы с текстильной керамикой.

Кроме открытия «акозинской культуры» С. В. Кузьминых (2000: 109) вслед за В. Н. Марковым выделил погребальные комплексы классического ананьина и археолого-этнические комплексы в погребальных памятниках ананьинской культурно-исторической области.

Автор полагает, что вполне возможно появление ананьинской культуры шнуровой керамики в Пермском Прикамье (Денисов 1967: 44, 45), отдельные племена её проникли на территорию Волго-Камья и вступили в тесное взаимодействие с постмаклашеевцами (Марков 1994: 55); формирование ананьинской культуры гребенчато-шнуровой керамики в бассейне Вытегды и Печоры (Стоколос, Королев 1984: 42-113), которая к VI в. до н.э. проникает на территорию Прикамья и в Поволжье (Марков 1994: 59). Однако при движении в юго-западном направлении все племена смешались и на памятниках Марийского Поволжья стратиграфически не выделяются предложенные В. Н. Марковым (1988) три керамических комплекса ананьинского населения: с гребенчато-шнуровой керамикой, со сложношнуровой керамикой и с постмаклашеевской

керамикой. Как показали раскопки автора, на всех поселениях Марийского Поволжья VII-VI вв. до н.э. (Малахайские, Ардинское, Сиухинское, Копаньское) не только эти группы керамики, но и текстильная керамика выступают как единый керамический комплекс поселения (Патрушев 1971: 5 и сл.). Кроме того, эти же группы встречены на поселениях Васильсурское II, Сомовка I в Нижегородской области (Патрушев 1986: 7-10). На поселении Векса I в Вологодской области также встречены стратиграфически не выделяющиеся те же самые группы керамики одновременного поселения (Патрушев 1989а: 30-31). Смешанные ананьинско-текстильные комплексы происходят из Костромской области (Минское, Ватажка, Станок, Шунга, Борань и др.) (Патрушев 1991: 14-15). А. В. Новиков (2019: 142, 185 и сл.) на гладкостенной керамике отмечает преобладание традиций гребенчато-шнуровой керамики ананьинской культурно-исторической области с дальнейшим развитием гибридной керамики, т.е. смешанной с текстильной керамикой, хотя в ходе раскопок автором Минского городища и особенно во время обработки комплексов всех указанных памятников встречена и группа шнуровой посуды. Приглашенные автором на раскопки Минского городища в 1991 г. М. Г. Косменко и в 1992 г. археологи Университета Хельсинки Мика Лавенто и Пайви Мааранен в беседе с автором особо обратили внимание на отсутствие стратиграфического разделения всех групп ананьинской и текстильной керамики. Знакомство с полевыми отчетами о раскопках этих памятников другими исследователями привело автора к мнению об отсутствии стратиграфического разделения отдельных групп ананьинской посуды и одновременном залегании на тех же горизонтах текстильной керамики.

Автор придерживается взглядов А. Х. Халикова о вариантах единой ананьинской культуры (Халиков 1977: 3-6, рис. 1) и согласен с точкой зрения С. Н. Коренюк о единой ананьинской культуре без ее дробления на отдельные культуры (цит. по: Чижевский 2008: 11).

В Среднем Поволжье в начале эпохи железа в контактной зоне между прикамскими племенами ананьинской историко-культурной области (потомков населения приказанского облика) и населением кокшайского этапа формируется собственно ахмыловская культура, сочетающая восточные и западные черты. Со временем население ахмыловского облика расселяется на значительной территории.

Черты нового этноса особенно ярко проявились в материалах раскопок могильников ахмыловского облика VIII-VI вв. до н.э. (Патрушев 2011). К этому времени относится крупнейший во всей первобытной Евразии могильник у бывшей деревни Ахмылово близ с. Коротни на левом берегу Волги. На Старшем Ахмыловском могильнике в 946 могилах было погребено почти 1500 человек. На могильнике обнаружено более 6 тысяч предметов — ору-

дий труда, оружия, бытовых предметов, украшений. Здесь также проявляются как черты населения с текстильной керамикой, так и элементы культуры прикамских (ананьинской культурно-исторической области) племен. Такие же смешанные комплексы содержат материалы раскопок Акозинского, Козьмодемьянского могильников в Марийском Поволжье и Пустоморквашинского, Тетюшского могильников в Татарском Поволжье. На поселениях этого времени вместе встречаются ананьинская (рис. 3) и текстильная керамика. Ярким примером могут служить исследованные автором Малахайские городище и селище (Патрушев 1986: 21-25), а также Ардинское городище, раскопки которого проводились Г. А. Архиповым и автором (Архипов, Патрушев 1982).

Материальная и духовная культура населения ахмыловского облика автором подробно охарактеризована в книгах (Патрушев 1984; 1986; 1994; 2011; Патрушев, Лавенто 2019), а также в серии статей с характеристикой отдельных групп украшений и бронзовых топоров — кельтов. Довольно полная характеристика оружия, орудий труда и погребального обряда дана в трудах А. Х. Халикова (1977), С. В. Кузьминых (1983) и А. А. Чижевского (2008).

Основной итог исследований

По уровню развития население ахмыловского облика находилось выше других племен лесной зоны и северных районов России, а в некоторых отношениях выше степных племен. В частности, массовое использование железных наконечников стрел и копий даже у передовых племен скифо-савроматского мира начинается позже, чем у ахмыловского населения марийского края. О высоком уровне развития ахмыловцев свидетельствуют широкие культурные связи не только с родственными финно-угорскими племенами вплоть до Урала и Скандинавии, но и с далекими южными районами — Кавказом, скифским Причерноморьем, савроматским Поволжьем, Средней Азией и горным Алтаем (Патрушев 1984: 109 и сл.). Некоторые формы вещей из могильников Поволжья VII-VI вв. до н.э. имеют аналогии в памятниках Болгарии, Венгрии, Польши, Чехословакии, Австрии, Германии, Италии (Патрушев 1984: 109-128; Patrushev 2000: 123-125; Халиков 1977: 179, 188). О богатой духовной культуре древних финно-угров Поволжья свидетельствуют многочисленные металлические предметы с изображениями животных, людей и символов солнца (Патрушев 1994).

По богатейшим наборам украшений костюма можно представить этнографический облик волжских финнов (рис. 4) (Патрушев 1984: 10 и сл.). Головные украшения включали многосоставные налобные венчики с богато орнаментированными накладками, височные кольца и спирали. На шею носили металлические гривны и ожерелья. Богато представлены нагрудные

украшения в виде блях с солярными символами или зооморфными изображениями, иногда сложной расшивки из бисера. У мужчин встречены богатые украшения поясов из накладок и подвесок.

В начале эпохи железа население с текстильной керамикой, судя по преобладанию волжских черт на памятниках Среднего Поволжья (Патрушев 2011: Табл. XVI), становится господствующим. В период опустения Татарско-Марийского Поволжья в середине последней четверти VI в. до н.э. ахмыловцы передвигаются на север вплоть до Вологодской области, как показали материалы раскопок автора на поселении Векса 1 (Патрушев 1989б: 30-31). Черты ахмыловского населения прослеживаются в Костромском Поволжье.

С конца VI-V вв. до н.э. начинается третий этап развития ахмыловцев. Их следы через века проявляются в памятниках типа Чурачикского, затем Безводнинского могильников и памятниках Березняковского типа в Волго-Очье; на Младшем Ахмыловском могильнике V-VII вв. н.э. также можно видеть ахмыловские черты, претерпевшие значительные изменения за тысячу с лишним лет (Патрушев 1984: 199-203).

Ахмыловскую культуру волжских финнов, сформировавшуюся на стыке восточных и западных финно-угорских племен, следует рассматривать как прамарийскую (Патрушев 1992а: 87). Начало формирования основных этнических особенностей волжских финнов относится еще к XIV-VI вв. до н.э.

О существовании особой группы населения ахмыловского облика со смешанными восточными и северо-западными элементами культуры от устья р. Камы на юго-востоке до Костромского Поволжья на северо-западе свидетельствуют антропологические и языковедческие материалы (Патрушев 1992а: 87-89). В антропологическом отношении данное население отличалось большей европеоидностью в отличие от населения ананьинского Прикамья (Акимова 1962: 235).

Языковедческие данные также подтверждают существование этнической общности типа ахмыловской. Современный марийский язык, по свидетельству Б. А. Серебренникова (1967: 25) — своеобразный мост между восточным и западным финно-угорским языковым миром. Гидронимы на *-га*, *-ма*, и на *-ша* на Нижней Каме он связывает с волго-окским финноязычным населением культуры ямочно-гребенчатой керамики (Серебренников 1955: 25, 27-28). Однако данный факт следует рассматривать как результат появления здесь населения с текстильной керамикой, поскольку следов культуры ямочно-гребенчатой керамики археологически в этом районе не прослежено. Гидронимы на *-нер* на севере по линии Котельнич — Ветлуга — Макарьев (Костромская область), на западе по линии Макарьев — Горький — Дальне-Константиново — Ибреси и на юге до Казани и Вятских Полян И. С. Галкин

(1967) считал марийскими. Многие корни слов мерянского языка сходны с горномарийскими (Ткаченко 1985). Возможно, в прошлом мерянский язык представлял языковые особенности племен с текстильной керамикой, испытавших сильное влияние восточного населения в период с XIV по VI вв. до н.э. Автор склонен считать, что в этот период и позднее вплоть до середины нашей эры существовала единая прамарийская (или прамарийско-прамерянская) общность населения ахмыловского облика, когда происходило формирование основных этнических черт волжских финнов. Данное предположение подтверждается исследованиями истоков марийского и мерянского костюмов, в которых в одинаковой мере в несколько измененном виде представлены элементы ахмыловских украшений. При сравнении основных групп украшений были вычислены средние коэффициенты сходства сначала для всех групп украшений. При этом именно волжские типы украшений, не известные в ананьинском Прикамье, наиболее близки марийским и мерянским (Патрушев 1992а: 87): например, средние коэффициенты сходства височных колец ахмыловцев в древнемарийском костюме IX-XI вв. составляют 36,6, в мерянском — 35, в то время как у мордвы данный показатель всего 7, а у удмуртов и коми они отсутствуют (у их предков ананьинской историко-культурной общности височных колец не было); характерные для ахмыловцев многосоставные налобные венчики по средним коэффициентам сходства у древних марийцев составляют 67, у меря — 66, у мордвы — 35,4, удмуртов — 33,8, коми — 1 и т.д. По сумме типов украшений костюма по материалам раскопок Старшего Ахмыловского могильника средние коэффициенты сходства, следующие: мари — 35,8; меря — 35,2; мордвы — 28,2; удмуртов — 16,2; коми — 12 (Патрушев 1992а: 87). Налицо единый этнографический облик представителей волжских финнов. По результатам статистического анализа всех элементов материальной культуры мы приходим к выводу: этнокультурные истоки волжских финнов — в ахмыловской культуре.

Выделенные марийским языковедом С. Я. Черных (1980) антропонимы меря и мурома среди горных и луговых марийцев свидетельствуют о тесных контактах мари, меря и мурома и о возможном включении с давних времен мерянских и муромских родов в этнический состав марийцев. Патронимы Костромского Поволжья «дютя» — дед, «папи» — бабушка, зоонимы «мась» — ягненок и др. полностью соответствуют горномарийским (Акцорин 1981).

Наиболее дискуссионным является вопрос о происхождении марийско-го этноса. Он специально рассмотрен автором (Патрушев 2020б: 50-59). В XIX в. в связи с решением «мерянской проблемы» М. А. Кастрен писал, что «меря» состояла из черемис или представляла собой родственное черемисам племени. Его мнение поддержали историки Д. А. Корсаков, этнографы И. Н. Смирнов, С. К. Кузнецов, археолог А. А. Спицын и др. В XX в. появились

новые точки зрения на эту проблему. А. П. Смирнов (Смирнов 1949) считал, что древнемарийская культура формировалась на основе городецкой культуры. О. Н. Бадер (1970) видел предшественников мари в дяковской культуре. А. Х. Халиков (1967) и Г. А. Архипов (1967; 1973) выводили древнемарийскую культуру из городецкой и азелинской культур.

По мнению автора, (Патрушев 1984: 199-200; 1992а: 87-89) предки мари, мери и муромы составляли общность волжских финнов ахмыловского облика. Вплоть до эпохи средневековья мари, меря и мурома сохраняют близкие черты материальной и духовной культуры (Патрушев 1992а. С. 87-89).

В 4-й четверти VI в. до н.э. ахмыловские племена покинули средне-волжский регион и со 2-й половины I-го тыс. до н.э. население ахмыловского облика консолидировалось в Волго-Окском междуречье и Ярославско-Костромском Поволжье, где оно обитало почти до середины I тыс. н.э., постепенно продвигаясь снова на юго-восток. Культура ахмыловского облика проявилась в комплексах поселений Костромского Поволжья типа Минского городища VI-IV вв. до н.э. со смешанными волжско-камскими чертами керамики, а позже на памятниках Безводнинского и Березняковского типов в Волго-Очье (Патрушев 1984: 202).

Т. Б. Никитина вслед за языковедами (И. С. Галкин, Д. Е. Казанцев, Б. А. Серебrenников) считает, что в основе древних мари — волго-окское население, переселившееся в вятско-ветлужское междуречье в VI в. н.э. (Никитина 2020: 36). Т. Б. Никитина благодаря анализу комплексов самого раннего древнемарийского Младшего Ахмыловского могильника VI-VII вв. доказала, что азелинских форм предметов очень немного. Соответственно, об участии азелинцев в происхождении мари говорить не приходится. Эти предметы могли быть результатом обмена украшений с соседними народами.

Ошибочное мнение относительно участия городецких (а ранее и дяковских) племен в этногенезе мари связано с тем, что на раннем этапе в комплексах городецкой и дяковской керамики присутствовала текстильная керамика, которую считали характерным элементом материальной культуры и городецкой, и дяковской культур. Как уже отмечалось, обе культуры формировались на базе культуры текстильной керамики. Но уже в VII-VI вв. до н.э. у городецкого населения распространяется рогожная (с отпечатками рогожи) керамика, которая становится этническим маркером населения городецкой культуры, предков мордвы. Оговоримся, что происхождение дяковской и городецкой культур, которые начали формироваться в основном в VII в. до н.э., по традиции связывалось с поздняяковской культурой. Автор считает, что эта традиционная точка зрения требует пересмотра, поскольку племена поздняяковской культуры уже на рубеже II-I тыс. до н.э. были ассимилированы населением с текстильной керамикой (Бадер, Попова 1987; Патрушев 1992а: 26). Отсюда

следует, что истоки как дьяковской, так и городецкой культур — в культуре текстильной керамики эпохи бронзы и начала железа. В древнемарийской культуре нет параллелей ни с городецкой, ни с дьяковской культурами, кроме общих корней, благодаря участию племен с текстильной керамикой в формировании ахмыловской культуры.

Несмотря на ограниченные материалы, свидетельствующие о генетических связях древнего населения в широком хронологическом диапазоне, основные вехи этнических процессов приводят от культуры ахмыловского населения VIII-VI вв. до н.э. к культуре современных марийцев. Об этом свидетельствуют многочисленные параллели в материалах ранних памятников и древнемарийских могильников (Патрушев 1986: 59; 2020б: 57-58):

1) грунтовые могильники, преимущественно с труположением, где погребения располагаются группами; костяки выявлены вытянуто на спине, иногда головой на запад, в могильных ямах овальной или подпрямоугольной формы с округлыми углами;

2) большая роль огня в погребальном обряде (утли в ямах и следы ритуальных костров, а также переход от обычая сжигания обиталища душ погребенных («домов мертвых») к обряду кремации;

3) размещение вещей в могилах (в порядке ношения, в груди в изголовье или в ногах костяка);

4) наличие вещевых погребений и отдельных комплексов, иногда в берестяных коробах, а также находки отдельных вещей на площади могильника;

5) наличие небольших округлых ям с частичными захоронениями (Старший Ахмыловский могильник) или остатками кремаций (древнемарийские могильники), где вещи сложены в кучу;

6) погребения без вещей;

7) помещение частей лошади в могилу;

8) традиции в способах ношения и некоторой близости форм головных венчиков, височных колец, гривен, ожерелий из бус, привесок, съёмных расшитых нагрудных украшений, реже браслетов и перстней (рис. 4).

Кроме того, ряд черт населения ахмыловского облика VIII-VI вв. до н.э. прослежен у марийцев этнографически (Патрушев 1986: 59-60; 2020б: 59):

1) связь с рекой, в частности, присутствие лодки в погребальном обряде;

2) вторичные погребения с помещением в могилы остатков костяка в виде груды костей и обычай подвешивания трупов девушек в кожаных мешках на березах с последующим погребением на родовом кладбище;

3) наличие срубов над могилами;

4) наличие зубов или костей лошади в верхних горизонтах кладбищ;

5) помещение в девичьи могилы наряду с головными уборами на погребенных приданого, состоящего из головного убора замужних женщин;

6) сохранение традиционных элементов костюма и украшений, особенно в праздничной и обрядовой одежде — налобный венчик (нашмак) у горных, луговых и восточных марийцев; составные нагрудные украшения, соединяющиеся с шейными; составные женские пояса, иногда украшенные кисточками; ожерелья из бисера и монет; нагрудные застёжки (сюльгамы), подобные бляхам у древних; булавки из круглого стержня для скрепления украшений из тканей и др.;

7) художественные традиции в изображении человеческих и зооморфных фигур;

8) отдаленное сходство жилищ Малахайского селища с марийскими летними домами типа «кудо».

Периодом рассвета древнемарийской культуры следует считать IX–XI вв. благодаря материалам богатейших могильников, исследованных Г. А. Архиповым (1973) и Т. Б. Никитиной (Никитина 2002). Ими же представлена подробная характеристика материальной и духовной культуры древних марийцев эпохи средневековья.

Древнемарийский период — важнейший этап в становлении марийского народа. К IX–XI вв. свой завершённый облик приобретает женский костюм, включающий многочисленные металлические украшения. Именно женский костюм менее всего подвергался изменениям и сохранял традиционные этнические черты. Каждая деталь костюма была продумана, проверена опытом поколений. Каждое украшение одновременно несло какое-либо смысловое значение. Древнемарийский женский костюм IX–XI вв. реконструирован по материалам раскопок Веселовского могильника Г. А. Архиповым (1962). Это обычное для финно-угров туникообразное платье. На голове — налобный венчик из полоски бересты и кожи с прикрепленными к ней медно-бронзовыми накладками. Сзади к венчику были прикреплены цепочки, завершающиеся полыми медными шариками. На груди женщины крупная бляха. В женском костюме древних марийцев были популярны пояса с накладками. В целом древнемарийский костюм отличается обилием украшений. Среди них имеется много высокохудожественных изделий с зооморфными изображениями. Особенно популярными были так называемые коньковые подвески с изображениями парных головок или целого коня, олицетворяемого с солнечным божеством или его атрибутом. Весьма характерны украшения в виде водоплавающих птиц — фигур уток или утиных лапок, служащих привесками к коньковым подвескам. Одним из наиболее распространенных узоров или форм украшений были солярные символы. Украшения с зооморфными и солярными мотивами являлись оберегами от злых духов и сглаза.

Заключение

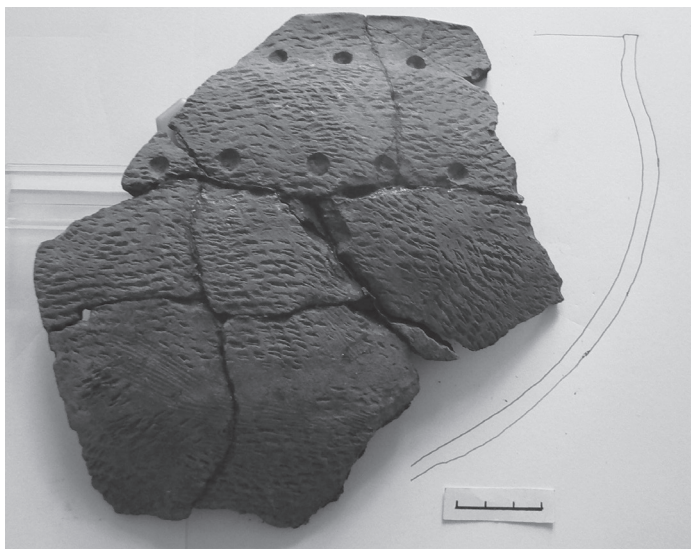
Огромный промежуток древней истории представлен в археологических материалах. Поскольку письменные источники о волжских финнах появились не ранее полутора тысяч лет назад, вся предыдущая история их предков фактически изучается на основе археологических источников. Основная линия развития довольно хорошо показывает смену эпох и этническую историю волжских финнов с древнейших времен (рис. 5). Можно утверждать, что далекие предки волжских финнов проживали в Европе с глубокой древности. Множество поколений сменяли друг друга, и каждое поколение вносило что-то новое, способствовало историческому прогрессу. Совершенствовались орудия труда, совершенствовался сам человек. И все теснее становились этнические узы родства, определившие основы традиционной культуры волжских финнов. Века и тысячелетия только шлифовали, отбрасывая ненужное и совершенствуя главное в традиционной культуре. В ходе исторического развития предки волжских финнов неоднократно испытывали влияние ряда иных народов. Но, несмотря на это, местные финно-угорские элементы культуры сохранялись и развивались дальше, перенимая все лучшее, передовое у своих соседей. Однако волжские финны меря и мурома исчезли как народ в период русской колонизации, передав многие культурные элементы русскому народу.

Главным достижением исторического развития предков мари является сохранение своего языка и своей этнической самобытности

Иллюстрации

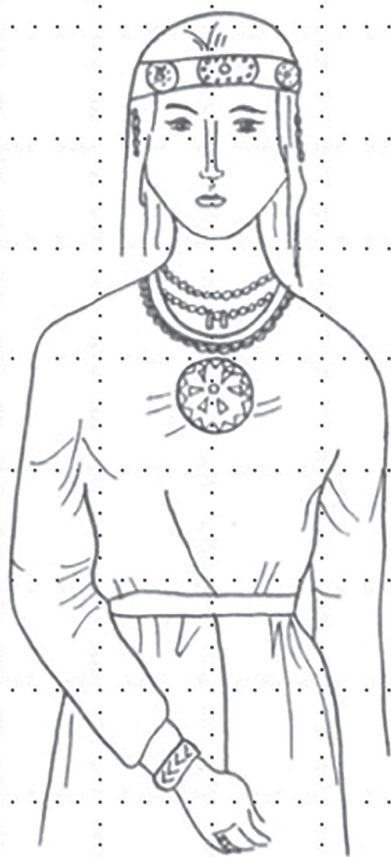
1. Археологические культуры финно-угров Европейской России эпохи развитой бронзы:
а — поздняяковская, б — приказанская, в — текстильной керамики

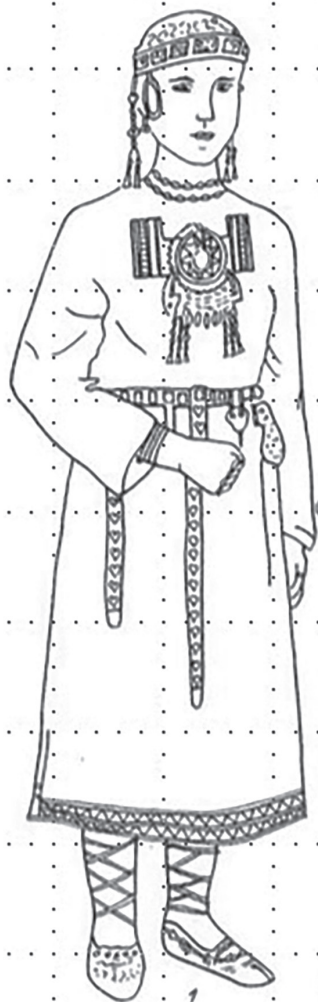
2. Поселение База отдыха 2. Текстильная керамика

3. Малахайское поселение. Ананьинская керамика

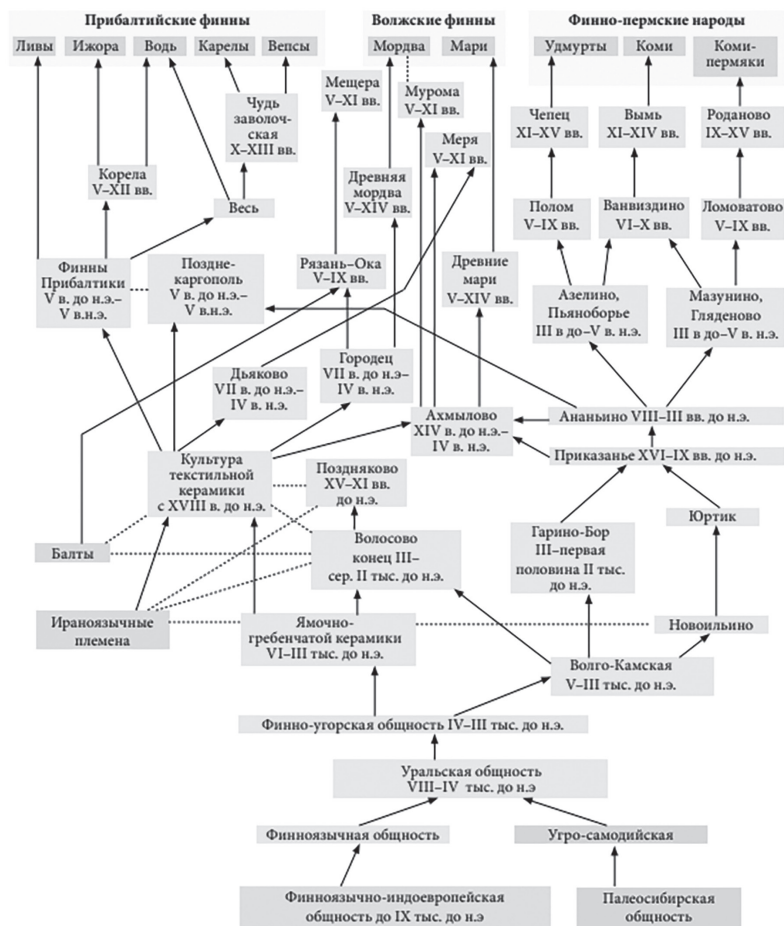

**Костюм
ахмыловцев (7-6 вв. до н.э.)**

4. Реконструкция женских костюмов ахмыловской культуры начала эпохи железа (слева)
и древнемарийской культуры эпохи раннего средневековья

Схема развития финно-угров Европейской России

5. Схема развития финно-угров Европейской России

Научная литература

Акимов М. С. Палеоантропологические материалы из погребений эпохи бронзы и раннего железа с территории Среднего Поволжья // Труды МАЭ. Т. II. Йошкар-Ола, 1962. С. 232-240.

Акцорин В. А. Волжско-финские и прибалтийские эпические традиции и проблемы происхождения марийцев // Congressus Quintur internationalis Fenno-Ugristarum, III. Turku, 1981. С. 137-143.

Архипов Г. А. Древнемарийский женский костюм IX-XI вв. н. э. // Труды МарНИИ. Вып. XVI. Йошкар-Ола, 1962. С. 127-138.

Архипов Г. А. Происхождение марийского народа по археологическим данным (с I тыс. н. э.) // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 36-52.

Архипов Г. А. Марийцы IX-XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1973. — 199 с.

Архипов Г. А., Патрушев В. С. Ардинское городище // Археология и этнография Марийского края. Вып. 6. Поселения и жилища Марийского края. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1982. С. 51-82.

Бадер О. Н. Древнее Поветлужье в связи с вопросами этногенеза мари и ранней истории Поволжья // СЭ. № 2. 1951. С. 15-41.

Бадер О. Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М., 1970. — 176 с.

Бадер О. Н., Попова Т. Б. Поздняковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 131-135.

Бадер О. Н., Халиков А. Х. Памятники балановской культуры // САИ. Вып. В1-25. 1976. — 168 с.

Борисковский П. П. Заключение. Проблемы палеолитических культур, хозяйства и социального строя // Палеолит СССР. М., 1984. С. 347-355.

Габяшев Р. С. Хронология неолита Нижнего Прикамья // КСИА. Вып. 153. М. С. 74-76.

Галкин И. С. Топонимика Марийского края в связи с вопросом происхождения марийского народа // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола. 1967. С. 203-210.

Гуляев В. И. К вопросу о связях городецких племен с югом в VII-VI вв. до н. э. // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 114-120.

Денисов В. П. Культуры эпохи поздней бронзы в Верхнем и Среднем Прикамье и их роль в формировании ананьинской культуры // Уч. зап. ПГУ. № 148. Пермь. 1967. С. 29-50.

Золотарев А. М. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939. — 202 с.

Козлов В. И. О классификации этнических общностей (состояние вопроса) // Исследования по общей этнографии. М., 1979. С. 5-23.

Кольцов Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989. С. 68-86.

Кольцов Л. В. Мезолит Среднего Поволжья // Мезолит СССР. М., 1989б. С. 87-92.

Косвен М. О. Патронимия и ее роль в истории общества. М., 1964. — 9 с.

Крайнов Д. А. Волосовская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 10-28.

Крайнов Д. А. Верхневолжская культура // Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 166-173.

Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская ранненеолитическая культура // СА. № 3. М., 1977. С. 42-68.

Кузьминых С. В. Бронзовые орудия и оружие в Среднем Поволжье и Приуралье (I тысячелетие до н.э.). Автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 1977. — 21 с.

Кузьминых С. В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке: медь и бронза. М.: Наука. 1983. — 257 с.

Кузьминых С. В. Археологическое изучение ананьинского мира в XX веке: основные достижения и проблемы // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000. С. 104-113.

Кузьминых С. В., Чижевский А. А. Ананьинский мир: взгляд на современное состояние проблемы // Археология Евразийских степей. Вып. 8. У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. С. 29-55.

Кузьминых С. В., Чижевский А. А. Введение в археологию ананьинской культурно-исторической области: северо-восток Европы в финале бронзового и раннем железном веках // Археология Евразийских степей. Казань, 2017. № 3. Эпоха бронзы и ранний железный век: Материалы III Международной научной конференции «Ананьинский мир: культурное пространство, связи, традиции и новации». Казань, 2017. С. 23-35.

Лыганов А. В. Хозяйство населения позднего бронзового века Волго-Камья. Автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.06. Казань, 2013. — 21 с.

Марков В. Н. Нижнее Прикамье в ананьинскую эпоху (об этнокультурных компонентах ананьинской общности). Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Л., 1988. — 18 с.

Марков В. Н. Ананьинская проблема // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994. С. 48-88.

Никитин В. В. Каменный век марийского края: монография. Йошкар-Ола, 1996. — 179 с. (Труды МАЭ. Т. IV).

Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам): монография. Йошкар-Ола, 2002. — 431 с.; илл.

Никитина Т. Б. Марийский край в эпоху средневековья // История Марий Эл с древнейших времен до наших дней в 2-х томах. Т. 1. История Марий Эл с древнейших времен до начала XX в. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2020. С. 34-50.

Новиков А. В. Актуальные проблемы изучения поселений РЖВ восточной части бассейна Верхней Волги (Костромское и Ивановское Поволжье). К постановке вопросов // Археология Евразийских степей. № 2. Эпоха бронзы и ранний железный век: Материалы круглого стола «Древности Нижнего Прикамья и 160 лет археологии Ананьинского могильника». Казань, 2019. С. 179-191.

Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М., 1991. — 256 с.

Патрушев В. С. Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа (VIII-VI вв. до н.э.). Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Ленинград, 1971. — 17 с.

Патрушев В. С. Этнические особенности населения Марийского края в VIII-VI вв. до н.э. // Вопросы финно-угроведения: тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. Ч. 2. Сыктывкар: АН СССР; Коми филиал, 1979. С. 43-45.

Патрушев В. С. Приложение к инструментарию исследований: сопоставление культурных признаков Старшего Ахмыловского могильника и могильников синхронных, предыдущих и последующих культур // Вопросы этнической истории в первобытную эпоху: Межвузовский сборник. Йошкар-Ола: МарГУ, 1982. С. 1-43.

Патрушев В. С. Марийский край в VII-VI вв. до н.э. Йошкар-Ола, 1984. — 232 с.

Патрушев В. С. Начало эпохи раннего железа в Марийском крае: Учебное пособие. Йошкар-Ола: МарГУ, 1986. — 119 с.

Патрушев В. С. У истоков волжских финнов. Йошкар-Ола. 1989а. — 122 с.

Патрушев В. С. Поселение Векса 1 в Вологодской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар: АН СССР; Коми филиал, 1989б. С. 30-31.

Патрушев В. С. Финноязычные народы Верхнего Поволжья: итоги и перспективы исследования // Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: Материалы 2-й Региональной научной конференции. Н. Новгород, 1991. С. 313-322.

Патрушев В. С. Финно-угры России (II тыс. до н.э. — начало II тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 1992а. — 216 с.

Патрушев В. С. Финноязычные народы в XII-VI вв. до н.э. // Suomen varhaishistoria. Rovaniemi, 1992б. С. 374-387.

Патрушев В. С. Ниточно-рябчатая керамика финноязычных племен России // Финно-угры России: Сборник научных трудов. Вып. 1. Памятники с ниточно-рябчатой керамикой. Йошкар-Ола: МарГУ, 1993. С. 3-20.

Патрушев В. С. Древнее искусство финно-угров Поволжья. I тысячелетие до н.э. Йошкар-Ола: Маркнигоиздат, 1994. — 80 с.

Патрушев В. С. Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени // Археология Евразийских степей. Вып. 8. У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Елабуга, 2009. С. 64-75.

Патрушев В. С. Могильники Волго-Камья раннеананьинского времени. Казань, 2011. — 276 с.

Патрушев В. С. Археологические памятники с текстильной керамикой: итоги и перспективы исследований // Поволжская археология. № 3. Казань: изд-во ФЭН, 2016. С. 194-224.

Патрушев В. С. Начало эпохи железа в Марийском крае // История Марий Эл с древнейших времен до наших дней в 2-х томах. Т. 1. История Марий Эл с древнейших времен до начала XX в. Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ. 2020а. С. 24-33.

Патрушев В. С. Великий путь наших предков // Марийский мир = Марий Сандалык. Йошкар-Ола, 2020 б, № 4. С. 50-59.

Патрушев В., Лавенто М. Хозяйство волжских финнов эпохи поздней бронзы и начала железного века. Йошкар-Ола, 2019. — 256 с.

Рогачев А. Н., Аникович М. В. Поздний палеолит Русской Равнины и Крыма // Палеолит СССР. М., 1984. С. 162-271.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1981. — 606 с.

Серебренников Б. А. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // Вопросы языкознания. М., 1955. № 6. — С. 19-31.

Серебренников Б. А. Происхождение марийского народа по данным языка // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 165-180.

Смирнов А. П. Археологические памятники на территории Марийской АССР и их место в материальной культуре Поволжья. Козьмодемьянск, 1949. — 135 с.

Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М, 1952. — 276 с. (Материалы и исследования по археологии СССР; № 28).

Смирнов А. П. Железный век Чувашского Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 95. М., 1961. — 171 с.

Смирнов И. Н. Черемисы. Историко-этнографический очерк. Казань, 1889. — 242 с.

Соловьев Б. С. Бронзовый век Марийского Поволжья: монография. Йошкар-Ола, 2000. — 264 с. (Труды МАЭ. Т. VI).

Стоколос В. С., Королев К. С. Археологическая карта Коми АССР. М., 1984. — 127 с. Ткаченко О. Б. Мерянский язык. Киев, 1985. — 208 с.

Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М. — Л., 1966. — 308 с.

Трубникова Н. В. Племена городецкой культуры // Труды ГИМ. Вып. XXII. М., 1953. С. 63-96.

Фодор И. О возможностях археологии в реконструкции древней истории уральских народов (комментарии к докладу Валерия Патрушева) // Материалы X Международного конгресса финно-угроведов: выступления и комментарии на пленарных заседаниях, официальные выступления, речи, приветствия, постердоклады. Ч. VIII. Йошкар-Ола: Маргосуниверситет, 2008. С. 44-48.

Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. — 430 с.

Халиков А. Х. У истоков финно-угорских народов // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 9-36.

Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969. — 396 с.

Халиков А. Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа VIII-VI вв. до н.э. М., 1977. — 264 с.

Халиков А. Х. Чирковская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987а. С. 136-139.

Халиков А. Х. Приказанская культура // Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987б. — С. 139-146.

Халиков А. Х., Лебединская Г. В., Герасимов М. М. Пепкинский курган (абашевская культура). Йошкар-Ола, 1966. — 73 с. (Труды МАЭ. Т. III).

Черных С. Я. Марийские антропонимы, связанные с этнонимами (этноантропонимы) // Вопросы марийской ономастики. Вып. 2. Йошкар-Ола, 1980. С. 36-72.

Чижевский А. А. Погребальные памятники населения Волго-Камья в финале бронзового — раннем железном веках (преданангвинская и ананьинская культурно-исторические области) // Археология Евразийских степей. Вып. 3. Казань: РИЦ Школа, 2008. — 172 с.: ил.

Штернберг Л. Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. — 573 с.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс, Энгельс, 2-е изд. Т. 21. 1954. С. 169-172.

Julku K. Eurooppa — ugrilaisten ja indoeurooppalaisten pelikenttä // Itämerensuomi — eurooppalainen maa. Studia Historika Fenno-Ugrica. 2. Oulu, 1997. S. 5-16.

Koskinen G. Der Ursprung der Urfinnen und der Urindogermanen // Mannus, 1, 2. Leipzig, 1909-28 s; 1911. — 30 s.

Künnap A. Uralilaisten kielten läntinen kontaktikenttä // Itämerensuomi — eurooppalainen maa. Studia Historika Fenno-Ugrica. 2. Oulu, 1997. S. 47-56.

Niskanen M. Itämerensuomalaisien alkuperä fyysisen antropologian näkökulmasta // Itämerensuomi eurooppalainen maa. Studia Historika Fenno-Ugrica. 2. Oulu, 1997. S. 57-64.

Patrushev V. The Early History of the Finno-Ugric Peoples of European Russia. Oulu, 2000. — 239 s.

Pusztay J. Ajatus uralilaisten kansojen ketjumaisesta alkukodista // Itämerensuomi eurooppalainen maa // *Studia Historica Fenno-Ugrica*, 2. Oulu, 1997. S. 78-96.

Saukkonen P. Suomalais-Ugrilaisten kansojen ja kielten alkuperäongelma. Helsinki: Yliopistopaino, 2006. — 67 s.

Cavalli-Sforza L. et al. The History and Geography of Human Genes. Princeton, New Jersey, 1994. — 786 p.

Veres G. A finnugor őshaza meghatarozasanak vitatott kerdesei a legujabb adatok alapjan (Neoi kultúra — nepi tarsadalom. Folklorica et Ethnografica. A Magyar Tudományos Akadémia Napraju Kutatóintézet Evkönyve XVI). Budapest, 1991. P. 95-118.

Wiik K. Suomalaistyyppistä ääntämistä germaanisissa kielissä // Itämerensuomi eurooppalainen maa // *Studia Historica Fenno-Ugrica*, 2. Oulu, 1997. Pp. 132-141.

References

Akimova, M. S. 1962. Paleoantropologicheskie materialy iz pogrebeniy epokhi bronzy i rannego zheleza s territorii Srednego Povolzh'ya [Paleoanthropological materials from burials of the Bronze Age and Early Iron Age from the Middle Volga region]. In: *Trudy MAE [Proceedings of the MAE]*, iss. II. Yoshkar-Ola. P. 232-240.

Aktsorin, V. A. 1981. Volzhsko-finskie i pribaltiiskie epicheskie traditsii i problemy proishozhdeniya mariytsev [Volga-Finns and Baltic epic traditions and problems of the origin of the Mari peoples]. In: *Congressus Quintur internationalis Fenno-Ugristarum*, III. Turku. P. 232-240.

Arkipov, G. A. 1962. Drevnemariyskiy zhenskiy kostyum IX–XI vv. n.e. [Ancient Mari women's costume in the 9–11th centuries AC]. In: *Trudy MarNII [Proceedings of the MarNII]*, iss. XVI. Yoshkar-Ola. P. 127–138.

Arkipov, G. A. 1967. Proishozhdenie mariiskogo naroda po arheologicheskim dannym (s I tys. n.e.) [Origin of the Mari peoples based on the archaeological data (from the 1st millennium AC)]. In: *Proishozhdenie mariyskogo naroda [Origin of the Mari peoples]*. Yoshkar-Ola. P. 36–52.

Arkipov, G. A. 1973. Mariytsi IX–XI vv. [Mari peoples in 9–11th centuries]. Yoshkar-Ola: Marknigoizdat. — 199 p.

Arkipov, G. A., Patrushev, V.S. 1982. Ardynskoe gorodishche [Ardynskoye settlement]. In: *Arheologiya i etnografiya Mariyskogo kraya. Poseleniya i zhilishcha Mariyskogo kraya [Archeology and ethnography of the Mari area. Settlements and homes of the Mari area]*, iss. 6. Yoshkar-Ola: MarNII. P. 51–82.

Bader, O. N. 1951. Drevnee Povetluzh'e v svyazi s voprosami etnogeneza mari i ranney istorii Povolzh'ya [Ancient Povetluzhie in connection with the issues of Mari ethnogenesis and the early history of the Volga region]. In: *Sovetskaya Entsiklopediya [Soviet Encyclopedia]*, № 2. P. 15–41.

Bader, O. N. 1970. Basseyin Oki v epokhu bronzy [Oka basin in the Bronze Age]. Moscow: Nauka. — 176 p.

Bader, O. N., Popova, T.V. 1987. Pozdnyakovskaya kul'tura [Pozdnyakov culture]. In: *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR [The era of the Bronze of the forest belt of the USSR]*. Moscow. P. 131–135.

Bader, O. N., Khalikov, A.Kh. 1976. Pamyatniki balanovskoy kultury [Archaeological sites of the Balanov culture]. In: *Svod arkheologicheskikh istochnikov [Collection of archaeological sources]*, iss. B1–25. — 168 p.

Boriskovskiy, P. P. 1984. Zaklyuchenie. Problemy paleoliticheckikh kul'tur, khozyaystva i sotsial'nogo stroya [Conclusion. Problems of Paleolithic cultures, economy and social order]. In: *Paleolit SSSR [Paleolit of the USSR]*. Moscow. P. 347–355.

Cavalli-Sforza, L. et al. 1994. The History and Geography of Human Genes. Princeton, New Jersey. — 786 p.

Chernykh, S. Ya. 1980. Mariyskie antroponimy, svyazannye s etnonimami (etnoantroponimy) [Mari anthroponyms associated with ethnonyms (ethnoanthroponyms)]. In: *Voprosy mariyskoy onomastiki [Questions of Mari onomastics]*, iss. 2. Yoshkar-Ola. P. 36–72.

Chizhevsky, A. A. 2008. Pogrebalniye pamyatniki naseleniya Volgo-Kam'ya v finale bronzovogo — rannem zheleznom vekakh (predanan'inskaya i anan'inskaya kulturno-istoricheskie oblasti) [Burial relics of the peoples in Volga-Kama at the end of Bronze-Early Iron Ages (pre-Ananyino and Ananyino cultural and historic areas)]. In: *Archeologiya evraziyskikh stepey [Archeology of Eurasian prairies]*, iss. 5. Kazan: Shkola. — 172 p.

Denisov, V. P. 1967. Kultury epokhi pozdney bronzy v Verkhnem i Srednem Prikam'ye i ikh rol' v formirovaniy anan'inskoy kul'tury [Cultures of the Late Bronze Age in the upper and middle Kama regions and their role in the formation of the Ananyino culture]. In: *Uchyonye zapiski [Scholarly Scrapbook]* PGU, № 148. Perm. P. 29–50.

Engels, F. Proiskhozhdenie sem'i, chastnoy sobstvennosti i gosudarstva [The origin of the family, private property and the state]. In: *Marks, Engels*, ed. 2, vol. 21. M. 1954. P. 169–172.

Fodor, I. 2008. O vozmozhnostyakh arkheologii v rekonstruktsii drevney istorii ural'skikh narodov (kommentarii k dokladu Valeriya Patrusheva) [On the possibilities of archeology in the reconstruction of the ancient history of the Ural peoples (comments on the report of Valery Patrushev)]. In: *Materialy X Mezhdunarodnogo*

kongressa finno-ugrovedov: vystupleniya i kommentarii na plenarnykh zasedaniyakh; ofitsialnye vystupleniya, rechi, privetstviya, poster-doklady [Materials of the X International Congress of Finnish-Ugric Studies: speeches and comments at plenary sessions; official speeches, speeches, greetings, posters], part VIII. Yoshkar-Ola: Maru State University. P. 44–48.

Gabyashev, R. S. 1978. Khronologiya neolita Nizhnego Prikam'ya [Chronology of the Neolithic Era in the Lower Kama region]. In: *KSIA*, iss. 153. Moscow. P. 74–76.

Galkin, I. S. 1967. Toponimika Mariyskogo kraya v svyazi s voprosom proishozhdeniya mariyskogo naroda [Toponymy of the Mari area in connection with the issue of the Mari peoples origin]. In: *Proishozhdenie mariyskogo naroda. [Origin of the Mari peoples]*. Yoshkar-Ola. P. 203–210.

Gulyaev, V. I. 1962. K voprosu o svyazyakh gorodetskiikh plemyon s yugom v VII–VI vv. do n.e. [To the question of the Gorodets tribes connections with the south in the 7–6th centuries BC]. In: *Istoriko-arheologicheskiiy sbornik [Historical and archaeological collection]*. Moscow. P. 114–120.

Julku, K. 1997. Eurooppa — ugrilaisten ja indoeurooppalaisten pelikenttä' [Europe — a playing field for Ugric and Indo-Europeans]. In: *Itämerensuomi — eurooppalainen maa [Baltic Finland is a European country]*. In: *Studia Historika Fennougrica*, 2. Oulu. S. 5–16.

Khaydu, P. 1985. Uralskie yazyki i narody [Uralic languages and peoples]. Moscow. — 430 p.

Khalikov, A. Kh. 1967. U istokov finno-ugorskiikh narodov [At the origins of the Finno-Ugric peoples]. In: *Proiskhozhdenie mariyskogo naroda [The origin of the Mari people]*. Yoshkar-Ola. P. 9–36.

Khalikov, A. Kh. 1969. Drevnyaya istoriya Srednego Povolzh'ya [The ancient history of the Middle Volga region]. Moscow: Nauka. — 396 p.

Khalikov, A. Kh. 1977. Volgo-Kam'ye v nachale epokhi rannego zheleza. VIII – VI vv. do n. e. [Volga-Kama region in the beginning of the Early Iron Age. 8–7th centuries BC]. Moscow: Nauka. — 264 p.

Khalikov, A. Kh. 1987a. Chirkovskaya kul'tura [Chirkovskaya culture] // Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR [The Bronze Age of the forest belt of the USSR]. Moscow. P. 136–139.

Khalikov, A. Kh. 1987. Prikazanskaya kul'tura [Prikazanskaya culture]. In: *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR. Archeologiya SSSR [The Bronze Age in the forest belt in USSR. Archeology of USSR]*. Moscow. P. 139–146.

Khalikov, A. Kh., Lebedinskaya, G. V., Gerasimov, M. M. 1966. Pepkinskiy kurgan [Pepkinskiy mound]. In: *Trudy MAE [Proceedings of the MAE]*, vol. III. Yoshkar-Ola. — 69 p.

Koltsov, L. V. 1989a. Mezolit Volgo-Okskogo regiona [Mezolithic period in the Volga-Oka region]. In: *Mezolit SSSR [Mezolithic period of the USSR]*. Moscow. P. 68–86.

Koltsov, L. V. 1989b. Mezolit Srednego Povolzh'ya [Mezolithic period in the Middle Volga region]. In: *Mezolit SSSR [Mezolithic period of the USSR]*. Moscow. P. 87–92.

Kossinna, G. 1909; 1911. Der Ursprung der Urfinnen und der Urindogermanen [The origin of the Urfinnen and the Indo-Europeans]. In: *Mannus, Leipzig*. — 1. — 28 s.; 2. — 30 s.

Kosven, M. O. 1964. Patronimiya i eyo rol' v istorii obshchestva [Patronymy and its role in the history of the society]. Moscow. — 9 p.

Kozlov, V. I. 1979. O klassifikatsii etnicheskikh obshchestv (sostoyanie voprosa) [About the classification of ethnic communities (state of the question)]. In: *Issledovaniya po obshchey etnografii [Studies in general ethnography]*. Moscow. P. 5–23.

Kraynov, D. A. 1987. Volosovskaya kultura [The Volosovo culture]. In: *Epokha bronzy lesnoy polosy SSSR. Arkheologiya SSSR [Bronze Age in the forest zone of USSR. The USSR archeology]*. Moscow: Nauka. P. 10–28.

Kraynov, D. A. 1996. Verkhnevolzhskaya kul'tura [Culture of the Upper Volga region]. In: *Neolit Severnoy Evrazii [Neolithic period in the Northern Eurasia]*. Moscow. P. 166–173.

Kraynov, D. A., Hotinskiy, N. A. 1977. Verkhnevolzhskaya neoliticheskaya kul'tura [Neolithic culture of the Upper Volga region]. In: *Sovetskaya Arkheologiya [Soviet Archaeology]*, № 3. Moscow. P. 42–68.

Künnap, A. 1997. Uralilaisten kielen läntinen kontaktikenttä [The legal contact field for the Uralic languages]. In: *Itämerensuomi — eurooppalainen maa [Baltic Finland is a European country]*. In: *Studia Historika Fennougrica*, 2. Oulu. P. 47–56.

Kuzminykh, S. V. 1977. Bronzovye orudiya i oruzhie v Srednem Povolzh'e i Priural'e (1 tysyacheletie BC) [Bronze tools and weapons in the Middle Volga and Ural (1st millennium BC)]. Synopsis of Candidate's dissertation in historic sciences: 07.00.06. Moscow. — 22 p.

Kuzminykh, S. V. 1983. Metallurgiya Volgo-Kam'ya v rannem zheleznom veke [Metallurgy in the Volga-Kama region in the early Iron Age]. Moscow. — 257 p.

Kuzminykh, S. V. 2000. Arheologicheskoe izuchenie anan'inskogo mira v XX veke: osnovnie dostizheniya i problemy [Archaeological study of the Ananyino world in the 20th century: main achievements and problems]. In: *Rossiyskaya arkheologiya: dostizheniya XX i perspektivy XXI vv. [Russian archeology: achievements of the 20th and prospects of the 21st centuries]*. Izhevsk. S. 104–113.

Kuzminykh, S. V., Chizhevskiy, A. A. 2009. Anan'inskiy mir: vzglyad na sovremennoe sostoyanie problemy [Ananyino world: look at the modern state of the problem]. In: *U istokov archeologii Volgo-Kamya (k 150-letiyu otkritiya Anan'inskogo mogilnika). Archeologiya evraziyskikh stepey. [On the beginning of archeology in*

Volga-Kama region (to the 150-year's anniversary of discovering the Ananyino cemetery). Archeology of Eurasian prairies], iss. 8. Yelabuga: Andersen. P. 29–55.

Kuzminykh, S. V., Chizhevskiy, A. A. 2017. Vvedenie v arheologiyu anan'inskoy kulturno-istoricheskoy oblasti: severo-vostok Evrope v finale bronzovogo i rannem zheleznom vekakh [Introduction to the archeology of the Ananyin cultural-historical region: northeastern Europe in the Late Bronze and the Early Iron ages]. In: *Arheologiya Evraziiskikh stepey. Epokha bronzy i ranniy zhelezniy vek: Materialy III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Anan'inskiy mir: kulturnoe prostranstvo, svyazi, traditsii i innovatsii"* [Archeology of the Eurasian steppes. The Bronze Age and the Early Iron Age: Materials of the III International scientific conference "Ananyin world: cultural space, relations, traditions and innovations"], № 3. Kazan. P. 22–35.

Liganov, A. V. 2013. Khozyaystvo naseleniya pozdnego bronzovogo veka Volgo-Kama [The economy of the Late Bronze Age population in the Volga-Kama region]. Synopsis of Candidate's dissertation in historic sciences: 07.00.06. Kazan. — 21 p.

Markov, V. N. 1988. Nizhnee Prikam'e v anan'inskuyu epokhu (ob etnokulturnykh komponentakh anan'inskoy obshchnosti). [The lower Kama region in the Ananyino era (on the ethnocultural components in the Ananyino community)]. Synopsis of Candidate's dissertation in historic sciences. Leningrad. — 18 p.

Markov, V. N. 1994. Anan'inskaya problema [The Ananyino problem]. In: *Pamyatniki drevney istorii Volgo-Kamj'ya* [Ancient history sites of the Volga-Kama region]. Kazan. P. 48–88.

Nikitin, V. V. 1996. Kamennyy vek mariyskogo kraya [The Stone Age in the Mari area]. In: *Trudy MAE* [Proceedings of the MAE], iss. IV. Yoshkar-Ola. — 179 p.

Nikitina, T. B. 2002. Mariytsi v epokhu srednevekov'ya (po arheologicheskim mater'yalam) [Mari peoples in the Middle Ages (on the base of the archaeological data)]. Yoshkar-Ola. — 431 p.

Nikitina, T. B. 2020. Mariiskiy kray v epokhu srednevekov'ya [Mari area in the Middle Ages]. In: *Istoriya Mariy El s drevneishih vremen do nashikh dney. V 2 tomakh. Tom 1. Istoriya Mariy El s drevneishikh vremyon do nachala XX v.* [History of Mari El from the ancient times till our days. In 2 volumes. Vol. 1. History of Mari El from the ancient times till the beginning of the 20th century]. Yoshkar-Ola: MarNIIJALI. P. 34–50.

Niskanen, M. 1997. Itämerensuomalaisten alkuperä fyysisen antropologian näkökulmasta [The origin of Finns in the Baltic Sea from the point of view of physical anthropology]. In: *Itämerensuomi — eurooppalainen maa* [Baltic Finland is a European country]. In: *Studia Historica Fenno-Ugrica*, 2. Oulu. S. 57–64.

Novikov, A. V. 2019. Aktualnyye problemy izucheniya poseleniy RZHV vostochnoy chasti basseyna Verhney Volgi (Kostromskoye i Ivanovskoye Povolzh'ye). K postanovke voprosov [Actual problems of studying the Early Iron Age settlements in the eastern part of the Upper Volga basin (Kostroma and Ivanovskoe Volga regions). To ask questions]. In: *Arheologiya Evraziiskikh stepey. Epokha bronzy i ranniy zheleznyy vek: Materialy kruglogo stola "Drevnosti Nizhnego Priam'ya i 160 let arheologii Anan'inskogo mogil'nika"* [Archeology of Eurasian prairies. The Bronze Age and the Early Iron Age. Materials of the roundtable conference "Antiquities of the Lower Kama region and 160 years of archeology of the Ananyin burial ground"], № 2. Kazan. P. 179–191.

Olkhovskiy, V. S. 1991. Pogrebal'no-pominalnaya obryadnost' naseleniya stepnoy Skifii (VII–III vv. do n.e.) [Funeral and commemorative ritualism of the steppe Skythia peoples (7–3th centuries BC)]. Moscow. — 256 p.

Patrushev, V. S. 1971. Mariysko-Chyuvashskoe Povolzh'ye v epokhy rannego zheleza (VIII–VI vv. do n. e.) [Mari-Chuvash Volga in the Early Iron Age (8–6th centuries BC)]. Synopsis of Candidate's dissertation in historic sciences: 07.00.06. Leningrad: LGU. — 17 p.

Patrushev, V. S. 1979. Etnicheskie osobennosti naseleniya Mariyskogo kraya v VIII–VI vv. do n. e. [Ethnic characteristics of the population of the Mari Territory in the 8–6th centuries. BC]. In: *Voprosy finno-ugrovedeniya: tezisy dokladov na XVI Vsesoyuznoy konferentsii finno-ugrovedov*. [Finno-Ugric Studies: Abstracts of Reports at the 16th All-Union Conference of Finno-Ugric Studies]. Part 2. Syktyvkar: AN SSSR; Komi filial. P. 43–45.

Patrushev, V. S. 1982. Prilozhenie k instrumentariyu issledovaniy: sopostavlenie kulturnykh priznakov Starshego Akhmylovskogo mogil'nika i mogil'nikov sinkhronnykh, predydushchikh i posleduyushchikh kul'tur [Supplement to the research toolkit: comparison of cultural features of the Older Akhmylovsky burial ground and burial grounds of synchronous, previous and subsequent cultures]. In: *Voprosy etnicheskoy istorii v pervobytnuyu epokhu: Mezhevuzovskiy sbornik [Issues of ethnic history in the primitive era: interuniversity collection]*. Yoshkar-Ola: MarGU. P. 1–43.

Patrushev, V. S. 1984. Mariyskiy kray v VII–VI vv do n. e. [Mari region in 7–6th centuries BC]. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo. — 231 p.

Patrushev, V. S. 1986. Nachalo epokhi rannego zheleza v Mariyskom krae: uchebnoe posobie [Beginning of the period of early iron in the Mari Territory a tutorial]. Yoshkar-Ola: MarGU. 119 s. — 119 p.

Patrushev, V. S. 1989. U istokov volzhskikh finnov [At the origins of the Volga Finns]. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo. — 124 p.

Patrushev, V. S. 1989b. Poselenie Vyoksa I v Vologodskoy oblasti [Settlement Veksa I in the Vologda region]. In: *Arkheologicheskie otkrytiya Urala i Povolzh'ya [Archaeological discoveries of the Urals and the Volga region]*. Syktyvkar: AN SSSR, Komi filial. P. 30–31.

Patrushev, V. S. 1991. Finnoyazychnye narody Verkhnego Povolzh'ya: itogi i perspektivy issledovaniya [Finnish-speaking peoples of the Upper Volga region:

results and prospects of research]. In: *Pamyatniki istorii i kultury Verkhnego Povolzh'ya: Materialy 2 regionalnoy nauchnoy konferentsii*. [Monuments of history and culture of the Upper Volga region: Materials of the 2nd regional scientific conference]. Nizhny Novgorod. P. 313–322.

Patrushev, V. S. 1992. Finno-Ugry Rossii [Finno-Ugric peoples of Russia]. Yoshkar-Ola: Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo. — 316 p.

Patrushev, V. S. 1992b. Finnoyazychnye narody v XII–VI vv. do n.e. [Finnish-speaking peoples in the 12–6th centuries BC]. In: *Suomen varhaishistoria* [Early history of Finland]. Rovaniemi. P. 374–387.

Patrushev, V. S. 1993. Nitochno-ryabchataya keramika finnoyazychykh plemyon Rossii [Spun-speckled ceramics of the finnish-speaking populations of Russia]. In: *Finno-Ugry Rossii* [Finno-Ugric peoples of Russia]. Yoshkar-Ola: MarGU. P. 7–11.

Patrushev, V. S. 1994. Drevnee iskusstvo finno-ugrov Povolzh'ya. I tysyacheletie do n.e. [The ancient art of the Finno-Ugrians of the Volga region. 1st millennium BC]. Yoshkar-Ola: Marknigoizdat. — 80 p.

Patrushev, V. S. 2009. Mogilniki Volgo-Kam'ya rannean'an'skogo vremeni [Burial grounds of the Volga-Kama region of the Early Annanyin period]. In: *Arkheologiya Evraziyskikh stepey. U istokov arkheologii Volgo-Kamya (k 150-letiyu otkrytiya Ananinskogo mogilnika)*. [Archeology of the Eurasian steppes. At the origins of the Volga-Kama archeology (to the 150th anniversary of the discovery of the Ananinsky burial ground)], iss. 8. Elabuga. P. 64–75.

Patrushev, V. S. 2011. Mogil'niki Volgo-Kam'ya rannean'an'skogo vremeni [Cemeteries of Volga-Kama region in the Early Annanyino period]. Kazan: Archaeology University. — 384 p.

Patrushev, V. S. 2016. Arkheologicheskie pamyatniki s tekstilnoy keramikoy: itogi i perspektivy issledovaniy [Archaeological sites with textile ceramics: results and prospects of research]. In: *Povolzhskaya arkheologiya* [Archeology of the Volga region], № 3. Kazan: FEN. P. 194–224.

Patrushev, V. S. 2020a. Nachalo epokhi zheleza v Mariyskom krae [The beginning of the Iron Age in the Mari Territory]. In: *Istoriya Mariy El s drevneyshikh vremyon do nashikh dney v 2 tomakh. Tom 1. Istoriya Mariy El s drevneyshikh vremyon do nachala XX v.* [History of Mari El from ancient times to the present day in 2 volumes. Vol. 1. History of Mari El from ancient times to the beginning of the 20th century]. Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI. P. 24–33.

Patrushev, V. S. 2020b. Velikiy put' nashikh predkov [The great path of our ancestors]. In: *Mariyskiy mir / Mariy sandalyk* [Mari world / Mariy sandalyk], № 4. Yoshkar-Ola. P. 250–259.

Patrushev, V., Lavento, M. 2019. Khozyaystvo volzhskikh finnov epokhi pozdney bronzy i nachala zheleznogo veka [The economy of the Volga Finns in the Late Bronze Age and the beginning of the Iron Age]. Yoshkar-Ola — Helsinki. — 256 p.

Pusztay, J. 1997. Ajatus uralilaisten kansojen ketjumaaisesta alkukodista [The idea of a chain home of the Uralic peoples]. In: *Itämerensuomi — eurooppalainen maa [Baltic Finland is a European country]*. In: *Studia Historica Fenno-Ugrica*, 2. Oulu. P. 78–96.

Rogachev, A. N., Anikovich, M. V. 1984. Pozdnyy paleolit Russkoy Ravniny i Kryma [Late Paleolithic of the Russian Plain and Crimea]. In: *Paleolit SSSR [The Palaeolithic age of the USSR]*. Moscow. P. 162–271.

Rybakov, B. A. 1981. Yazychestvo drevnikh slavyan [Paganism of the ancient Slavs]. Moscow: Nauka. — 606 p.

Saukkonen, P. 2006. Suomalais-Ugrilaisten kansojen ja kielten alkuperäongelma [The problem of the origin of the Finno-Ugric peoples and languages]. Helsinki: Yliopistopaino. — 67 s.

Serebrennikov, B. A. 1955. Volgo-Okskaya toponimika na territorii Evropeyskoy chasti SSSR [Volga-Oka toponymy on the territory of the European part of the USSR]. In: *Voprosy yazykoznaviya [Questions of linguistics]*. N 5. Moscow. P. 19–31.

Serebrennikov, B. A. 1967. Proiskhozhdenie mariyskogo naroda po dannym yazyka [The origin of the Mari people according to the language]. In: *Proiskhozhdenie mariyskogo naroda [The origin of the Mari people]*. Yoshkar-Ola. P. 165–180.

Shternberg, L. Ya. 1936. Pervobytnaya religiya v svete etnografii [Primitive religion in the light of ethnography]. Leningrad. — 573 p.

Smirnov, A. P. 1949. Arkheologicheskie pamyatniki na territorii Mariyskoy ASSR i ikh mesto v materialnoy kul'ture Povolzh'ya [Archaeological monuments on the territory of the Mari ASSR and their place in the material culture of the Volga region]. Kozmodemyansk. — 135 p.

Smirnov, A. P. 1952. Ocherki drevney i srednevekovoy istorii narodov Srednego Povolzh'ya i Prikam'ya [Essay about the ancient and middle-age history of peoples in the Middle Volga and Kama]. In: *MIA [The USSR Archaeology Proceedings and Researches]*, № 28. Moscow: Nauka. — 276 p.

Smirnov, A. P. 1961. Zheleznyy vek Chuvashskogo Povolzh'ya [The Iron Age of the Chuvash Volga Region]// In: *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR [Materials and research on archeology of the USSR]*, № 95. Moscow. — 171 p.

Smirnov, I. N. 1889. Cheremisy. Istoriko-etnograficheskiy ocherk [Historical and ethnographic sketch]. Kazan. — 242 p.

Solovyev, B. S. 2000. Bronzovyy vek Mariyskogo Povolzh'ya. [Bronze age Mari Volga region]. In: *Trudy MAE [Proceedings of Mari archaeological expedition]*, vol. VI. Yoshkar-Ola: Mari State university. — 264 p.

Stokolos, V. S., Korolev, K. S. 1984. Arkheologicheskaya karta Komi ASSR [Archaeological map of the Komi ASSR.]. Moscow. — 127 p.

Tkachenko, O. B. 1985. Meryanskiy yazyk [Meryan language]. Kiev. — 208 p.

Tretyakov, P. N. 1966. Finno-ugry, balty i slavyane na Dnepre i Volge [The Finno-Ugrians, the Balts and the Slavs on Dnieper and the Volga Rivers]. Moscow: Nauka. — 306 p.

Trubnikova, N. V. 1953. Plemena gorodetskoy kultury [Tribes of gorodets culture]. In: *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya* [Works of the State historical museum], iss. XXII. Moscow. P. 63–96.

Veres, G. A. 1991. Finnugor őshza meghatarozasanak vitatott kérdesei a legújabb adatok alapján (Neoi kultúra — nepi tarsadalom. Folklorica et Ethnografica. A Magyar Tudományos Akadémia Néprajzu Kutatóintézet Evko'nyve XVI) [According to the latest data, the disputed questioners of Finno-Ugric homeland have been identified. (Neoi kultúra — nepi tarsadalom. Folklorica et Ethnografica. Evko'nyve XVI of the Hungarian Academy of Sciences Néprajzu Research Institute)]. Budapest. P. 95–118.

Wiik, K. 1997. Suomalaistyyppistä ääntämistä germaanisissa kielissä [Finnish-type pronunciation in Germanic languages]. In: *Itämerensuomi — eurooppalainen maa* [Baltic Finland is a European country]. In: *Studia Historica Fenno-Ugrica*, 2. Oulu. S. 132–141.

Zolotaryev, A. M. 1939. Rodovoy stroy i religiya ulchey [The clan system and the religion of the Ulchi]. Khabarovsk. — 202 p.

Список сокращений

АН СССР — Академия Наук Союза Советских Социалистических Республик

ГИМ — Государственный исторический музей

ЛГУ — Ленинградский государственный университет

МарГУ — Марийский государственный университет

МарНИИ — Марийский научно-исследовательский институт

МарНИИЯЛИ — Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

МАЭ — Марийская археологическая экспедиция

ПГУ — Пермский государственный университет

СА — Советская археология

САИ — Свод археологических источников

СЭ — Советская этнография

ТРАДИЦИЯ И ИСЛАМ: ИНОЙ ОПЫТ, ИНОЕ НАСЛЕДИЕ

Куценков Петр Анатольевич

Отдел сравнительного культуроведения Института востоковедения РАН,
Москва, Россия, pkutsenkov@gmail.com

ТРАДИЦИОННАЯ И МУСУЛЬМАНСКАЯ АРХИТЕКТУРА ДОГОНОВ (МАЛИ)

Аннотация: Статья основана на опыте работы Малийской экспедиции Института востоковедения РАН в 2015–2020 гг. В ней рассматривается феномен проникновения элементов доисламского декора в архитектуру мечетей в Стране догонов (Мали). Прежде чем непосредственно обратиться к этому предмету, автор сообщает необходимые сведения об истории и этнографии догонов, а также кратко описывается архитектура Суданского стиля в Мали. По мнению автора, в случае с архитектурой догонов можно наблюдать очень своеобразный вариант взаимодействия традиционной культуры с исламом. Само по себе использование традиционных для данной территории форм и типов архитектурных сооружений хорошо известно — достаточно тут вспомнить османские мечети, имеющие своим прототипом Айя Софию. Но в этом случае имитировалось не языческое сооружение, а церковь, построенная «людьми Писания». С догонами дело обстоит иначе: в архитектуре мечетей воспроизводится не просто декор сооружения, напрямую связанного с традиционной религией, но именно те его детали, что связаны с поклонением «идолам», или фетишам. На взгляд автора, этот пример помогает понять, каким образом откровенно языческие формы традиционной архитектуры оказываются на фасадах мечетей, а те превращаются в традиционные общественные здания. Как ни странно это прозвучит, но, по мнению автора, такое положение говорит не столько о слабости ислама, сколько проникновение языческих элементов в мусульманскую архитектуру, скорее, является свидетельством синтеза ислама и традиционной культуры, такого, когда языческие элементы уже не осознаются как таковые, а исламские не отождествляются догонами только с религией.

Ключевые слова: Мали, догоны, традиционная архитектура, гинна, мечеть.

Для цитирования: Куценков П. А. Традиционная и мусульманская архитектура догонов (мали) // Центральная Евразия. № 1 (5). М., 2021.

Petr A. Kutsenkov

Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences, Department of
Comparative Cultural Studies, Moscow, Russia, pkutsenkov@gmail.com

TRADITIONAL AND MUSLIM ARCHITECTURE OF DOGON (MALI)

Abstract: The article is based on the experience of the Mali Expedition of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in 2015–2020. It examines the phenomenon of the penetration of elements of pre-Islamic decor into the architecture of mosques in the Dogon Country (Mali). Before directly addressing this subject, the author provides the necessary information about the history and ethnography of the Dogon, and also briefly describes the architecture of the Sudanese style in Mali. According to the author, in the case of the Dogon architecture one can observe a very peculiar version of the interaction of traditional culture with Islam. The very use of forms and types of architectural structures traditional for a given territory is well known (Ottoman mosques which have Hagia Sophia as their prototype). But in this case, it was not a pagan structure that was imitated, but a church built by the “People of the Book”. With the Dogon, the situation is different: the architecture of mosques reproduces not just the decor of a structure directly related to traditional religion, but precisely those details that are associated with the worship of “idols” or fetishes. In the author's opinion, this example helps to understand how the overtly pagan forms of traditional architecture end up on the facades of mosques, and they turn into traditional public buildings. Strange as it may sound, but, according to the author, this position speaks not so much of the weakness of Islam as the penetration of pagan elements into Muslim architecture. It is rather the evidence of the synthesis of Islam and traditional culture, such when the pagan elements are no longer recognized as such, and the Islamic ones are not identified by Dogon only with religion.

Keywords: Mali, Dogon, traditional architecture, guinna, mosque.

For citation: Kutsenkov, P.A. 2021. Traditsionnaya i musul'manskaya arkhitektura dogonov (mali) Traditional and muslim architecture of dogon (mali). In: *Tsentrāl'naya Evraziya [Central Eurasian Studies]*, no. 1 (5). – (in Russ.).

Статья об архитектуре африканского народа в журнале, посвященном Центральной Азии и Кавказу, может показаться не совсем уместной. В сущности, так оно и есть. Но имеются некоторые обстоятельства, которые в определенной мере оправдывают ее появление здесь. Во-первых, юг республики Мали, как и Кавказ, является зоной активных этнических контактов. Во-вторых, в мусульманской культуре догонов можно встретить множество пережитков и даже рецидивов традиционной религии, что также не чуждо культурам народов Кавказа. В-третьих, сходство имеется даже в технике строительства: повсеместно в Мали, и у догонов, в частности, преобладает земляное строительство, или земляное строительство с использованием камня, т.е. та же, что вполне характерна и для Центральной Азии, и для Кавказа. Таким образом, для сравнения этих культур есть определенная почва.

Догоны: народ и культура

Прежде чем обратиться непосредственно к архитектуре, следует дать читателю хотя бы самое общее представление как о догонах, так и о специфике малийского ислама.

Всеобщее внимание догоны привлекли после 1948 г., когда была опубликована книга Марселя Гриоля «Бог воды» (Griaule 1948), содержащая сенсационные сведения о якобы имеющейся у догонов эзотерической мифологии. Сейчас само существование этих мифов вызывает большие и обоснованные сомнения. Этот народ обитает на нагорье Бандиагара (Плато Догон, *Plateau Dogon*) и прилегающих к нему с юга и с востока долинах на востоке южной части Республики Мали и в приграничных землях Буркина-Фасо. Их численность составляет примерно 800 тыс. человек, но в Стране догонов постоянно обитают ок. 400 тыс. Очень велики сезонные колебания численности населения: основные сельскохозяйственные работы приходится на сезон дождей (май — сентябрь), и тогда большинство населения возвращается в деревни. В сухой сезон (октябрь — апрель) интенсивность сельскохозяйственных работ падает (кроме тех мест, где имеется искусственное орошение), и мужчины ищут работу в больших городах и в соседних странах (такое положение существует со стародавних времен). Догоны в настоящее время говорят на 20 или даже 30 языках, причем их носители часто не понимают друг друга. Поэтому в качестве языков межгруппового общения используются бамананкан, фульфульде и французский.

История этногенеза догонов до сих пор неясна. Существует несколько версий истории миграций современного населения на нагорье Бандиагара. Большая их часть рассмотрена в статье А. Галлэ и др. «Археология, история и устная традиция: три ключа к прошлому догонов» (Gallay et d'autres 1995:

26-28). Согласно «официальному» общедогонскому историческому преданию, до догонов на нагорье обитали *теллем* (*tellem*, в переводе с языка тенкан «[те] кого [мы] нашли»). Догоны вышли из Страны манде (находится к западу от Бамако между городами Кангаба, Кита и Бамако), однако указываются разные даты этого исхода; о своем происхождении из Страны манде рассказывают даже те группы, что явно не имеют к ней отношения. Согласно тому же «официальному» историческому преданию, пришельцы изгнали теллем, и те ушли на юг Долины Сено и на территорию современной Буркина-Фасо. Однако в устных исторических преданиях отдельных деревень содержатся сведения, позволяющие предположить, что, по крайней мере, часть теллем была ассимилирована догонами.

Сейчас можно уверенно говорить только о том, что современные догоны формировались множеством групп, и что было две волны миграций на нагорье: первая датируется XII-XIII вв., вторая — XV-XIX вв. Несмотря на существование общедогонского «официального» исторического предания, сведения о миграциях сохранились в устных традициях отдельных деревень и их кварталов¹. На северо-востоке нагорья, в культурно-исторической области Бондум, в деревнях Тинтан и Семари, устная традиция сохранила сведения о времени их основания, причем, в последнем случае, оно точно датировано 1269 г. (Описание деревни Семари 2016: 107). Деревня Тинтан была основана несколько раньше, около тысячи лет назад. Известно имя и тиге (*tigé*, клановое имя) ее основателя — великого охотника Анабари Киаба (информанты Буреима Кассамбара, Мамуду Кассамбара, Пабель Кассамбара). Интересно, что керамика теллем, сохранившаяся в их деревне, совершенно идентична современной керамике из Тинтан, а догонские железные фетиши «моме» (*tomé*) из Тинтан практически неотличимы от фетишей из заброшенных деревень теллем на юге Страны догонов. В ходе экспедиций в Мали в 2019 и 2020 гг. выяснилось, что последняя зафиксированная устной традицией миграция имела место во времена Самори Туре, в 1870-х гг.: люди из клана Йалкуе ушли из зоны боевых действий по следам своих средневековых предшественников. Есть пророчество, согласно которому догоны рано или поздно вернуться на свою историческую родину. И действительно, обратная миграция началась в наши дни: Йалкуе начали возвращаться в Страну манден, причем, переселяются по преимуществу «*Суфи адама*», т. е. суфии, которые, с точки

¹ Нередко отдельные кварталы являются, по сути дела, независимыми поселениями. Так, в д. Энде, которая является базой Малийской экспедиции ИВ РАН, их четыре: Огоденгу («Место пребывания вождя»), Энде-Во («Я в Энде»), Энде-Тооро («Фетиш Энде») и Гиранканда («Новые дома»). В официальных документах их названия — *Endé-Guinekanda*, *Endé-Toro*, *Endé-Wo*, *Endé-Ogo-Dengou*. Каждый из этих кварталов имеет собственную традицию об основании деревни (подробно об этом см.: Куценков, 2019).

зрения терзающих последние годы страну догонов джихадистов, даже хуже христиан. Переселенцы должны заручиться разрешением местных элит, однако не было случаев, чтобы им было отказано: их наделяют землей и всеми традиционными гражданскими правами. Таким образом, миграции догонов продолжаются и в наши дни.

Ислам в Мали

Что касается ислама, то первые мусульмане появились на территории современной Республики Мали, вероятно, уже после первого набега арабов на Вагаду (Гану) в 734 г. В ее разрушенной Альморавидами 1076 г. столице Кумби-Сале (находится на территории современной Мавритании на границе с Мали) была мечеть, чей план весьма близок плану знаменитой мечети в Дженне. В XIII в. преемник основателя империи Мали Сунджаты Кейта, Уали Кейта (1255-1270), официально принял ислам, причем в некоторых догонских устных традициях именно это событие называется причиной ухода на нагорье: догоны принимать ислам не пожелали. Чуть позже (1280 г.) двадцать шестой царь Дженне Кой Комборо принял ислам и построил первую в этом городе мечеть. Сейчас, формально, ислам исповедуют около 90% малийцев, но есть основание сомневаться в достоверности этой цифры. Население Мали придерживается суннитского ислама, хотя, как и во всей Западной Африке, там очень велико влияние суфийских тарикатов.

Ни в империи Мали, ни в пришедшей ей на смену империи Сонгаи ислам насильственно не насаждался. Равным образом, ни устная традиция, ни письменные источники не зафиксировали в истории Мали продолжительных религиозных войн: в средневековых малийских царствах и империях сохранялось широкое самоуправление этнических и религиозных меньшинств (обычно их зависимое положение ограничивалось выплатой податей и обязанностью выставлять ополчение в случае войны). На чужую же религию никто не покушался, даже напротив: в Старом Сегу (Секоро) основатель «империи», убежденный язычник Мамари Битон Кулибали (1712-1755), построил мечеть для своей матери-мусульманки Ба Суну Сако, чтобы той, по словам жителей Секоро, «не надо было далеко ходить на молитву». Любопытно, что сам этноним бамбара появился задолго до возникновения языческого государства в конце XVII в. и, вероятно, первоначально обозначал вообще всех язычников (в «Суданских хрониках» упоминаются «язычники-бамбара», нападавшие на мусульманские города, что сопровождалось их «страшным и омерзительным разорением») (Суданские хроники 1984: 260.). Сохранилось даже предание о том, что преемником царя Дженне Кой Комборо стал язычник Малаха Танапо, который построил здание, разделенное на две части — в одной была

мечеть, а в другой помещались языческие идолы (Ba, Daget 1984: 154). Положение изменилось только в XIX в., но и тогда вспышки религиозного фанатизма, вроде джихада тукулеров, были непродолжительны и быстро сходили на нет. Так, после печального происшествия с Эль Хадж Умар¹аллем в феврале 1864 г. в окрестностях города Бандиагара², тукулеры перестали усердствовать с насильственным насаждением учения Пророка. Но, разумеется, религиозные конфликты история Мали знала: Али, сын основателя империи Сегу Мамари Битона Кулибали, в 1757 г. вознамерился насильственно ввести нормы шариата — он запретил употребление спиртных напитков и поклонение фетишам (*boli*), за что и был немедленно утоплен в Нигере.

В повседневной жизни малийских городов и деревень автор не заметил ни малейших признаков религиозной нетерпимости. Так, в Дженне около всемирно известной мечети, находящейся под охраной ЮНЕСКО, посетителей встреч²ет грозная надпись «*Entrée interdite pour non musulmans*»³, однако если посетитель ведет себя прилично и уважительно, его с удовольствием проведут по ней и покажут ему все, что он захочет.

Примерно до конца 60-х гг. прошлого века мусульман среди догонов было совсем немного. Но они были, и появились там довольно рано: так, в устной исторической традиции д. Семари (*Semari*, *Samari*, сельская коммуна Дангол-Боре округа Дуэнца региона Мопти) сохранились сведения о том, что третий вождь основанной в 1269 г. деревни носил имя Калифа Барри, т.е., судя по его имени, был мусульманином. Тем не менее, до сих пор деревня эта остается по преимуществу языческой, а в бруссе на дороге туда построена стена, за которую мусульманам заходить не разрешается. Но, опять-таки, если этот мусульманин хороший человек, то он может спокойно проследовать в деревню и воспользоваться гостеприимством ее жителей. В XIX в. в Стране Догонов даже возникло мусульманское потестарное образование — «город-государство» этнической группы саман (*saman*) с центром в д. Кани-Гогуна (*Kani-Gogouna*, округ Бандиагара, сельская коммуна Вадуба), примерно в 30-35 км к северо-востоку от г. Бандиагара, по дороге к г. Дуэнца. Саман мирно сосуществовали с местным языческим населением. Даже после того, как фанатичный предводитель тукулеров Эль Хадж Умар Талль и его преемники сделали своей ставкой г. Бандиагара, они не особенно упорствовали в попытках насильственно обратить всех догонов в ислам; те позволили тукулерам обосноваться в Бандиагара и построить там мечеть с гигантским двором; наследник Эль Хадж Умар Талля, Тиджани Талль, благополучно пра-

¹ Согласно устной традиции догонов, создатель империи тукулеров бесследно исчез; на самом деле, он погиб при взрыве порохового склада.

² Эта надпись появилась после того, как в 90-х гг. прошлого века журнал *Vogue* устроил в мечети фотосессию с полуобнаженными моделями.

вил там до своей смерти в 1887 г., в согласии с могущественными местными кланами, Тембели (Тимбели) и Уологем. Север нагорья и лежащую к югу от него Долину Сено тукулеры если и контролировали, то в очень небольшой степени. Тиджани наследовал один из сыновей Эль Хадж Умара, правитель Масины Агибу. При нем был построен царский дворец, который в наши дни является главной достопримечательностью г. Бандиагара. При нем отношения между мусульманами и приверженцами традиционной религии тоже оставались вполне мирными. Исламизация Страны догонов шла неравномерно: так, деревни в Долине Сено стали мусульманскими раньше поселений и на скальном уступе, и на нагорье и, тем более, на его севере, где до сих пор существуют практически полностью языческие поселения, такие, как д. Семари. Там есть некоторое количество мусульман, и у них даже имеется совсем маленькая мечеть.

Перелом наступил в 90-х гг. прошлого века. Вероятно, не случайно апогей популярности новой веры совпал по времени с «туристическим бумом», который начался после либерализации экономической политики в 1991 г.: учитывая весьма ироническое отношение малийцев вообще и догонов в частности к «тубабу»¹ (т.е. к европейцам, по преимуществу французам), можно с большой долей вероятности предположить, что выбор этой мировой религии не в последнюю очередь был обусловлен тем, что она «неевропейская». К тому же, нередко ислам не противоречит местным обычаям: традиционного распределения обязанностей между мужчинами и женщинами, полигамии и издревле практикуемого обрезания. Есть обычаи, где решительно невозможно определить, мусульманские они или местные: так, у вождя (ого, огон) обязательно должно быть четыре жены, но сейчас уже невозможно определить, связано ли это именно с исламом.

Архитектура

Архитектура Мали настолько своеобразна, что спутать ее невозможно ни с чем. Хорошо изучены памятники новых (Мопти) и древних городов долины р. Нигер (Сегу, Дженне, Гао и Тимбукту), т.е. те, что входят в перечень всемирного наследия ЮНЕСКО. Много публикаций посвящено также архитектуре нагорья Бандиагара (которая также включена в перечень ЮНЕСКО), однако она остается изученной очень неравномерно — дело в том, что туда входит не вся территория Страны догонов, но только относительно небольшой ее участок вдоль скального уступа Бандиагара между д. Амба на северо-востоке, д. Гани-до на юго-западе, г. Бандиагара на севере и г. Банкасс на юге,

¹ Кроме значения «белый, европеец», это слово имеет и другое, которого нет в словарях: «дурак».

т.е. едва ли четверть ее территории (деревни догонов расположены не только на тянущегося с юго-запада на северо-восток нагорья, но и на самом нагорье, и на прилегающих к нему равнинах, и тамошняя архитектура ничуть не хуже той, что находится под охраной ЮНЕСКО).

До середины прошлого века постройки в городах и деревнях Мали удостоивались лишь самых кратких описаний. Общий интерес к традиционной африканской архитектуре (и к архитектуре Мали, в частности) резко возрос в конце 60-х — начале 70-х гг. прошлого века (время общего «ренессанса» африканистики), но несколько снизился к концу 80-х гг. В XXI в. интерес к африканской архитектуре вновь повысился, причем, особенно тщательно исследуется техника традиционного земляного строительства, как «экологически чистая» и дешевая альтернатива строительной индустрии европейского типа. В Республике Мали отечественная архитектура осознается как важнейшая часть национального культурного наследия. По мере возможности, публикуются исследования памятников традиционной архитектуры (во франкоязычной литературе используется термин *l'architecture vernaculaire*, т.е. «народная архитектура»); в г. Мопти действует *Centre de l'Architecture en Terre* (Центр земляной архитектуры), финансируемый фондом Ага Хана.

В литературе, посвященной архитектуре Мали и всего Западного Судана, особняком стоят имена двух исследователей. Это Сьюзен Деньер, чья монография «Традиционная африканская архитектура в исторической и географической перспективе», была опубликована еще в 1978 г., но до сих не утратила своего значения (Denyer 1978: 6). Несомненным достоинством книги является то, что Сьюзен Деньер впервые описала признаки т.н. «Суданского стиля» (типичные сооружения — мечети в Дженне и Мопти, а также городская застройка Дженне и Тимбукту): по С. Деньер, это наличие внутреннего двора с бассейном для сбора дождевой воды (это не обязательная деталь), плоская с парапетом или коническая крыша, наличие деревянного каркаса и использование в качестве основного строительного материала сырцовых кирпичей разной формы (Denyer 1978: 160). По мнению С. Деньер, эти черты характерны для городской архитектуры, а за пределами городов встречаются только на Плато Догон. Сложился Суданский стиль, по мнению С. Деньер, задолго до появления в Западной Африке ислама.

Другая исследовательница, сыгравшая, несомненно, выдающуюся роль в изучении архитектуры Мали и всего Западного Судана — Лабелль Пруссен. Ее многочисленные работы, посвященные архитектуре Мали и всего Западного Судана, начали публиковаться с конца 60-х гг. прошлого века. Лабелль Пруссен принадлежит гипотеза о связи Суданского стиля с миграциями мусульман (торговцев-диула) (Prussin 1968; Prussin 1970). Точки зрения С. Деньер и Л. Пруссен, в общем, не противоречат друг другу: Суданский стиль,

скорее всего, сложился в долине р. Нигер вполне самостоятельно, а ислам просто не мог не способствовать распространению такого, к примеру, важнейшего для архитектуры Мали типа сооружений, как мечеть, по всей принигерской саванне.

Из опубликованных относительно недавно работ по архитектуре догонов следует отметить монографию Вольфа Шийнса «Народная архитектура догонов в Мали. Типологическая эволюция и будущее всемирного наследия» (Schijns 2009), до сих пор остающуюся наиболее обстоятельным трудом по этому вопросу, однако не лишенным общего недостатка всей литературы, посвященной догонам: в монографии Шийнса рассматриваются только те памятники, что расположены на территории, входящей в охранную зону ЮНЕСКО.

В долинах вокруг нагорья Бандиагара абсолютно преобладает земляное строительство, благо материал лежит прямо под ногами. Землю замешивают с водой и соломой, заливают ее в прямоугольные формы и оставляют сушиться на солнце. В д. Энде дома строят на каменном фундаменте — для этого копаются неглубокая траншея, которую заполняют камнем. На нем и возводятся кирпичные стены, где кирпичи скрепляются той же жидкой землей, из которой они сделаны. Перекрываются эти сооружения деревянными жердями, а на них выкладывается толстый слой из стеблей миля или *то* (африканское просо), после чего все сооружение покрывается обмазкой, состоящей из все той же жидкой земли, смешанной с мякиной миля. В последнее время поверх жердей кладется полиэтиленовая пленка. Каждый год после сезона дождей дома приходится заново покрывать обмазкой: тропические ливни смывают ее, и если перед очередным сезонным потоком постройки не покрыты свежим ¹итным слоем, то начнет размываться сама кирпичная кладка ^{<?>}. Иначе выглядит техника строительства на нагорье, где земли очень мало. Там в строительстве применяется по преимуществу камень, а земля используется

¹ Такая техника строительства характерна для всей территории Мали, но в городах долины Нигера она значительно сложнее, и требует от строителей высокой квалификации: в состав глины для кирпичей и обмазки стен входят многие компоненты, причем от точного соблюдения пропорций, в которых они добавляются, зависит прочность сооружений. Это гуммиарабик, рисовая мякина, мука из плодов баобаба, солома, стручки акации и «земля из Бурема» (*terre de Bourem*) — род глины, встречающийся во многих местах в долине Нигера. Надо заметить, что все эти ингредиенты даже в городах используются не всегда — если сооружение невелико по размеру и не испытывает больших нагрузок, то дело обычно ограничивается только добавлением соломы и рисовой мякины. Во внутренней дельте Нигера в регионе Мопти, где выращивают много риса, последняя используется чаще, чем в засушливой Стране догонов, где рис практически не возделывается. В качестве основного строительного материала сырцовых кирпичей разнообразной формы — цилиндрической, овальной, прямоугольной. Так, в небольших сооружениях вроде зернохранилищ и деревенских жилых домов совсем не обязательно используется деревянный каркас, к тому же, существуют довольно значительные вариации в использовании строительных материалов, характерных для данной местности.

только при строительстве зернохранилищ. Надо заметить, что качество жизни в каменных домах хуже, чем в земляных: камень быстро нагревается днем и остывает ночью, так что днем там слишком жарко, а по ночам, даже в Мали, может быть довольно прохладно. В земляных постройках в долине все наоборот — днем в них относительно прохладно, а по ночам тепло.

В деревнях, расположенных на скальном уступе Бандиагара, использовалась комбинированная техника строительства — земля в сочетании с камнем. В старых заброшенных деревнях много построек, где использовались кирпичи овальной формы, сейчас практически вышедшие из употребления.

Традиционная архитектура догонов знает четыре основных типа сооружений. Во-первых, это жилые дома, которые очень заметно варьируются в разных частях их этнической территории, причем, их планировка и техника строительства зависят в равной мере и от особенностей рельефа, и от культурно-исторических факторов. Второй тип — зернохранилища характерной квадратной формы с небольшими дверками на первом и втором ярусах. Эти дверки нередко покрываются изысканной резьбой. Третий тип характерных для догонов сооружений — тогуна (*toguna*), беседки квадратной формы с низким потолком. Это общественные сооружения, там проходят заседания советов старейшин, традиционные суды «первой инстанции» и т.д. Само название можно перевести как «дом бесед». Эти постройки явно играют роль этнодифференцирующих маркеров: если в деревне есть тогуна, значит, это догонская деревня. Наконец, четвертый тип сооружений — гинна (*guinna*). Как и тогуна, это общественные здания, но подробно мы поговорим о них позже.

Еще в середине прошлого века много деревень догонов располагалась на скальном уступе Бандиагара, однако теперь большинство их жителей переселилось в новые кварталы у подножия скал. Объясняется это тем, что уже в первой половине XX в. совершенно исчезла опасность нападений со стороны скотоводов пель (фульбе). Жизнь в долине проще, чем на скалах: источники воды легко доступны, а поля находятся тут же, за деревенской околицей. Вместе с тем, жизнь на скалах имела определенные преимущества, которые сам автор смог оценить в полной мере: там всегда есть ветер, а во второй половине дня тень скального уступа, который тянется почти точно с юго-запада на северо-восток, накрывает многие старые деревни. Соответственно, на скалах никогда не бывает такого изнурительного зноя, как в долине и на раскаленной скале нагорья. Планировка и форма жилых домов, а равно планировка домовладений, находятся в прямой зависимости от расположения участка на местности, и от его рельефа. Так, на небольших террасах на скальном уступе, где мало места для строительства, постройки малы, а планировка групп построек часто бывает неправильной формы, впи-

санной в рельеф; в новых деревнях в долинах постройки чаще всего бывают правильной прямоугольной или квадратной формы, точно так же, как и их группы, принадлежащие большой семье. На нагорье, где деревни нередко располагаются на небольших естественных возвышенностях, их план может быть неправильным, как и план домовладений, но сами дома обычно прямоугольные или квадратные. Нередко планировка деревень бывает обусловлена дополнительными факторами, такими, как оборонительные нужды. Так, деревня Семари, оборонительный форпост на северо-востоке нагорья, представляет собой запутанный лабиринт узких проходов, которые обязательно заканчиваются тупиками, окруженными со всех сторон довольно высокими стенами. Проникнуть в деревню, расположенную на небольшом плато с отвесными скальными стенами, можно только в двух местах, и противник рано или поздно попадет в эти тупики, где может быть легко уничтожен даже самым незамысловатым оружием.

Помимо естественных факторов и связанных с ними задачами обороны, на облик догонских домов большое влияние оказывают культурно-исторические факторы, и связаны они с той самой историей миграций, о которой речь уже шла выше.

Дело в том, что в разных культурно-исторических областях Страны догонов дома могут быть очень разными. Так, фасады домов в деревне Буну (культурно-историческая область Ловель-Геу на северо-западе нагорья) обнаруживают поразительное сходство с фасадами в Марокканском стиле из Дженне. А в культурно-исторической области Бондум (северо-восток нагорья) в деревнях Тинтан (*Tintam, Tintan, Nin-Tan*) и Семари (*Semari, Samari*) планировка домов идентична планировке домов в том же Дженне: они имеют два этажа, внутренний дворик и вестибюль, на юге встречающийся только в домах вождей (помещение для охраны), да и то крайне редко. В сущности, разница в планировке домов из Дженне и из деревни Тинтан (Тинтам) сводится к тому, что в Тинтан на втором этаже расположены не жилые помещения, а зернохранилища. Наконец, характерные для гинна на севере мощные пилостры находят аналогию в архитектуре мечети в Дженне, и особенно — в руинах первой мечети, запечатленной на фотографии конца XIX в.

Мечети и гинна

Мечети появились в догонских деревнях, возможно, уже с первыми мусульманами, но было их явно совсем немного. По мере нарастания влияния ислама с 60-х гг. прошлого века число их начало расти. Однако до 90-х гг. прошлого века там абсолютно преобладали мечети, вписывавшиеся в «провинциальный» и сильно упрощенный вариант Суданского стиля: это были совсем

небольшие сооружения с характерным зубчатым парапетом, вызывающим ассоциации с термитниками, украшающими принигерскую саванну (рис. 1). Стиль этих мечетей мало варьировался не только по всей Стране догонов, но и в сельской архитектуре, пожалуй, всей принигерской саванны. Однако на рубеже 90-х и 2000-х гг. неожиданно и очень быстро распространился совершенно новый тип, который мало походил на классические сооружения Суданского стиля. От старых мечетей догонов новые отличались, прежде всего, относительно большими размерами, что было обусловлено ростом числа неофитов. Но особенно бросается в глаза их подчеркнуто декоративный стиль: стены разделаны нишами, чья форма и размер в разных деревнях могут варьироваться в достаточно больших пределах (рис. 2).

Надо отметить, что хотя мечети такого типа стали особенно бурно распространяться по Стране догонов с конца 90-х — начала 2000-х гг., но появились они еще в 80-х гг. прошлого века, причем впервые они были зафиксированы в том самом округе Банкасс, где работала малийская экспедиция ИВ РАН, в той его части, что находится в Долине Сено (Ronde, Holland 1988, цит. по: Schijns 2009: 97). Как мы помним, там исламизация началась раньше, чем в других частях страны догонов.

Как бы то ни было, ничего похожего ни в старых мечетях Страны догонов, ни вообще во всех мечетях Суданского стиля никогда не было; для последних характерна разделка стен плоскими пилястрами, однако ниши там никогда не встречались. Известно, правда, одно исключение: это дворец Агибу Талля в Бандиагара, построенный в так называемом Марокканском стиле, распространенном в Дженне (Суданский стиль подразделяется на Марокканский стиль и Стиль тукулеров). В рамках журнальной статьи автор лишен возможности подробно остановиться на происхождении этих стилей, поэтому ограничимся только замечанием, что оба явно сформировались и до марокканского завоевания города (1591 г.), и до вторжения тукулеров (1862 г.). Так, единственное, что связывает Марокканский стиль с архитектурой этой страны — характерные окна, практически неизвестные за пределами Дженне. Что касается тукулеров, то у этого народа до завоевания Дженне и не было никакого определенного архитектурного стиля: на родине Эль Хадж Умар Талля, в местечке Альвар (Хальвар) на границе между Сенегалом и Мавританией, сохранилась построенная еще при его жизни небольшая мечеть, но в ее декоре трудно обнаружить что-либо, кроме окон, хоть отдаленно напоминающее Стиль тукулеров в Дженне. К тому же, фасады домов в Стиле тукулеров в Дженне и Мопти отличает явный антропоморфизм, что было бы вряд ли уместно в архитектуре убежденных мусульман-тукулеров, которых, в известном смысле, можно считать предшественниками радикального ислама. Впрочем, в мусульманской архитектуре Мали возможны и не такие чудеса: так,

порталы мечетей в Дженне и в Мопт¹ очень похожи на языческие догонские маски антилопы Валу , а на дверях мечети в маленькой деревне Уме (Umé) недалеко от д. Тинтан можно видеть засов-маскоид той же формы. Впрочем, последний случай можно объяснить тем, что маска Валу во время церемоний следит за порядком (догоны называют ее «маска-полицейский»). Так что совершенно естественно, что охрану мечети или дома вверяют полиции, хоть и метафизической.

Итак, в городской мусульманской архитектуре Мали прототипов новых догонских мечетей нет. Поэтому можно предположить, что истоки этого стиля надо искать не в Дженне или Тимбукту, но в самой Стране догонов, тем более что похожий декор в старых сооружениях был единственный раз зафиксирован на их территории, во дворце Агибу Талля.

И действительно, для домусульманской архитектуры догонов в высшей степени были характерны *гинна* (*guinna*), или *гипан гинна* (*guiran guinna*, *guaran guinna* т.е. «семейный дом», «большой дом» — рис. 3). Их нередко называют «мужскими домами», хотя правильное их было бы назвать «традиционными административными зданиями» большой семьи (ее численность может достигать ста человек), которая тоже называется «*гинна*» (в этих домах, к примеру, заседают традиционные суды «второй инстанции»). Кстати, женщинам вход туда вовсе не возбраняется — они каждый день проводят в гинна тщательную уборку.

Именно для гинна характерны фасады с нишами, где хранятся семейные фетиши, которыми могут быть любые предметы — от скульптур высокого художественного качества и изящных старых дверных засовов, до рваных шлепанцев, рогов и костей животных, и даже велосипедных фар.

В наши дни, в связи с распространением ислама, гинна быстро утрачивают свое значение. Так, в деревне Сонингхе (*Soninghé*, *Soningué*, сельская коммуна Дуру округа Бандиагара), которая находится на нагорье примерно в 30 км

¹ Это сходство еще в 1971 г. отметил британский африканист Ф. Уиллетт (Willett 1971: 184). Между тем, это действительно интересный вопрос: как форма, распространенная именно в искусстве догонов могла появиться в Дженне, да еще и в мечети, причем, прием этот оказался столь популярным, что через некоторое время был воспроизведен и в Мопти? Возможно, что прояснить этот вопрос может следующее наблюдение: «В ходе моих полевых исследований, наиболее яркие примеры публичных подражаний и шуточных оскорблений я наблюдал между отдельными бозо и догонами, или между их небольшими группами. Бозо, традиционно бывшие рыбаками во Внутренней дельте Нигера, во время моего исследования являлись наиболее заметной [этнической] группой, занятой в Дженне в строительстве. Не вызывает сомнений, что в этом ремесле они оставались монополистами, по меньшей мере, на протяжении всего прошлого века» (Marchand 2003: 50). Получается, что строителями третьей мечети с высокой степенью вероятности были бозо, которых с догонами связывает шуточное родство: они считаются кровными братьями. Этническая территория догонов начинается совсем недалеко от Дженне, и в самом городе их немало (по уверениям местных жителей, лучший хлеб там выпекают догоны-Гиндо). Сейчас много догонов приезжает в Дженне учиться в коранических школах, знаменитых на всю Западную Африку.

к северо-северо-востоку от районного центра Бандиагара, большинство гинна было заброшено. Много заброшенных гинна автор видел и в деревне Тинтан на севере нагорья. Интересно, что при знакомстве с этими сооружениями выявилась прелюбопытная тенденция: в тех деревнях, где есть только мечети, гинна уже нет; там, где есть и церкви, и мечети, есть действующие гинна. Иной раз, там, где мусульмане, христиане и язычники живут в разных кварталах, как в деревне Бенемату (*Begnematou*, сельская коммуна Дуру округа Бандиагара, на картах не обозначена), гинна все еще полностью функциональны. Такие различия объясняются тем, что в тех деревнях, где есть и христиане, и мусульмане, многие их жители по-прежнему придерживаются традиционной религии, борьба за их души пока что не закончена, а результат ее неясен. Отсутствие же церквей означает, что все население деревни приняло ислам, по крайней мере, формально. Следует также отметить, что все обследованные автором в догонских деревнях церкви в своей архитектуре ничего общего с гинна не имеют — чаще всего, это совсем простые сооружения, о назначении которых говорит только крест на крыше.

Совершенно естественным будет вопрос, по какой причине в мечетях начал воспроизводиться «языческий» декор гинна? Вероятно, ответ состоит в том, что мечети приняли на себя функции общественных зданий. Причем, мечети не просто воспроизводят декор гинна, но воспроизводят его «дословно». Как и в гинна, стена разбивается на два яруса: первый состоит из плоских пилястр, второй — из ниш. Таким образом, архитектурный декор сообщает носителю традиционной культуры, что теперь общественное здание — это мечеть, а суд теперь шариатский. С церквями это не произошло, прежде всего, потому что христиан среди догонов немного, и сооружение, которое посещается лишь небольшим количеством жителей деревни, не может исполнять роль общественного для всей деревни или ее отдельного квартала.

Но было бы ошибкой считать, что такое положение существует во всех без исключения догонских деревнях — как уже говорилось выше, исламизация в разных частях Страны догонов проходила по-разному, и с разным успехом. И это вполне естественно: Страна догонов подразделяется на десять больших культурно-исторических областей, ее население говорит на множестве языков, а каждая деревня, и даже разные кварталы одной и той же деревни, могут иметь заметные культурные различия. Так, в д. Энде, ставшей базой Малийской экспедиции ИВ РАН, жители соседних кварталов говорят на разных диалектах языка тенкан. Точно так же разнятся в разных деревнях и отношение к исламу: в Энде под впечатлением от тех ужасов и безобразий, что связаны с развязанной исламистами террористической войной, мало-помалу возрождается традиционная религия; в старейшем квартале д. Кани-На (Кани-Бонзон) на расстоянии примерно 50 м друг от друга располагаются алтарь

традиционного бога-творца Амма и мечеть, чей запущенный вид весьма красноречиво контрастирует с ухоженным языческим алтарем, имеющим следы свежих жертвоприношений. К сожалению, отношения автора с жителями Кани-Бонзон не развились до такой степени дружества, как в Энде; поэтому, невозможно сказать что-то определенное относительно возрождения традиционной религии, но состояние мечети и алтаря позволяет предположить, что положение там схоже с тем, что сложилось в Энде.

Не менее показательна и отношение к идолам, или «фетишам». В этом отношении показательна история, случившаяся с участниками Малийской экспедиции ИВ РАН в конце января 2019 г.: в деревню Энде явился молодой человек по имени Амаду Гиндо из деревни Пель (*Pel, Pel-Maoude*, сельская коммуна Пель-Мауде округа Коро, регион Мопти). Он принес на продажу семейных фетишей, которые экспонировались на выставке в Государственном музее Востока в 2019 г. (Ванюкова, Куценков 2019: 24, кат. № 11). По словам Амаду Гиндо, продажа этих вещей объясняется тем, что семья приняла ислам, а также тяжелым экономическим положением и семьи, и всей деревни. Но во время продолжительного разговора с ним выяснились и другие детали, которые заставляют заподозрить, что от фетишей избавились не ради одного только правоверия.

Как выяснилось, умер тот человек, что владел этими предметами. Для чего они предназначены, никто из наследников не знал, и поэтому они могли представлять опасность. Раньше в подобных случаях фетиши сжигали. Но теперь вера в фетиши уже не та, что раньше, и связана это не только с исламом. Причину, по мнению автора, следует искать в изменении самого характера культуры догонов — из бесписьменной она быстро превращается в письменную, что дополняется ее «цифровизацией»: мобильные телефоны и планшеты с доступом к интернету теперь есть у большинства жителей догонских деревень. Несомненно также, что в этой истории не последнюю роль сыграло очень тяжелое экономическое положение деревни.

Заключение

Итак, в случае с архитектурой догонов можно наблюдать очень своеобразный вариант взаимодействия традиционной культуры с исламом. Само по себе использование традиционных для данной территории форм и типов архитектурных сооружений хорошо известно — достаточно тут вспомнить османские мечети, имеющие своим прототипом Айя Софию. Но в этом случае имитировалось не языческое сооружение, а церковь, построенная «людьми Писания». С догонами дело обстоит иначе: в архитектуре мечетей воспроизводится не просто декор сооружения, напрямую связанного с традиционной

религией, но именно те его детали, что связаны с поклонением «идолам», или фетишам. На взгляд автора, этот пример помогает понять, каким образом откровенно языческие формы традиционной архитектуры оказываются на фасадах мечетей, а те превращаются в традиционные общественные здания. Как ни странно это прозвучит, но, по мнению автора, такое положение говорит не о слабости ислама — проникновение языческих элементов в мусульманскую архитектуру, скорее, является свидетельством синтеза ислама и традиционной культуры, такого, когда языческие элементы уже не осознаются как таковые, а исламские не отождествляются догмами только с религией.

Иллюстрации

Рис. 1. Мечеть в квартале Энде-Во д. Энде. 1960-е гг.

Рис. 2. Мечеть в д. Йабаталу. Начало 2000-х гг.

Рис. 3. Гинна в деревне Сонингхе

Научная литература

Ваниюкова Д. В., Куценков П. А. Пленники Сириуса. Путешествие в Страну догонов. Каталог выставки. Москва: ГМВ, 2019. — 49 с.

Куценков П. А. Устные традиции деревни Энде (Страна догонов) // Восток (Oriens). 2019. № 4. С. 51-59.

Описание деревни Семари, составленное ее вождем Буреима Гандеба / Пер. и коммент. П. А. Куценков // История Африки: люди и судьбы: сборник документов и материалов. Ярославль: Филигрань, 2016. С. 99-110.

Суданские хроники / Ред. А. И. Першиц, пер. Л. Е. Куббель. Москва: Наука, ГРВЛ, 1984. — 260 с.

Ba H. H., Daget J. L'Empire peul du Macina (1818-1853). 2 ed. Paris: Les Nouvelles Editions Africaines. Editions de l'Ecole de Hautes Etudes en Sciences Sociales, 1984. — 306 p.: ill.

Bourgeois J. L. Spectacular Vernacular: The Adobe Tradition. New York: Aperture, 1989. — 196 p.

Denyer S. African traditional architecture: an historical and geographical perspective. London: Heinemann, 1978. — 210 p.+XIV.

Gallay A., Huysecom A., Mayor A. Archéologie, histoire et traditions orales: trois clés pour découvrir le passé dogon // Die Kunst der Dogon. Museum Rietberg Zürich. Zürich: Museum Rietberg, 1995. P. 19-44.

Holder G. De la « cité-État » en Afrique noire. L'espace et le politique chez les Saman du pays dogon (Mali) // Cahiers d'Études africaines, 166, XLII-2, 2002. P. 257-283.

Marchand T. H. J. The masons of Djenné. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2009. — 352 p.

Prussin L. The architecture of Islam in West Africa // African Arts, 1, 2. 1968. P. 32-35, 70-74.

Prussin L. Sudanese architecture and the Manding // African Arts, 3, 4. 1970. P. 8-19, 97-98.

Ronde P.; Holland E. van. Dègubè Weèjè, drempels van het wonen. Een onderzoek naar de architectuur in de cercle Bankass. Doctoraalscriptie faculteit Bouwkunde. Eindhoven: Technische Universiteit Eindhoven, 1988.

Schijns W. L'architecture vernaculaire des Dogons du Mali. L'évolution typologique et l'avenir d'un patrimoine mondial. Amsterdam: Gopher, 2009. — 233 p. + ill.

Willett F. African art: An introduction. London, New-York: Thames & Hudson, 1971. — 288 p. + ill.

References

Ba, H. H., Daget, J. 1984. L'Empire peul du Macina (1818-1853) [The Fulani Empire of Macina (1818-1853)]. 2 ed. Paris: Les Nouvelles Editions Africaines. Editions de l'Ecole de Hautes Etudes en Sciences Sociales. — 306 p. + ill.

Bourgeois, J. L. 1989. *Spectacular Vernacular: The Adobe Tradition*. New York: Aperture. — 196 p.

Denyer, S. 1978. *African traditional architecture: an historical and geographical perspective*. London: Heinemann. — 210 p.+XIV.

Gallay, A., Huysecom, A., Mayor, A. 1995. Archéologie, histoire et traditions orales: trois clés pour découvrir le passé dogon [Archeology, history and oral traditions: three keys to discovering the Dogon past]. In: *Die Kunst der Dogon. [The art of the Dogon]*. Museum Rietberg Zürich. Zürich: Museum Rietberg. P. 19-44.

Holder, G. 2002. De la “cité-État” en Afrique noire. L’espace et le politique chez les Saman du pays dogon (Mali) [From the “city-state” in black Africa. Space and politics among the Saman people of Dogon country (Mali)]. In: *Cahiers d’Études africaines [African Studies Notebooks]*, 166, XLII-2. P. 257-283.

Kutsenkov, P. A. 2019. Ustnye traditsii derevni Ènde (Strana dogonov) [Oral traditions of the village of Ende (Dogon Country)]. In: *Vostok (Oriens)*, № 4. P. 51-59.

Marchand, T. H. J. 2009. *The masons of Djenné*. Bloomington, IN: *Indiana University Press*. — 352 p.

Opisanie derevni Semari, sostavlennoe ee vozhdem Bureima Gandebe [Description of the village of Semari, compiled by its leader Bureita Gandebe]. 2016 / transl. & comm. by P. A. Kutsenkov. In: *Istoriia Afriki: liudi i sud'by: sbornik dokumentov i materialov [History of Africa: People and Destinies: Collection of Documents and Materials]*. Iaroslavl': Filigran'. P. 99-110.

Prussin, L. 1968. The architecture of Islam in West Africa. In: *African Arts*, 1, 2. P. 32-35, 70-74.

Prussin, L. 1970. Sudanese architecture and the Manding. In: *African Arts*, 3, 4. P. 8-19, 97-98.

Ronde, P., Holland, E. van. 1988. Dègubè Weèjè, drempels van het wonen. Een onderzoek naar de architectuur in de cercle Bankass. Doctoraalscriptie faculteit Bouwkunde. Eindhoven: Technische Universiteit Eindhoven.

Schijns, W. 2009. L’architecture vernaculaire des Dogons du Mali. L’évolution typologique et l’avenir d’un patrimoine mondial [The vernacular architecture of the Dogons of Mali. The typological evolution and the future of a world heritage]. Amsterdam: Gopher. — 233 p. + ill.

Sudanskie khroniki [Sudanese Chronicles]. 1984 / ed. by A. I. Pershits, transl. by L. E. Kubbel'. Moscow: Nauka, GRVL. — 260 p.

Vaniukova, D. V., Kutsenkov, P. A. 2019. Plenniki Siriisa. Puteshestvie v Stranu dogonov. Katalog vystavki [Prisoners of Sirius. Travel to Dogon Country. Exhibition catalog]. Moscow: GMV. — 49 p.

Willett, F. 1971. *African art: An introduction*. London, New-York: Thames & Hudson. — 288 p. + ill.

Научное издание

**ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЕВРАЗИЯ:
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО
(НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО,
ВЫЗОВЫ НАСТОЯЩЕГО,
ПРИМЕР ИНОГО)**

Выпуск 5

Сборник статей

В авторской редакции
Верстка *Е. Н. Комарова, Д. С. Лялюева*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 — Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать 12.12.2022. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 13. Уч.-изд. л. 12,7. Тираж 500 экз. Заказ №3942

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).

Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Веб-сайт: www.ivran.ru

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН — на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»

Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4

Тел.: (495) 287-06-19; E-mail: probel-2000@mail.ru